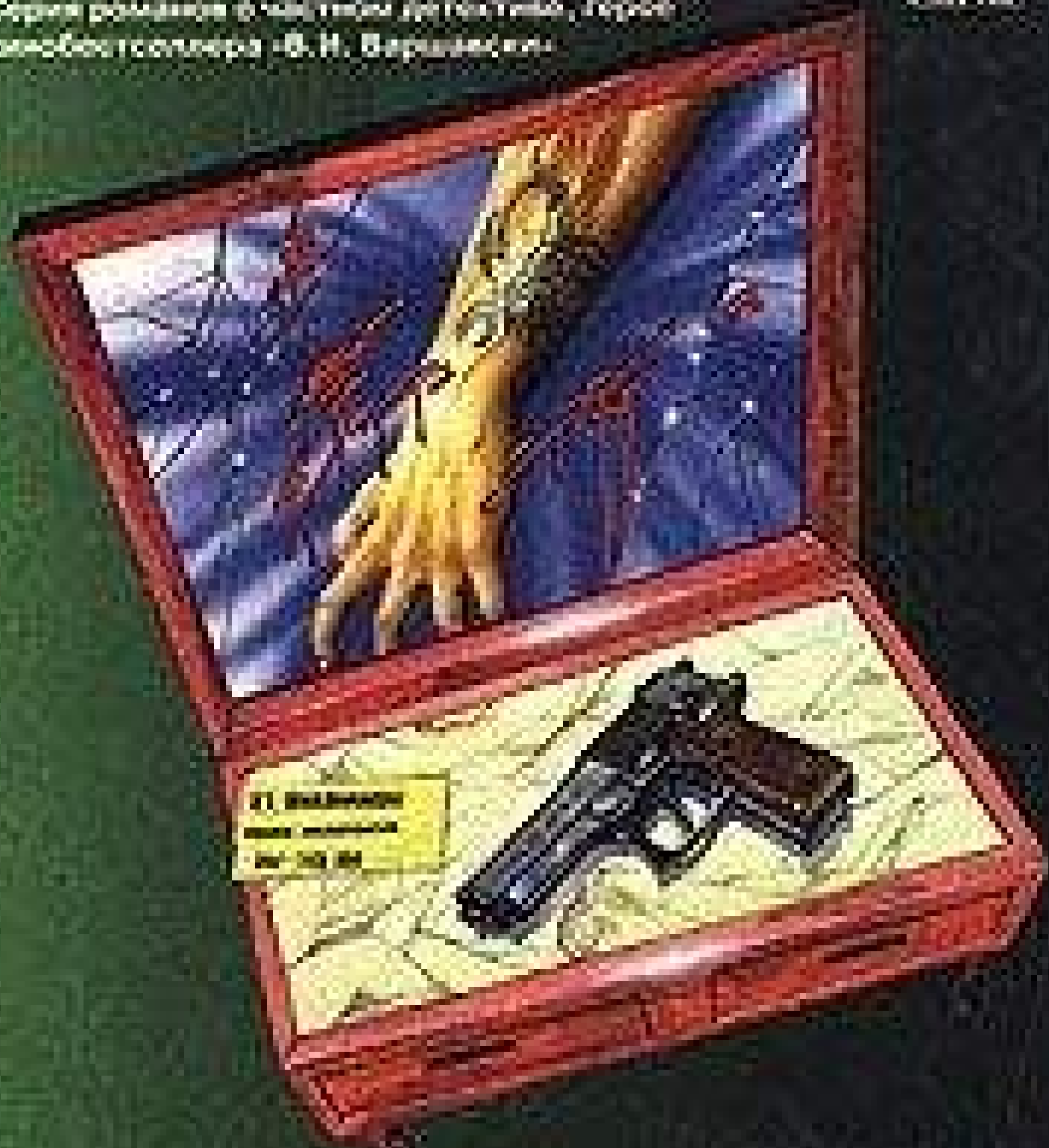

САРА ИА ПИРИ

САН

Сүрөтү бөлүмүндө 1000 түрүнө жеткендиктен, бөлүмү
көзгө көрүнбөсүнүктөгү «С.Н. Сапаров».

С.Н. Сапаров
1000 түрүнө жеткендиктен
көзгө көрүнбөсүнүктөгү

САРА ИА ПИРИ

Сара Парецки

Приказано убить

Посвящается Кортни

Все иное – разрушительное ничто

Глава 1

Старые раны

Выйдя из машины, я почувствовала тяжесть в желудке. Привычная тошнота подкатила к горлу, сердце глухо застучало. Я поднималась по узкой дорожке к парадному входу, и тех десяти лет, которые я провела вдали от Мелроуз-парка словно не было.

Январский ветер кружил под ногами опавшие листья. Снега в эту зиму выпало мало, но дули пронизывающие ветры. Нажав на звонок, я засунула руки поглубже в карманы темно-синего пальто, пытаюсь согреться. Никак не удавалось справиться с волнением. В конце концов они сами позвали меня... умоляли о помощи... Но это не успокаивало. Поддавшись на ее просьбу, я проиграла важное сражение.

Я топала ногами, чтобы отогреть пальцы, замерзшие в туфлях на тонкой подошве, когда, наконец, услышала шаги за голубой дверью. Дверь распахнулась в слабо освещенный вестибюль. В проеме я различила двоюродного брата Альберта – с нашей последней встречи он сильно располнел. Полумрак смягчал выражение недовольства на его лице.

– Проходи, Виктория. Мама ждет тебя.

Я извинилась за то, что опоздала на четверть часа, и сказала что-то насчет погоды. Альберт совсем облысел, с удовольствием отметила я. Он неловко взял мое пальто и бросил на перила узкой, ничем не покрытой лестницы.

Низкий неприятный голос окликнул нас:

– Альберт, это Виктория?

– Да, мама, – пробормотал он.

Прихожая освещалась через крошечное круглое окошко, обращенное на лестницу. Полумрак размывал рисунок на обоях, но, идя за Альбертом по узкому коридору, я заметила, что рисунок не изменился: все те же белые петельки на сером фоне, отвратительные, холодные. В детстве мне казалось, что эти обои источают ненависть. Следуя за раскачивающимися ляжками Альберта, я вдруг почувствовала, как знакомый холод впился в меня своими колючками, и вздрогнула.

Когда-то я умоляла свою мать, Габриелу, не привозить меня в этот дом. Зачем нам бывать здесь? Роза ненавидела маму, ненавидела меня, и Габриела, возвращаясь домой, всегда плакала. Но при этом, напряженно улыбаясь, говорила: «Ничего не поделаешь, дорогая. Я должна туда ездить».

Альберт провел меня в так называемую гостиную в задней части дома. Мебель, набитая конским волосом, была знакома мне, словно мебель моей собственной квартиры. Я видела в ночных кошмарах, как меня заманивают в эту комнату с чопорной мебелью, ледяными голубыми портьерами, мрачным портретом дяди Карла над декоративным камином и Розой, высохшей, хищной, хмурой, сидящей неестественно прямо на высоком стуле.

Теперь ее волосы поседели, но тяжелый, неодобрительный взгляд остался тем же. Я пыталась дышать глубже, чтобы успокоить разбушевавшийся желудок. «Ты приехала, потому что она умоляла тебя приехать», – напомнила я себе.

Роза не поднялась, не улыбнулась – я не помню, чтобы кто-нибудь видел ее улыбающейся.

– Очень любезно было с твоей стороны приехать, Виктория. – Ее тон ясно говорил, что мне следовало бы появиться вовремя. – Когда человек стар, ему трудно путешествовать. А последние несколько дней меня сильно состарили.

Я отыскала наименее неудобный стул и присела.

– Пожалуй, – уклончиво отозвалась я.

Розе было около семидесяти пяти. Если бы после ее смерти сделали вскрытие, то обнаружили бы, что у нее скелет чугунный. Но пока что следов ржавчины не было видно: похоже, она еще недостаточно стара.

– Альберт, предложи Виктории кофе.

Единственным достоинством Розы были ее кулинарные способности. Поблагодарив за ароматный итальянский кофе, я все же отказалась от пирожных, которые Альберт протянул мне на подносе, – совсем не хотелось ронять крошки на черную шерстяную юбку и при этом глупо себя чувствовать.

Альберт с трудом разместился на узком диване, уплетая кусок торта. Уронив крошку на пол, он украдкой посмотрел вниз, а затем покосился на Розу: не заметила ли она.

– У тебя все хорошо, Виктория? Ты счастлива?

– Да, – твердо заявила я, – у меня все хорошо, и я счастлива.

– Но ты, кажется, не вышла замуж вторично?

Последний раз я была здесь со своим бывшим мужем с мучительным свадебным визитом.

– Можно не состоять в браке и быть счастливой, как, без сомнения, скажет вам Альберт, да вы и сами это знаете.

Последнее замечание было жестоким: дядя Карл покончил с собой вскоре после рождения Альберта. Сначала я почувствовала себя отмищенной, а потом виноватой. Можно было и не язвить, я уже не ребенок. Но Роза все время заставляла меня чувствовать себя восьмилетней девочкой.

Та пренебрежительно пожала своими худыми плечами:

– Ты, конечно, права. Что же касается меня – я так и умру, не увидев внуков.

Альберт беспокойно заерзал на диване. Очевидно, эти жалобы ему уже надоели.

– Жаль, – отозвалась я. – Думаю, внуки были бы достойным вознаграждением за добродетельную жизнь.

Альберт закашлялся, но овладел собой. Глаза Розы сузились от злости.

– Ты лучше других должна знать, почему моя жизнь не была счастливой.

Я больше не владела собой.

– Роза, ты почему-то думаешь, что Габриела разрушила твоё счастье. Я не знаю, каким загадочным образом могла провиниться перед тобой девочка восемнадцати лет. Ты выгнала её ни с чем. А она даже не знала английского. Её могли убить. Что бы она тебе ни сделала, ты поступила с ней гораздо хуже. Ты знаешь, почему я здесь. Габриела заставила меня поклясться, что я помогу тебе, если ты будешь в этом нуждаться. Это обещание сидит у меня в печенках. Но я дала слово, и вот я здесь. Так что давай оставим прошлое в покое: я не буду иронизировать, но и ты прекратишь оскорблять мою мать. Почему бы тебе не объяснить, в чем дело?

Роза сжала губы так, что они почти исчезли.

– Позвать тебя – было самым трудным делом моей жизни. А теперь я вижу, что мне не следовало этого делать.

Она стремительно поднялась, словно стальной журавль, и вышла из комнаты. Я услышала сердитое клацанье ее шагов в коридоре и на голых ступеньках лестницы. Затем в отдалении хлопнула дверь.

Я поставила чашку и взглянула на Альберта. Он покраснел от смущения, но явно почувствовал себя свободней в отсутствие матери.

Так что, дела действительно плохи?

Он вытер пальцы о салфетку и аккуратно сложил ее.

– Очень плохи, – пробормотал он. – Зачем ты разозлила ее?

– Ее злит то, что я сижу здесь, вместо того чтобы покоиться на дне озера Мичиган. С тех пор как умерла Габриела, каждый раз, когда я с ней разговариваю, от нее веет могильным холодом. Если ей требуется помощь, единственное, что мне нужно от нее, – факты. Остальное пусть побережет для своего психиатра. Мой заработок не позволяет мне возиться с ее чувствами.

Я взяла сумку и поднялась, но в дверях остановилась и обратилась к брату:

– Альберт, я больше не приеду в Мелроуз-парк. Если хочешь, я выслушаю тебя. Но если я сейчас уйду, этим все кончится. Я больше не отреагирую ни на какие призывы Розы поддержать единство семьи. Кроме того, если ты действительно хочешь нанять меня, знай, я не собираюсь работать из любви к твоей матери.

Альберт воззрился на потолок, как бы ожидая указаний свыше. Нет, не от Бога – из спальни матери. Но мы ничего не услышали. Роза, по всей вероятности, всаживала булавку в кусочек глины с прилепленным к нему локоном моих волос. Я непроизвольно провела рукой по волосам, проверяя, все ли в порядке. Альберт неуклюже поднялся.

– Э... пожалуй... Э... может, я тебе расскажу?

– Отлично. Только давай перейдем в другую комнату.

– Конечно, конечно.

Он скупно улыбнулся – первая его улыбка за вечер. Я проследовала за ним вниз по коридору в комнату слева. Комната хоть и небольшая, но зато его собственное убежище. Одну стену занимали огромные стереофонические колонки, под ними встроенные полки с усилителем и внушительной коллекцией пластинок и кассет. Книг не было, за исключением нескольких финансовых отчетов. Трофеи времен учебы в университете. Небольшой бар.

Он уселся в большое кожаное кресло с подушкой. Подушку он передал мне, и я, устроившись в другом кресле, облокотилась на нее. На своей территории Альберт расслабился, и на его лице появилось выражение большей уверенности. Насколько я помнила, он был государственным аудитором, имел собственное дело. Видя его рядом с Розой, трудно было представить, что он может иметь собственное дело, но здесь, в этой комнате, это не казалось таким уж невероятным.

Взяв с полки трубку, он приступил к бесконечному ритуалу всех курильщиков трубок. Я бы с удовольствием ушла, прежде чем он ее раскурит. Дым плохо на меня действует, а дым от трубки, да еще на голодный желудок – я не завтракала, потому что очень нервничала, – настоящая гибель.

– Ты уже давно работаешь детективом, Виктория?

– Около десяти лет. – Мне не понравилось, что он назвал меня Викторией, но я промолчала. Нет, это действительно мое имя. Просто мне больше нравится сокращенное – Вик.

– И как успехи?

– Отлично. У меня репутация одного из лучших детективов. Можешь позвонить и навести справки, я дам тебе список своих клиентов.

– Ладно, прежде, чем уйти, напиши парочку имен. – Закончив выбивать трубку, он методично постучал ею по краю пепельницы и стал наполнять табаком. – Мама оказалась втянутой в историю с фальшивыми ценными бумагами.

В моей голове пронеслась дикая мысль, что Роза тайно управляет чикагской мафией. Я уже видела огромные сенсационные заголовки в «Геральд стар»...

– Каким образом?

– Их нашли в сейфе монастыря Святого Альберта.

Я вздохнула про себя. Альберт явно тянул время.

– Роза их там прятала? Какое отношение она имеет к этому монастырю?

Пришло время откровенного разговора; Альберт чиркнул спичкой и начал раскуривать трубку. Сладковатый голубой дым окружил его и стал подбираться ко мне. У меня все внутри перевернулось.

– Последние пятнадцать лет мама была их казначеем. Я думал, ты в курсе. – Он сделал паузу, чтобы я почувствовала себя виноватой за то, что оторвалась от семьи. – Когда все обнаружилось, они, конечно, попросили ее уйти.

– Тетя что-нибудь знает об этих бумагах?

Альберт пожал плечами. Он уверен, что нет. Он не знал, сколько их там было, каким компаниям они принадлежали, когда их в последний раз проверяли и кто имел к ним доступ. Альберту было известно только то, что новый настоятель хотел продать их и отремонтировать здание. Да, они лежали в сейфе.

– Подозрения пали на маму, и она очень переживает. – Заметив мой насмешливый взгляд, он укоризненно добавил: – Ты видишь ее, только когда она расстроена или сердита, и потому не представляешь, что она на самом деле чувствует. Как ты знаешь, ей семьдесят пять, и эта работа много для нее значила. Она хочет восстановить свое честное имя и вернуться обратно.

– ФБР и Комиссия по контролю за ценными бумагами, конечно, уже ведут расследование?

– Да, и они будут только рады повесить все на нее, чтобы долго не возиться. Кроме того, кто потащит священника в суд? А она, по причине преклонного возраста, отделается условным приговором.

Я сощурилась:

– Нет, Альберт. Ты не в курсе дела. Будь это какая-нибудь несчастная чернокожая из Уэст – Сайда, ее могли бы посадить в тюрьму по ложному обвинению. Но не Розу. Она не представляет для них интереса. К тому же ФБР захочет докопаться до сути. Они ни за что не поверят, что старая женщина руководила махинацией с подлогом ценных бумаг.

Конечно, если она действительно не имела к этому отношения. Мне очень хотелось в это верить – Роза была зловредной, но не бесчестной.

– Этот монастырь – единственное, что она действительно любит, – выпалил Альберт, краснея. – А теперь могут подумать, что она действительно замешана. Люди склонны верить плохому.

Мы еще какое-то время поговорили об этом, но закончился наш разговор так, как я и предполагала: я выбила у Альберта подпись на двух копиях моего стандартного контракта. "И все-таки я сделала им поблажку в счет родственных уз: шестнадцать долларов в час вместо двадцати.

Альберт сказал, что новый настоятель будет ждать моего звонка. Его зовут Бонифаций Кэрролл. Альберт написал это имя на листке бумаги и набросал примерный план, как найти монастырь. Я хмурилась, засовывая его в сумку. Там ужасно много берут за вход на территорию. Но тут уж я зло усмехнулась над собой. Раз уж я согласилась приехать в Мелроуз-парк, нечего думать о расходах.

Стоя у машины, я некоторое время терла виски в надежде, что холодный чистый воздух выветрит табачный запах из моих возбужденных мозгов. Оглянувшись на дом, я заметила, как в комнате на верхнем этаже быстро опустили занавеску. Это меня несколько взбодрило. Раз Роза украдкой шпионила за мной, словно маленький ребенок или воришка, значит, от меня теперь зависит очень многое.

Глава 2

Воспоминание о прошлом

Я проснулась в холодном поту и не сразу вспомнила, где нахожусь. Во сне мама умоляла помочь ей: огромные глаза на истощенном лице, прозрачная кожа, как в те мучительные последние месяцы. Говорила она по-итальянски. Мне потребовалось время, чтобы вернуться к английскому, осознать себя взрослой и в этой комнате.

Электронные часы показывали полшестого. Жар превратился в озноб. Я обмоталась шарфом

и стиснула стучащие зубы.

Мама умерла от рака, когда мне было пятнадцать. Болезнь высосала жизнь из ее красивого лица. Умирая, она взяла с меня обещание, что я не брошу Розу в беде. Я спорила с ней, говорила, что тетя ненавидит нас обеих и у нас нет перед ней никаких обязательств, но мама настаивала, и я не могла ей отказать.

Отец не раз рассказывал мне, как они познакомились.

Роза безжалостно вышвырнула на улицу свою родственницу-эмигрантку, почти не знающую английского. Габриела, моя будущая мать, у которой всегда было больше храбрости, чем здравого смысла, пыталась заработать на жизнь единственным известным ей способом – пением. К несчастью, в барах, где она выступала, не любили произведений Верди и Пуччини, и однажды полицейский спас ее от мужчин, которые пытались заставить ее изобразить стриптиз. Это и был мой отец. Ни я, ни он не понимали, почему Габриела не хочет раз и навсегда вычеркнуть Розу из своей жизни. Но как бы то ни было, обещание я ей тогда дала.

Я успокоилась, но сон бежал с моих глаз. Дрожа от холода, я, раздетая, подошла к окну и раздвинула тяжелые шторы. Зимнее утро было непроглядно черным. Легкая снежная пелена сверкала в свете уличного фонаря на углу у перекрестка. Я продолжала дрожать, но постепенно тихое зимнее утро и густая плотная темнота подействовали на меня самым умиротворяющим образом. Наконец я опустила гардины. На десять часов у меня была назначена встреча с новым настоятелем монастыря Святого Альберта, и я должна к ней подготовиться.

Даже зимой я стараюсь пробегать по пять миль в день. Финансовые преступления, которыми я занимаюсь, редко связаны с насилием, но я выросла в Саут-Сайде, где девочки, как и мальчики, способны постоять за себя. От старых привычек трудно отказываться, поэтому, чтобы оставаться в форме, я по утрам бегаю. Это заменяет мне упражнения и диету.

Зимой я обычно надеваю летний свитер, свободные брюки и длинный жилет. Утепившись таким образом, я быстро сбежала вниз: три лестничных пролета хорошо размяли мои мышцы.

Когда я оказалась на улице, мне захотелось отказаться от своей затеи. Холод и сырость были ужасающие. На улице уже появился транспорт, но до моего обычного времени подъема было еще далеко. Когда я вернулась обратно на Холстед и Белмонт, небо только начинало светлеть. Я стала осторожно подниматься по лестнице. Ступеньки стерлись и, когда на них попадала влага, сильно скользили. Я вдруг представила, как падаю на спину и ударяюсь затылком о старый мрамор.

Длинный коридор делит мою квартиру на две части, и кажется, что в ней не четыре комнаты, а больше. Налево – столовая и кухня, направо – спальня и гостиная. По какой-то непонятной причине кухня соединена с ванной комнатой. Я включила воду и пошла приготовить кофе.

Держа в одной руке чашку кофе, я сбросила другой спортивную одежду и понюхала ее. Запах есть, но еще на одно утро сойдет. Я бросила ее на спинку кресла и встала под сильный горячий душ. Струи воды, барабанившие по голове, успокоили меня. Я расслабилась и тихонько запела. Через некоторое время, до меня дошло, что именно я пою. Это была грустная итальянская песня, которую любила Габриела. Это все из-за тети: ночной кошмар, боязнь поскользнуться на лестнице, а теперь печальная песня... Я не собиралась позволять Розе контролировать мое сознание – это было бы полным поражением. Яростно поливая голову шампунем, я заставила себя запеть «Мои любимый лесник» Брамса. Не люблю этого композитора, но в этой песне есть какое-то надрывное веселье.

Выйдя из-под душа, я завела песню гномов из «Белоснежки». Итак, примемся за дело. Мой

синий прогулочный костюм, решила я, придаст мне достоинства и солидности: двубортный жакет три четверти длины и юбка-плиссе. Трикотажный шелковый топик золотистого цвета, гармонирующий с моим цветом кожи, и длинный шарф, красно-синий, с вкраплениями того же золотистого. Отлично! Теперь чуть-чуть синего карандаша, чтобы сделать серые глаза голубее, немного легких румян и помада, гармонирующая с красным цветом шарфа. Красные кожаные лодочки, итальянские. Габриела приучила меня к мысли, что мои ноги отвалятся, если я надена какую-нибудь обувь, кроме итальянской. Даже теперь, когда пара такой обуви обходится в сто сорок долларов, я не могу заставить себя надеть что-то другое.

Тарелки в раковине, оставшиеся от завтрака, от вчерашнего ужина и еще от нескольких трапез. Неубранная постель... Разбросанная повсюду одежда. Может, сэкономить на одежде и обуви и нанять домработницу? Или взять несколько сеансов гипноза и приучить себя к аккуратности? Какого черта! Кто, кроме меня, видит все это?

Глава 3

Орден доминиканцев

Скоростная автострада имени Эйзенхауза – основной путь из Чикаго к западным предместьям города. Даже в теплые солнечные дни она похожа на сильно вытянутый в длину тюремный двор. Жалкие домишки и безликие постройки по обе стороны восьмирядной магистрали... Автозаправочные станции посередине... Автострада всегда забита машинами, даже в три часа утра. А уж в девять да еще в дождливый рабочий день ехать по ней было настоящим мучением.

Медленно продвигаясь вперед, я почувствовала, как сводит мышцы. Мне предстояло выполнить поручение, которое я не хотела выполнять, говорить с человеком, видеть которого у меня не было желания, заниматься проблемами тетки, которую я ненавидела. И ради этого мне приходилось часами торчать в дорожных пробках. Ноги мерзли в лодочках с открытыми мысами. Я включила обогреватель на полную мощность, но тепла не прибавилось. Я сгибала и разгибала пальцы, чтобы восстановить кровообращение, но все было тщетно.

На Первой авеню пробки рассосались, большое количество контор словно поглотило часть пригородных машин. На шоссе Маннхейм я повернула на север и заколесила по улицам, сверяясь с приблизительным планом Альберта. Когда, наконец, мне удалось-найти монастырь, было пять минут одиннадцатого. Опоздание не прибавило мне хорошего настроения.

Монастырь Святого Альберта представлял из себя большой комплекс построек неоготического стиля, примыкающих с одной стороны к прекрасному парку. Видимо, архитектор считал, что красоты природы должны компенсировать общий вид зданий: в снежной пелене серые строения выглядели прямо-таки пугающе.

Небольшой знак указывал на ближайшее железобетонное строение – монастырскую школу. Когда я проезжала мимо, несколько мужчин в длинных белых одеяниях скрылись в ее дверях; надвинутые на головы капюшоны, скрывающие их лица, придавали им сходство со средневековыми монахами. Они не обратили на меня никакого внимания.

Медленно двигаясь по круговому въезду, я увидела несколько машин, припаркованных с одной стороны. Оставив здесь же свою «омегу», я быстро побежала к ближайшему входу. Табличка на нем гласила: «Монастырь Святого Альберта».

Атмосфера внутри была характерна для большинства религиозных заведений: уныло замораживающая. Можно, конечно, сказать, что люди проводят здесь большую часть времени в молитвах, но можно также сказать, что они проводят его в унынии и скуке. Сводчатый бетонный потолок в холле пропадал где-то на уровне нескольких этажей. Мраморный пол усиливал ощущение холода.

От входа под прямым углом шел коридор, я пересекла его – стук каблучков отдавался в огромном помещении – и растерянно огляделась вокруг. В углу у лестницы приткнулся весь изрезанный письменный стол. За ним сидел тощий молодой человек в светской одежде и читал роман Чарлза Уильямса. Мне пришлось несколько раз обратиться к нему, прежде чем он неохотно оторвался от книги. Его необычайно худое лицо выдавало склонность к аскетизму, но, возможно, это было следствием гастрита. Он быстрым шепотом объяснил, как пройти к настоятелю и, не дождавшись, пока я последую его совету, снова вернулся к чтению.

Наконец я оказалась в нужном здании, хотя и опоздала на четверть часа. Повернув налево по коридору, я понеслась мимо икон и закрытых дверей. Мне навстречу то и дело попадались мужчины в белых одеяниях, увлеченно спорящие о чем-то приглушенными голосами. В конце коридора я свернула направо. По одну сторону была молельня-часовня, а напротив, как и говорил юноша-секретарь, кабинет настоятеля.

Когда я вошла, преподобный Бонифаций Кэрролл беседовал по телефону. Увидев меня, он улыбнулся, указал на стул перед своим столом и продолжил говорить – разговор состоял в основном из однообразного мычания. Это был болезненного вида мужчина лет пятидесяти. Его белая шерстяная ряса слегка пожелтела от времени. Выглядел он очень усталым: разговаривая, все время тер глаза.

Кабинет был обставлен очень скудно. Старый стол, на полу казенный линолеум, частично прикрытый изношенным ковром. Распятие на стене было единственным украшением этой комнаты.

– Ну, вообще-то она сейчас здесь, мистер Хэтфилд... Нет, нет, думаю, мне следует с ней поговорить.

Я подняла брови. Единственный Хэтфилд, которого я знала, работал в ФБР и специализировался на мошенничестве. Это был компетентный молодой человек, но его чувство юмора оставляло желать лучшего. Когда наши пути пересекались, в нас возникало обоюдное раздражение – он непременно хотел побороть мое легкомысленное отношение к могуществу ФБР.

Кэрролл положил трубку и повернулся ко мне.

– Вы мисс Варшавски, не так ли? – У него был чистый, приятный голос с легким акцентом жителя восточного побережья.

– Верно. – Я протянула ему визитную карточку. – Вы говорили с Дерекком Хэтфилдом?

– Да, следователем из ФБР. Он уже был здесь с Тедом Дартмутом из Комиссии по контролю за ценными бумагами. Не представляю, как он узнал о нашей встрече, но он просил меня не разговаривать с вами.

– Он не сказал почему?

– По его мнению, это дело ФБР и комиссии. Он сказал, что такой дилетант, как вы, будет только мутить воду и усложнит расследование.

Я задумчиво потерла верхнюю губу. Только заметив след помады на указательном пальце, я вспомнила, что накрашена. Спокойно, Вик. Конечно, если рассуждать логично, мне следовало бы вежливо улыбнуться отцу Кэрроллу и уйти – всю дорогу из Чикаго я проклинала его, Розу и это поручение. Но, с другой стороны, не хватало еще, чтобы кто-то, особенно Дерек Хэтфилд, заставил меня, отступить.

– Примерно то же самое я сказала вчера тете. Такими делами занимаются ФБР и Комиссия по ценным бумагам. Но она стара и напугана, поэтому хочет, чтобы на ее стороне был кто-то из своих. Я занимаюсь частным расследованием почти десять лет. На моем счету множество раскрытых финансовых преступлений, у меня хорошая репутация. Чтобы не быть голословной, могу назвать вам несколько имен, позвоните этим людям.

Кэрролл улыбнулся:

– Успокойтесь, мисс Варшавски. Вам не надо убеждать меня в своей компетентности. Я сказал вашей тете, что разговор с вами не исчерпывает той благодарности, которую мы испытываем к ней. Она много лет преданно работала в нашем монастыре. И когда мы попросили ее взять отпуск, это ее очень ранило. Мне было крайне неприятно говорить об этом, но о том же самом я попросил всех, имевших доступ к сейфу. Как только все прояснится, мы пригласим ее обратно. Она очень знающий работник.

Я кивнула: этому легко поверить. У меня даже мелькнула мысль: тетья не была бы такой злокой, если бы направила свою энергию в служебное русло, – из нее получился бы прекрасный финансовый работник.

– Я не очень ясно представляю себе, что случилось. Почему бы вам не рассказать все по порядку: где находится сейф, как вы обнаружили подлог, какова стоимость бумаг, кто знал о них и кто имел к ним доступ, – а я по ходу дела буду задавать вопросы.

Он снова улыбнулся, застенчивой доброй улыбкой, и встал, чтобы показать мне сейф. Сейф находился в кладовой позади его кабинета – старая чугунная модель с кодовым замком. Сейф стоял в углу среди груды бумаг и религиозных книг.

Я опустилась на колени, чтобы рассмотреть его. Ну конечно, годами использовался один и тот же код, так что любой, кто некоторое время находился в монастыре, мог узнать его. Ни ФБР, ни полиция не обнаружили следов взлома.

– Сколько у вас здесь людей?

– Двадцать один студент в монастырской школе и одиннадцать священников на учебном отделении. Но, кроме того, есть люди вроде вашей тети, они приходят сюда каждый день на работу. Например, бригада на кухне. Братья сами моют посуду и накрывают на стол, но готовят три женщины. Затем двое секретарей: юноша – вероятно, он направил вас ко мне – и женщина, работающая после обеда. Ну и, конечно, прихожане, которые молятся с нами в часовне. – Он опять улыбнулся. – Мы, доминиканцы, – проповедники и ученые. У нас нет приходских церквей, но многие люди считают монастырь своим приходом.

Я покачала головой:

– Слишком много людей, чтобы можно было сразу разобраться. Кто имел официальный доступ к сейфу?

– Ну, миссис Вигнелли, конечно. (Это была Роза.) Я. Прокуратор, ведающий финансовыми делами. Глава монастырской школы. Раз в год мы проводим ревизию, и наши бухгалтеры проверяют акции вместе с другим имуществом, но я не думаю, что им известны цифровые комбинации.

– Почему вы храните бумаги здесь, а не в банке?

Он пожал плечами:

– Меня это тоже удивило. Видите ли, я на этом месте недавно. Меня выбрали в мае прошлого года. – Улыбка скрылась в уголках его глаз. – До этого я никогда не принимал участия в управлении этим монастырем, как, впрочем, и другими. И не представлял, что здесь хранятся акции на сумму в пять миллионов долларов. Даже не знал, что они вообще существуют.

Я вздрогнула. Пять миллионов, которые может прикарманить кто угодно. Удивительно, как их до сих пор не украли.

Отец Кэрролл говорил тихим, спокойным голосом. Все это были надежные акции: «Эй-Ти энд Ти», Ай-Би-Эм» и, прежде всего, «Стэндард оф Индиана». Десять лет назад какой-то богач из Мелроуз-парка завещал их монастырю.

Монастырским постройкам почти восемьдесят лет, и они нуждаются в ремонте. Он указал на потрескавшуюся штукатурку на стене и большое темное пятно на потолке.

– Первостепенные наши проблемы – крыша и отопление. Было бы вполне разумно продать часть акций и на эти деньги отремонтировать здания, нашу основную собственность. Хотя помещения неудобны и некрасивы, мы не можем пока что переехать отсюда. Я поставил вопрос на собрании, и все со мной согласились. На следующий день я отправился в маклерскую контору и встретился с брокером. Он согласился продать акций на восемьдесят тысяч долларов и взял их у нас. Через неделю он позвонил. Компания по покупке акций проверила их подлинность и обнаружила подделку.

– А не мог брокер или банковский служащий подменить акции?

Он горестно покачал головой:

– Это первое, о чем мы подумали. Но все оставшиеся бумаги тоже оказались подложными.

Некоторое время мы молчали. Да, перспективы малообнадеживающие.

– Когда в последний раз проверялись акции? – спросила я наконец.

– Не знаю. Я спрашивал бухгалтеров, но все они подтверждают лишь наличие акций в сейфе. Как говорят фэбээровцы, это очень хорошая подделка. Их распознали только потому, что выпустившие их компании не пользовались такими серийными номерами. Человек неискушенный явно не мог бы в них разобраться.

Я вздохнула. Видимо, придется поговорить с предыдущим настоятелем, а также с директором монастырской школы и с прокуратором, ведающим финансовыми делами монастыря. Я спросила Кэрролла о них. Его предшественник уехал на год в Пакистан, чтобы возглавить там доминиканскую школу. А остальные на месте и, по-видимому, сейчас обедают.

– Если хотите, можете составить нам компанию. Обычно монастырская трапезная закрыта для посторонних, то есть там могут обедать только монахи, – пояснил он в ответ на мой удивленный взгляд. – Но мы устроили трапезную в монастырской школе, чтобы молодые люди могли обедать со своими родственниками, когда те их навещают... Пища очень простая, но зато вы сможете встретиться с Пелли и Яблонски, вам не придется потом гоняться за ними. – Задрав пожелтевший рукав, он обнажил тонкое запястье с большими часами на кожаном ремешке. – Почти полдень. Сейчас монахи соберутся около трапезной.

Я посмотрела на часы – без десяти двенадцать. По долгу службы мне приходилось сталкиваться и с худшими вещами, чем скудное меню. Я согласилась. Настоятель тщательно

закрыл за собой дверь кладовой.

– До этой истории с подложными акциями на ней вообще не было замка, – пояснил он.

Мы влились в толпу мужчин в белых одеяниях, идущих по коридору мимо офиса Кэрролла. Большинство приветствовали его, украдкой косясь на меня. В конце коридора виднелись две вертящиеся двери. Сквозь стеклянный верх я разглядела трапезную, похожую на школьный гимнастический зал, превращенный в столовую: длинные деревянные столы, металлические складные стулья, больничные зеленые стены, скатертей не было.

Кэрролл взял меня под руку и повел к маленькому, толстенькому мужчине средних лет, чья голова была окаймлена бахромой седых волос и походила на сваренное всмятку яйцо в подставке для яиц.

– Стефан, я хотел бы познакомить тебя с мисс Варшавски.

Она племянница Розы Вигнелли, а также частный сыщик. И как член семьи занимается этим преступлением. – Он обернулся ко мне. – Это отец Яблонски, он уже семь лет возглавляет монастырскую школу... Стефан, почему бы тебе не разыскать Августина и не представить его мисс Варшавски? Она хочет побеседовать и с ним.

Я собиралась пробормотать какую-то банальность, когда Кэрролл обратился к собравшимся и сказал что-то по-латыни. Те ответили, он быстро произнес что-то еще – видимо, благословение, потому что все перекрестились.

Обед явно не отличался разнообразием: томатный суп, который я ненавижу, и бутерброды с сыром. Положив пикули и лук внутрь булочки, я поблагодарила за кофе, принесенный заботливым молодым доминиканцем.

Яблонски представил, меня Августину Пелли, прокуратору, и полдюжине других мужчин за нашим столом. Все это были «братья», а не «отцы». В своих накрахмаленных белых одеяниях они все были удивительно похожи, и я тут же забыла их имена.

– Мисс Варшавски полагает, что сможет добиться успеха там, где бессильны ФБР и комиссия, – весело сказал Яблонски, перекрывая своим гнусавым говором жителя Среднего Запада царящую в столовой какофонию.

Пелли бросил на меня оценивающий взгляд и улыбнулся. Он был почти такой же худой, как отец Кэрролл, и очень загорелый, что весьма меня удивило: где это может загореть монах в середине зимы? У него были голубые глаза, живые и пронизательные.

– Простите, мисс Варшавски, я достаточно знаю Стефана, чтобы понять, что он шутит, но, боюсь, я не понял, в чем соль шутки.

Я – частный детектив, – пояснила я.

Пелли поднял брови:

– И вы будете заниматься нашими поддельными акциями? Я покачала головой.

– У меня нет средств, чтобы соперничать с ФБР в делах такого рода. Но я все-таки племянница Розы Вигнелли, а она хочет иметь на своей стороне кого-нибудь из родственников, пока будет вестись расследование. Масса людей годами имела доступ к этому сейфу. Я просто напомним об этом Дереку Хэтфилду, если он начнет насаждать на Розу.

Пелли опять улыбнулся:

– Миссис Вигнелли не производит впечатление женщины, которой нужна защита.

Я ухмыльнулась:

– Совершенно верно, отец Пелли. Но я не перестаю напоминать себе, что она постарела, что естественно для любого человеческого существа. И во всяком случае, она, кажется, немного напугана и удручена тем, что не сможет здесь больше работать.

Я откусила от сэндвича: «крафт америкэн» после «стилтона» и «бри» – мой любимый сорт сыра.

– Надеюсь, она знает, что Августин и я тоже не имеем доступа к финансам монастыря до тех пор, пока дело не прояснится. Ее участь нисколько не отличается от нашей, – произнес Яблонски.

– А не мог бы кто-нибудь из вас позвонить ей? – спросила я. – Она почувствовала бы себя лучше. Думаю, вы знаете ее, достаточно хорошо и понимаете, что друзей у нее немного. Большую часть своей жизни она посвятила этому монастырю.

– Верно, – согласился Пелли. – Я не подумал, что рядом с ней один только сын. Она никогда не упоминала о вас, мисс Варшавски. Как и о других польских родственниках.

– Моя мать была дочерью ее брата, она вышла замуж за чикагского полицейского по фамилии Варшавски. Я всегда плохо разбиралась в родственных связях. Но разве то, что я наполовину полька, должно означать, что у нее есть польские родственники? Вы ведь не думаете, что я прикинулась племянницей Розы, чтобы проникнуть в монастырь?

Яблонски сардонически улыбнулся:

– Теперь, когда акции исчезли, нет смысла обманом проникать в монастырь. Если только вы тайно не влюблены в одного из братьев.

Я рассмеялась, но Пелли серьезно сказал:

– Полагаю, настоятель проверил ваше удостоверение личности.

– Какой смысл? Он же не нанимал меня. У меня действительно есть копия моей лицензии, но у меня нет доказательств, что я племянница Розы Вигнелли. Можете позвонить ей, если хотите.

Пелли поднял руку:

– Я не подозреваю вас. Просто беспокоюсь о монастыре. Огласка, которую получило это дело, отнюдь не доставляет нам удовольствия и вредна для этих молодых людей. – Он указал на старательно прислушивающихся к разговору юношей. При этом один из них покраснел от смущения. – Я действительно не хочу, чтобы кто-либо, будь это хоть племянник самого папы римского, мутит здесь воду.

– Я понимаю вас, так же как понимаю и Розу – очень удобно, держа ее за стенами монастыря, взвалить на нее всю вину. За ней ведь не стоит мощная организация с множеством политических связей. Как за вами, например.

Пелли холодно взглянул на меня:

– Не буду пытаться разубедить вас, мисс Варшавски. Очевидно, вы имеете в виду модный миф о политическом влиянии католической церкви, о прямой линии связи между Ватиканом и Джоном Кеннеди и тому подобную чепуху. Это даже не заслуживает обсуждения.

– А я полагаю, мы могли бы прекрасно поговорить на эту тему, – возразила я. – Например, об отношении к абортам. Или как пасторы стараются повлиять на прихожан, чтобы они голосовали за угодных церкви кандидатов, невзирая на их профессиональную непригодность. Или, может, вам хочется обсудить отношения между архиепископом Фарбером и старшим офицером полиции Беллами или даже между ним и мэром?

Яблонски обратился ко мне:

– Я считаю, что, пытаясь всеми возможными способами противиться абортам, пасторы всего лишь выполняют свой долг, даже если для этого им приходится побуждать своих прихожан голосовать за кандидатов, выступающих за отмену абортот.

Я почувствовала, как кровь ударила мне в голову, но улыбнулась.

– Мы никогда не сойдемся во мнениях, является ли аборт проблемой морали или личной проблемой женщины и ее врача. Но ясно одно – это в высшей степени политическая проблема. Многие люди внимательно следят за отношением католической церкви к этому вопросу. Закон о налогообложении гласит, что церковь имеет статус учреждения, не подлежащего налогообложению, следовательно, она должна держаться от политики как можно дальше. Так что когда епископы и аббаты используют свой сан, чтобы проталкивать тех или иных политических кандидатов, они ставят под угрозу этот статус церкви. Но до сих пор ни один налоговый судья не захотел взяться за католическую церковь, что само по себе говорит о многом.

Пелли покраснел от злости под своим загаром.

– Я полагаю, вы не имеете ни малейшего понятия, о чем говорите, мисс Варшавски. Может, вы ограничитесь тем вопросом, ради которого сюда приехали?

– Прекрасно, – ответила я. – Давайте сконцентрируемся на монастыре. Нет ли здесь кого-либо, кто был бы заинтересован подобраться к этим пяти миллионам долларов?

– Никого, – коротко ответил Пелли. – Мы берем обеты бедности.

Один из братьев предложил мне еще кофе; кофе был такой слабый, что пить его было почти невозможно, но я в рассеянности согласилась.

– Вы получили акции десять лет назад. И за это время их мог взять любой, у кого был доступ к сейфу. Любой, как-то связанный с этим местом. Какова текучесть «кадров» среди ваших монахов?

– Вообще-то их называют послушниками, – вмешался Яблонски. – Монахи все время находятся в одном и том же монастыре, а наши послушники странствуют по всему свету. Что вы имеете в виду, говоря о текучести? Каждый год ученики заканчивают школу – одних посвящают в сан, другие решают, что монастырская жизнь не для них. Среди священников тоже постоянны перемены. Преподаватели из других доминиканских заведений приезжают к нам, и наоборот. Вот отец Пелли недавно вернулся из Сиудад-Изабеллы. Он учился в Панаме и любит провести там какое-то время.

Так вот почему он такой загорелый.

– Вероятно, мы можем исключить тех, кто перешел в другие доминиканские монастыри. А как насчет молодых людей, которые вообще ушли из ордена за последние десять лет? Вы не могли бы разузнать, не получал ли кто-нибудь из них наследства?

Пелли презрительно пожал плечами:

– Могу, но мне крайне неприятно это делать. Стефан сказал вам: некоторые юноши обнаруживают, что монастырская жизнь их не устраивает. Обычно это происходит не из-за недостатка роскоши. Дело в том, что мы тщательно просеиваем кандидатов, прежде чем они становятся новообращенными. Думаю, мы бы заметили склонность к воровству.

В этот момент к нам присоединился отец Кэрролл. Трапезная опустела. Группа молодых людей стояла, беседуя, в дверях, кое-кто посматривал на меня. Настоятель повернулся к братьям, медлившим за нашим столом:

– Разве у вас нет экзаменов на следующей неделе? Может, вам лучше позаниматься?

Те, несколько пристыженные, поднялись, и Кэрролл сел на одно из опустевших мест.

– Ну как успехи?

Пелли нахмурился:

– Мы выслушали дикие обвинения в адрес церкви в целом и выдержали яростную атаку, в частности, на молодых людей, которые покинули орден за последние десять лет. Не того я ожидал от девушки-католички.

Я развела руками:

– Ко мне это не относится, отец Пелли. Я не девушка и не католичка... Мы действительно зашли в тупик. Мне придется поговорить с Дерексом Хэтфилдом, не скажет ли он, какие соображения имеет ФБР на этот счет. Вам надо найти человека, имеющего тайный счет в банке. Может быть, это окажется один из братьев ордена, а может, моя тетя. Хотя если она и украла деньги, то, конечно, не для себя. Она живет очень скромно. Но, возможно, она увлечена чем-то, мне неизвестным, для чего и понадобились эти деньги. Что, кстати, можно сказать и о любом из вас.

Роза в роли Торквемады[1] – эта мысль доставила мне удовольствие, но никаких реальных доказательств подобной версии не было. Трудно представить, чтобы она испытывала к кому-то или чему-либо даже простую симпатию, а уж пойти на воровство...

– Как финансовый поверенный, отец Пелли, вы, вероятно, знаете, проверялись ли когда-нибудь эти акции на подлинность. Если нет, то, возможно, вы просто получили фальшивки.

Пелли покачал головой:

– Нам никогда это не приходило в голову. Не знаю, может, мы слишком далеки от светской жизни и потому не умеем обращаться с ценностями, но, кажется, никто из нас ничего подобного не делал.

– Возможно, – согласилась я и задала еще несколько вопросов Пелли и Яблонски, но они мало чем помогли. Пелли продолжал злиться на меня по поводу церкви и политики. А после того как я увеличила степень своей греховности, отказавшись от звания католической девушки, его ответы стали просто ледяными. Даже Яблонски не выдержал:

– Почему ты так придирчив к мисс Варшавски, Гас? Ну что из того, что она не католичка? То же самое можно сказать о восьмидесяти процентах населения мира. Это должно развивать в нас большую терпимость, вот и все.

Пелли окинул его ледяным взглядом, а Кэрролл сказал:

– Оставим критику до собрания ордена, Стефан.

– Простите, если я показался грубым, мисс Варшавски, – произнес Пелли. – Но это дело очень беспокоит меня, особенно потому, что я восемь лет был финансовым поверенным. И боюсь, мой опыт работы в Центральной Америке делает меня слишком чувствительным к критике в адрес церкви и к разговорам о политике.

Я помолчала некоторое время, потом сказала:

– Мне кажется, я не совсем понимаю вас.

Опять вмешался Кэрролл:

– Двое наших проповедников были застрелены в Эль-Сальвадоре прошлой весной – правительство заподозрило их в повстанческой деятельности.

Я ничего не ответила. Защищала ли церковь бедных, как в Эль-Сальвадоре, или поддерживала правительство, как в Испании, с моей точки зрения, она все же сидела по шею в политике. Но было бы невежливо продолжать спор.

Однако Яблонски был другого мнения:

– Ерунда, Гас, и ты это знаешь. Ты расстроен только потому, что не смог встретиться с правительством. Но если твои друзья пойдут своим путем, ты понимаешь, что у монастыря в Сан-Томасе появятся очень влиятельные союзники. – Он обратился ко мне: – Это беда таких людей, как вы и Гас, мисс Варшавски. Когда церковь на вашей стороне, борется ли она с расизмом или с бедностью, она считается милосердной, а не политизированной. Но если она расходится с вами во мнениях, тогда она куплена политиками и ни на что не годится.

– Думается, мы ушли далеко от того дела, которое привело мисс Варшавски в эти стены, – заметил Кэрролл. – Стефан, я понимаю, что мы, доминиканцы, прежде всего проповедники, но проповедовать гостю за ленчем, даже таким скудным, как этот, выходит за рамки гостеприимства.

Мы поднялись следом за ним. Выходя из трапезной, Яблонски произнес:

– Не принимайте мои слова близко к сердцу, мисс Варшавски. Я люблю поспорить. Простите, если я нарушил правила гостеприимства.

К своему удивлению, я улыбнулась ему:

– Я не обиделась, отец. Боюсь, что и сама немного увлеклась.

Он быстро пожал мне руку и пошел дальше по коридору, а Кэрролл сказал:

– Рад, что вы и Стефан нашли общий язык. Он хороший человек, но немного вспыльчивый.

Пелли нахмурился:

Вспыльчивый! Да у него совсем нет... – Он вдруг вспомнил, что критика отложена до собрания ордена, и осекся.

Простите, настоятель. Возможно, мне следует вернуться в Сан-Томас – все мои мысли последнее время там.

Глава 4

Свидание по возвращении

Было около трех, когда я добралась до своего офиса в Саут-Лупе. Офис расположен в Палтиней-Билдинг, который по праву мог бы считаться национальной достопримечательностью. Иногда я даже думаю, что он действительно станет таковым, если им когда-нибудь заинтересуются деловые люди. Правда, район здесь не из лучших. По соседству находится городская тюрьма, трущобы, стриптиз-шоу и дешевые бары, которые привлекают клиентов вроде меня: детективов с тощим кошельком, поручителей, сомнительных посредников в сделках.

Я поставила машину на стоянку и прошла один квартал на север к Палтиней. Снег, или дождь, или и то и другое одновременно, прекратился. Хотя небо еще хмурилось, тротуар высох, и мои туфли-лодочки не промокали.

Кто-то оставил в холле бутылку из-под виски. Я захватила ее, чтобы выбросить в моем офисе. Вдруг объявится долгожданный клиент, миллиардер – нефтяной магнат, и его спугнет куча пустых бутылок в холле. Особенно если он увидит марку.

Лифт, как ни странно работающий, спустился с шестнадцатого этажа, мрачно гремя. Я засунула бутылку под мышку и другой рукой открыла старую медную решетку. Даже если бы я не бегала по утрам, все равно сохраняла бы форму, лишь приходя каждый день в офис и пытаясь справиться с лифтом, чиня унитаз в женском туалете на седьмом этаже и поднимаясь и спускаясь по лестнице из офиса в ванную комнату.

Лифт с трудом затормозил на четвертом этаже. Мой кабинет был справа по коридору, в том месте, где и без того низкие цены за аренду падали еще ниже из-за шума, который производил поезд, проходивший под землей в этом месте. Он как раз грохотал, когда я открывала дверь.

Я так мало времени проводила в своем офисе, что никогда не заботилась о том, как его лучше обставить. Купила на аукционе в полиции старый деревянный стол – вот и все, если не считать двух стульев для клиентов, моего кресла и картотеки. Правда, я отдала должное эстетике, повесив над картотекой гравюру Уффици.

Собрав с пола накопившуюся за неделю почту, я стала разбирать ее, одновременно прослушивая автоответчик. Всего два сообщения. С Хэтфилдом можно теперь не договариваться; он хотел бы увидеться со мной завтра в девять в своем офисе.

Я просмотрела счета от компании канцелярских принадлежностей. Двести долларов за печатные бланки и конверты? Я выбросила счета в мусорную корзину и набрала номер ФБР. Конечно, Хэтфилда на месте не было. Ответила секретарша.

– Передайте, пожалуйста, Дереку, завтра утром я буду занята, а вот три часа дня меня устроят.

Она попросила подождать, чтобы свериться с его календарем. Я продолжала просматривать почту. Общество молодых женщин-бизнесменов убеждало меня вступить в их ряды. Среди множества обещаний – совместный отдых и план страхования здоровья.

Секретарь взяла трубку, и мы остановились на половине третьего.

Второе сообщение было более неожиданным и гораздо более приятным. Звонил Роджер Феррант. Англичанин, брокер по перестраховке, с которым я познакомилась прошлой весной. Его фирма застраховала корабль, который взорвался на Великих озерах. Я расследовала происшествие; его фирма защищала свои вложения в сумме пять миллионов долларов. Мы не виделись с той ночи, когда я заснула, мягко говоря, прямо на нем в шикарном отеле.

Мой звонок застал его на представительской квартире в Хэнкок-Билдинг.

– Роджер! Что ты делаешь в Чикаго?

– Привет, Вик. «Скапперфилд и Плаудер» послала меня сюда на пару недель. Пообедаем вместе?

– Это мой второй шанс? Или тебе так понравилось в прошлый раз, что ты хочешь повторить?

Он засмеялся:

– Ни то, ни другое. Так как? Ты свободна на этой неделе?

Я ответила, что свободна сегодня вечером, и согласилась встретиться в Хэнкок-Билдинг в половине восьмого. Когда разговор закончился, я почувствовала себя гораздо лучше – заслуженное вознаграждение после хлопот по делам Розы.

Я быстро рассортировала остаток почты. Отвечать не требовалось. В одном из конвертов был чек на триста пятьдесят долларов. Пора собирать дань с клиентов, Вик, порадовалась я. Перед выходом отпечатала несколько счетов на старой машинке «Оливетти», которая досталась мне от матери. Мать была твердо убеждена, что «Ай-Би-Эм» украла шрифт и дизайн у «Оливетти», и просто стыдилась бы меня, если бы я пользовалась одной из их моделей.

Быстро разобравшись со счетами, я положила их в конверты, выключила свет и заперла кабинет. Я попала в час пик. С привычной легкостью проталкиваясь сквозь толпу, я добралась, наконец, до своей «омеги», села и влилась в длинный неторопливый поток.

Я смиренно переносила задержку, двигаясь вниз с Кеннеди на Белмонт-стрит и объезжая кругом банк, чтобы получить деньги по чеку перед тем, как отправиться домой. Дома, прежде чем переодеться, я с неожиданной энергией помыла посуду. Оставив на себе золотистый топик, отыскала в гардеробе черные вельветовые брюки и добавила черно-оранжевый шарф. Вызывающе, но не вульгарно.

Феррант, видимо, тоже так считал. Он радостно поздоровался со мной в офисе своей фирмы в Хэнкок-Билдинг.

– Я помнил, что ты упрямая и забавная, Вик, но напрочь забыл, какая ты красивая.

Если вы, как и я, любите худых мужчин, то Феррант выглядел великолепно. На нем были прекрасно сшитые брюки с выточками на поясе и темно-зеленый пуловер поверх бледно-желтой рубашки. Тщательно уложенные волосы упали ему на лоб, после того как я крепко его обняла. Он откинул их характерным жестом.

Я спросила его, как он оказался в Чикаго.

– Конечно, по делам «Аякса».

Он провел меня в гостиную, обставленную в модернистском стиле, с окнами, выходящими на озеро. Огромная кушетка в оранжевых тонах, кофейный столик из желтого стекла, несколько желтых стульев, обитых черной тканью. Я слегка поморщилась.

– Отвратительно, не правда ли? – весело сказал он. – Если мне придется остаться в Чикаго больше месяца, я заставлю их разрешить мне снять собственную квартиру. Или, по крайней мере, поставить свою мебель... Ты пьешь что-нибудь кроме шато «Сен-Джорж»? У нас полный набор крепких напитков.

Он распахнул застекленный бар, продемонстрировав впечатляющее количество бутылок. Я засмеялась: когда мы обедали вместе в мае прошлого года, я выпила две бутылки шато «Сен-Джорж».

– Лучше «Джонни Уокер», если есть.

Он порылся в баре, выудил наполовину пустую бутылку и приготовил нам обоим коктейль.

– Тебя, должно быть, ненавидят в Лондоне, если посылают в Чикаго в январе. А если придется остаться на февраль, то ты уж точно в черном списке.

Он поморщился:

– Я уже бывал здесь зимой. Кстати, эта погода объясняет, почему вы, американки, такие бесчувственные. Интересно, а южанки такие же?

– Хуже, – заверила я его. – Они еще бесчувственнее и грубее, но прячут это под видимостью хороших манер, поэтому ты никогда и не узнаешь, что тебя ждет.

Я присела на край оранжевой кушетки. Феррант пододвинул поближе ко мне один из желтых стульев и, словно аист, склонился над своим бокалом, при этом волосы снова упали ему на лоб. Он объяснил, что «Скапперфилд и Плаудер», его лондонская фирма, владеет тремя процентами акций «Аякса».

– Мы не самые крупные держатели акций, но довольно солидные. Так что и нам принадлежит кусок пирога. Мы посылаем молодых людей сюда на практику и в свою очередь обучаем людей из «Аякса» на лондонской бирже. Верь или не верь, но когда-то и я сам был таким же юнцом.

Как многие в английском страховом бизнесе, Феррант начал работать сразу после высшей школы, или того, что мы называем высшей школой. Так что в тридцать семь у него был почти двадцатилетний опыт работы в неразберихе перестраховочного бизнеса.

– Я говорю тебе это, чтобы ты не удивлялась, услышав, что теперь я – официальный представитель своей фирмы. – Он ухмыльнулся. – Многие в «Аяксе» повесили носы: я молод, а пока они приобретут такой же опыт, пройдет лет шесть – восемь.

Эрон Картер, глава перестраховочного отделения компании «Аякс», неожиданно скончался в прошлом месяце от инфаркта. Его предполагаемый преемник в сентябре ушел в конкурирующую фирму.

– Я здесь до тех пор, пока не найдут человека подходящей квалификации. Им нужен хороший менеджер, но такой, кто знал бы лондонский рынок как свои пять пальцев.

Он спросил, над чем я работаю. У меня было несколько обычных дел, ничего интересного, поэтому я рассказала ему о Розе и мошенничестве с ценными бумагами.

– Я бы не прочь, чтоб ее отстранили от работы за мошенничество, но боюсь, она всего лишь невинная жертва.

Правда, я подумала: тот, кто хоть однажды видел Розу, не назвал бы ее невинной жертвой. К ней больше подошло бы юридическое определение – невиновна.

Я отказалась от второго скотча[2], мы надели пальто и вышли на улицу. С озера дул сильный ветер, разгоняя тучи и понижая температуру до тринадцати градусов. Мы взялись за руки и почти бегом добрались до итальянского ресторана в четырех кварталах от Хэнкок-Билдинг.

Несмотря на свое месторасположение – в национальном квартале, у ресторана был скромный непритязательный интерьер.

– Я не знал, что ты наполовину итальянка, а то бы еще подумал, идти ли сюда, – сказал Феррант, когда мы сдали пальто упитанной молодой девушке. – Ты знаешь это место? Еда здесь настоящая, итальянская?

– Никогда о нем не слышала, я редко ем в этой части города. Но раз они сами делают спагетти, беспокоиться не о чем.

Мы проследовали за метрдотелем в кабинку у дальней стены зала. В «Фиренце» не было красных скатертей, и бутылок «Кьянти», как в большинстве итальянских ресторанов в Чикаго. На отполированном деревянном столе лежали небольшие полотняные салфетки, а в керамической вазе стояли цветы.

Мы заказали бутылку «Руффино»[3] и шпинат, очаровав официанта знанием итальянского. Оказалось, что Феррант несколько раз был в Италии и сносно говорил по-итальянски. Он спросил, видела ли я когда-нибудь мамину семью. Я отрицательно покачала головой.

– Мама из Флоренции, но семья была наполовину еврейская – ее мать происходила из семьи ученых из Питиглиано. Война разбросала их всех кого куда: мама приехала сюда, ее брат отправился в Африку, а двоюродные братья и сестры исчезли из поля зрения. Моя бабушка умерла во время войны. Однажды, в 1955 году, Габриела ездила на родину, чтобы повидаться с отцом, но это ее только расстроило. Он был единственным близким ей человеком во Флоренции, но не хотел ни думать о войне, ни считаться с теми переменами, которые она принесла. Он все еще продолжал жить в 1936 году, когда семья была в полном составе. Думаю, он еще жив, но... – Я сделала неприязненный жест. – Отец написал ему, когда умерла мама, и мы получили очень странное письмо: он советовал нам послушать, как она поет. Мне никогда не хотелось иметь с ним дело.

– Значит, твоя мать была певицей?

– Она этому училась, надеялась, что будет петь в опере. Потом, когда ей пришлось покинуть страну, она не могла позволить себе продолжать занятия. Вместо этого начала преподавать сама. Она учила меня петь, надеясь, что я подхвачу эстафету и сделаю карьеру, которая не удалась ей. Но у меня недостаточно сильный голос. Да и оперу я не настолько люблю.

Феррант вставил, что всегда ходил в Королевскую оперу и получал огромное удовольствие. Я рассмеялась.

– Мне не нравится сценография и легкость – кажется, это называется виртуозность, – которые характерны для оперы. Знаешь, в действительности это очень тяжелый труд. Но оперное пение слишком энергичное. Мне больше нравятся песни.

Мама всегда копила деньги, чтобы каждую осень отвести нас на пару постановок лирической оперы. А летом отец брал меня четыре или пять раз на бейсбол. Лирическая опера лучше, чем бейсбол, но должна признать, что и от второго я получала большое удовольствие.

Мы заказали ужин – жареные артишоки и цыпленок в желатине для меня, телячьи почки для Ферранта. Разговор перешел от бейсбола к крикету, в который играл Феррант в детстве в Хайгте, и наконец к его карьере в фирме «Скапперфилд и Плаудер».

Когда я допивала вторую чашку кофе, он лениво спросил меня, слежу ли я за рынком ценных бумаг.

Я покачала головой:

– Мне нечего вкладывать. Зачем?

Он пожал плечами:

– Я здесь всего неделю, но успел заметить по «Уолл-стрит джорнэл», что «Аякс» имеет довольно солидный вес по сравнению с другими акционерными компаниями по страхованию, и цена на ее акции растет.

– Отлично. Видимо, ваша фирма поставила на фаворита.

Он махнул рукой, чтобы принесли счет.

– Мы не делаем ничего из ряда вон выходящего в сфере приобретений. Не покупаем компаний и не продаем собственность. А что еще заставляет цены на акции подниматься?

– Иногда инвестиционные компании проявляют необычное внимание к ценным бумагам. Страховым компаниям жилось куда лучше во время последней депрессии или спада в экономике. «Аякс» – одна из крупнейших страховых фирм, может, учредители или какие-то влиятельные инвесторы, скупая акции, набивают ей цену. Если хочешь, я познакомлю тебя с одним брокером. Возможно, у нее есть какая-нибудь информация.

– Может быть, и так.

Мы взяли пальто и снова вышли на ветер. Он дул сильнее, но жареные артишоки и полбутылки вина сделали его менее пронизывающим. Феррант пригласил меня на бренди.

Он включил нижний свет около бара. Бутылки было видно, зато кричащая мебель, к счастью, потонула в тени. Я стояла у окна, глядя на озеро. Лед отражал огни фонарей на Лейк-Шор-Драйв. Приглядевшись, я различила скалы, уходящие далеко на юг. В чистом зимнем воздухе южные районы в двадцати милях отсюда полыхали красным светом. Когда-то я жила в одном из деревянных домов типовой застройки, уродливость которого скрашивали только артистические склонности моей матери.

Феррант обнял меня левой рукой, а правой протянул бренди «мартель». Я прислонилась к нему, затем повернулась и обняла обеими руками, стараясь не пролить содержимое бокала на его свитер. Похоже, он был из кашемира, и бренди не пошло бы ему на пользу. Феррант был худой, но жилистый, не то что какая-нибудь оперная орясина.

Скользнув ладонью под мой топик, он погладил меня по спине, а затем принялся нащупывать застежку бюстгалтера.

– Застежка спереди.

Мне становилось все тяжелее сохранять равновесие, держа в руке бокал, и я поставила бренди на подоконник сзади меня, Феррант нашел застежку. Я боролась с пуговицами на его брюках. Заниматься любовью стоя, как показывают в кино, не так просто. Вскоре мы опустились на мягкий оранжевый ковер.

Глава 5

Крушение планов

Мы допили бренди и провели остаток ночи в постели королевских размеров со светлой

скандинавской красавицей, украшающей переднюю спинку кровати. Проснувшись после восьми на следующее утро, Феррант и я улыбнулись друг другу с сонным удовольствием. С темными волосами, спадающими на темно-голубые глаза, он выглядел юным и трогательно-нежным, я обняла его и поцеловала.

Он с готовностью ответил на мой поцелуй, потом сел на кровати.

– Америка – страна ужасных контрастов. Вам предоставляют эту удивительную кровать – я отдал бы месячное жалованье, чтобы увезти ее с собой, – а после этого хотят, чтобы я вскакивал среди ночи и мчался на работу. В Лондоне я появился бы в Сити не раньше половины десятого, а здесь все сотрудники приходят в офис за полчаса до меня. Придется и мне собираться.

Я лежала в постели и наблюдала, как совершался ритуал одевания мужчины, завершившийся затягиванием на шее скромного серо-бордового галстука. Феррант бросил мне голубой махровый халат, и я поднялась, чтобы выпить с ним чашечку кофе, радуясь, что перенесла встречу с Хэтфилдом на дневное время.

Когда Феррант ушел, бормоча проклятия в адрес американской служебной этики, я позвонила в свой офис, чтобы справиться о звонках. Три раза звонил мой кузен Альберт: сначала поздно вечером и дважды сегодня утром. Второй раз он оставил свой служебный номер телефона. Мое утреннее настроение стало портиться. Я надела вчерашнюю одежду и неодобрительно оглядела себя в широких зеркалах, встроенных в стенной шкаф. Костюм, который выглядел столь сексуально вечером, утром оказался полной безвкусицей; придется перед встречей с Хэтфилдом заехать домой и переодеться, потом уже позвоню Альберту.

Парковка «омеги» у Хэнкок-Билдинг на четырнадцать часов обошлась мне довольно дорого. Мое настроение после этого не улучшилось, кроме того, я заработала выговор от полицейского за обгон у тоннеля Лейк-Шор-Драйв. Это меня отрезвило. Еще в раннем возрасте отец вбил мне в голову, что глупо предаваться злости, ведя машину. Будучи полицейским, он относился к оружию и транспорту очень серьезно – слишком долго потом приходилось ему разбираться с последствиями использования и того и другого.

Я купила сэндвич с лотка у ливанского ресторана и ела его, стоя на светофорах по дороге домой. Разгром Ливана ознаменовался появлением в Чикаго целой серии ливанских ресторанчиков и магазинов, точно так же десятью годами раньше было отмечено разорение Вьетнама. Даже если вы никогда не слушаете новости, но часто едите вне дома, то можете совершенно точно сказать, кто на этот раз потерпел поражение.

От Северной авеню до Фуллертона Холстед представляет собой часть недавно перестроенного северного района, где молодые преуспевающие люди платят по двести пятьдесят тысяч и больше за шикарный кирпичный дом. Но до Дайверси, четыре квартала севернее, щупальца богачей еще не дотянулись. Большинство зданий, как то, в котором живу я, довольно захудалые, но удобные. Одно из преимуществ – дешевая рента, а другое – масса свободного места для парковки автомобилей прямо на улице.

Остановив «омегу» перед домом, я вошла внутрь, чтобы снова надеть синий рабочий костюм для встречи с Хэтфилдом. Откладывать звонок Альберту было уже неприлично. Захватив чашку кофе в гостиную, я села в продавленное кресло и набрала номер, между делом изучая ногти, просвечивающие сквозь колготки. Может, покрасить их красным лаком? Не терплю красить ногти на руках, но на ногах это может выглядеть очень сексуально.

К телефону подошла женщина: его тайная любовница, подумала я. Роза считает, что это его секретарша, но он наверняка тайком покупает ей духи и украшения. Я попросила Альберта. Она ответила гнусавым голосом, что мистер Вигнелли сейчас на конференции, и спросила, что передать.

– Это мисс Варшавски, – сказала я. – Он хотел поговорить со мной. Передайте ему, сегодня другого времени у меня не будет.

Она попросила подождать. Я отпила из чашки и начала читать статью в «Форчун» о претензиях к городской корпорации. Это меня порадовало; Я так и не смогла простить им, что они отвечали на мою налоговую жалобу ни много ни мало как через два года. Когда я погрузилась в чтение о нелегальных валютных операциях, Альберт, более раздраженный, чем обычно, взял наконец трубку.

– Где ты была?

Я удивленно вскинула брови:

– На ночной оргии с сексом и наркотиками. Секс был ужасен, а вот кокаин – класс. Не хочешь пойти со мной в следующий раз?

– Мне следовало предвидеть, что вместо того, чтобы всерьез заняться расследованием, ты будешь смеяться над Розой.

– Я не смеюсь, Альберт. Если ты читаешь газеты, то должен знать, как трудно достать кокаин в наше время. А в чем дело? У Розы новые неприятности? Чтобы показать свои добрые намерения, я не возьму с тебя денег за то время, которое потратила, ожидая тебя у телефона.

Пока он тяжело дышал мне в ухо на том конце провода, я совершенно ясно увидела на его жирной физиономии гримасу обиженного ребенка. Наконец он спросил сердито:

– Ты ездила вчера в монастырь, не так ли? Я подтвердила.

– И что ты узнала?

– Что будет очень сложно найти виновного. Вся надежда на то, что акции изначально были фальшивыми – еще до того, как оказались в монастыре. Я встречаюсь с ФБР сегодня днем и посмотрю, что у них есть.

– Мама передумала. Она не хочет, чтобы ты занималась этим делом.

Я сидела как громом пораженная, кипевшая во мне ярость прилила к голове.

– Что, черт возьми, ты имеешь в виду, Альберт? Я не пылесос, который можно включить или выключить по своему желанию. То ты пристаешь ко мне с этим расследованием, то звонишь через два дня и говоришь, что ты передумал...

Я услышала, как зашелестела бумага, затем тюслышался самодовольный голос Альберта:

– В твоём контракте сказано: «Окончание ведения дела может быть потребовано любой стороной независимо от полученных результатов. Невзирая на состояние расследования, а также на согласие каждой из сторон с достигнутыми результатами, гонорар и оплата расходов начисляются за все время вплоть до окончания расследования». Так что отправь мне счет, Виктория, я сразу его оплачу.

Я чувствовала, что начинаю закипать.

– Альберт, когда Роза позвонила мне в воскресенье, она представила дело так, что, если я не помогу ей, ее самоубийство будет на моей совести. Что произошло с тех пор? Она нашла детектива лучше меня? Или Кэрролл позвонил ей и пообещал принять ее на работу, если она уберет меня из расследования?

Он надменно ответил:

– Вчера вечером она мне сказала: устраивая из-за этого такой шум, она поступает не по-христиански. Она знает, что ее доброе имя все равно будет восстановлено. Если нет, она примет это как истинная католичка.

– Удивительное благородство, – саркастически заметила я. – Роза – мученица, это я уже проходила, но страдающая женщина – это что-то новое.

– Послушай, Виктория, ты похожа сейчас на тех адвокатов, которые силой навязывают свои услуги людям, пострадавшим от несчастных случаев. Просто пришли мне счет.

Я первой бросила трубку, получив от этого сомнительное удовлетворение, и теперь сидела, кипя от злости и проклиная Розу сначала по-итальянски, потом по-английски. Так обвести меня вокруг пальца! Вытащить в Мелроуз-парк, причитая о моем долге перед умершей матерью, если не перед здравствующей теткой, пустить меня по следу, а потом бросить все дело. Мне ужасно захотелось позвонить ей и высказать раз и навсегда все, что я о ней думаю, не опуская ни одной детали, даже самой незначительной. Я даже отыскала ее номер в моей записной книжке и начала его набирать, когда поняла бесполезность такого поступка. Розе семьдесят пять. Ее уже не изменить. Если я не могу с этим смириться, значит, обречена всегда быть объектом ее манипуляций.

Некоторое время я сидела с раскрытым на коленях журналом, пялясь на серый день за окном. Прошлой ночью сильный ветер пригнал облака с озера. Что же на самом деле заставило Розу прекратить расследование? Она холодная, злая, мстительная – можно набрать с десятков нелестных определений, – но не интриганка. Она не позвонила бы нелюбимой племяннице после десятилетнего молчания, чтобы просто посмеяться над ней.

Я нашла номер монастыря Святого Альберта и позвонила Кэрроллу. Звонок попал на коммутатор. Я представила аскетичного молодого человека за секретарским столом, который неохотно отрывается от своего Чарлза Уильямса, после шестого звонка снимает трубку и, соединив меня с настоятелем, опять берется за книгу. Я ждала, когда тот ответит. Наконец в трубке раздался приятный мягкий голос Кэрролла.

– Это Варшавски, отец Кэрролл.

Он извинился за то, что заставил меня ждать: вместе с главным поваром, которого секретарь вызвал последним, разбирался с хозяйственными делами.

– Не беда, – ответила я. – Я только хотела спросить, не разговаривали ли вы с моей тетей после нашей вчерашней встречи?

– С миссис Вигнелли? Нет. А что?

– Она неожиданно решила, что не хочет никакого расследования, связанного с этими акциями, по крайней мере, не хочет, чтобы этим занимались от ее имени. Она, кажется, думает, что поступает не по-христиански. Я хотела бы знать, не посоветовал ли ей это кто-нибудь из монастыря.

– Не по-христиански? Странная идея. Не знаю... Если бы она была поглощена только этой проблемой и никакими другими, тогда, вероятно, можно было бы сказать и так. Но совершенно естественно беспокоиться по поводу того, что грозит испортить твою репутацию. И если считать, что христианство – высшее проявление человечности, то нельзя винить христианина за то, что он обладает нормальными человеческими чувствами.

Я немного помолчала.

– Значит, вы не советовали моей тете прекратить расследование?

Он тихонько засмеялся.

– Если вам нужно узнать время, вы ведь не потребуете, чтобы для этого я сделал часы? Нет, я не разговаривал с вашей тетей. Но звучит так, будто я должен – был это сделать.

– А кто-нибудь другой из монастыря? Я хочу сказать, кто-нибудь с ней разговаривал?

Насколько ему известно – нет, но он спросит и перезвонит мне. Его интересовало, не удалось ли мне узнать что-нибудь полезное. Я ответила, что встречаюсь с Хэтфилдом днем, и мы распрощались, договорившись поддерживать друг с другом связь.

Я слонялась по квартире, раскладывая по шкафам одежду и вынося на балкон накопившуюся за неделю почту, откуда внук моего домовладельца потом заберет ее. Приготовив салат с кусочками сыра «чеддер», я подкреплялась, бессмысленно пролистывая вчерашний «Уолл-стрит джорнэл». В двенадцать тридцать я спустилась за почтой.

Если как следует подумать, Роза – старая женщина. И, возможно, она решила, что заставит исчезнуть свои проблемы, просто отстранившись от них, так она делала всегда; смерть Карла, ее мужа, – исключение. Она думала, что если позовет меня и прикажет этим заняться, то вопрос решится сам собой. Когда же после разговора со мной реальность подступила ближе, она подумала, что не стоит растрачивать свою энергию на борьбу с этой неприятностью. Моя же беда в том, что, израненная старыми обидами, я считаю, что всеми ее действиями руководят ненависть и желание отомстить.

Феррант позвонил в час – немного поболтать, а заодно узнать об «Аяксе».

– Кроме всего прочего, я руковожу отделом инвестиций. Сегодня мне позвонил один парень из Нью-Йорка, Бэррет. Он специалист по «Аяксу» на нью-йоркской фондовой бирже. Я разбираюсь в перестраховании, но не на американской бирже и даже не на лондонской, так что после разговора с ним у меня появились некоторые проблемы. Помнишь, я говорил тебе вчера, что наши акции сильно поднялись? Бэррет это подтвердил. Он сообщил также, что получил много заказов от чикагских брокеров, которые никогда раньше не покупали акций «Аякса». Конечно, ничего особенного, но он хотел, чтобы я был в курсе.

– И?..

– Теперь я в курсе. Но не знаю, что мне делать и нужно ли вообще что-то делать. Поэтому я хотел бы встретиться с твоей подругой, о которой ты говорила, с брокером.

Мы с Агнес Пасиорек познакомились в Чикагском университете, когда я училась на юридическом, а она была блестящим математиком, ставшим позднее магистром экономики управления. Мы встречались на собраниях Союза университетских женщин и в конце концов стали хорошими друзьями. Она была белой вороной в скучном мире экономики.

Я дала Роджеру ее телефон, потом, повесив трубку, просмотрела в «Уолл-стрит джорнэл» курс акций «Аякса». За год он вырос с 28 до 55 и в настоящее время продолжает идти вверх. «Этна» и «Сигна», два крупнейших акционерных транспортных агентства, начали примерно с одинаковой отметки, но сейчас были на десять пунктов ниже «Аякса». Вчера объем их продаж составил триста тысяч, а «Аякса» – миллион.

Я хотела позвонить Агнес сама, но надо было ехать на встречу с Хэтфилдом. Я обвязала шею мохеровым шарфом, надела перчатки и снова вышла на ветер. В два часа дня удобно ехать в центр. Машин мало. Я быстро добралась до здания Федерального бюро расследований, поставила «омегу» в подземный гараж напротив и шагнула под оранжевые

ноги огромной скульптуры Колдера[4], украшавшей вход в здание. Мы, чикагцы, гордимся своими скульптурами под открытым небом, сделанными известными художниками. Мои любимцы – бронзовые колокола перед Стэндрд-Ойл-Билдинг, но тайно я восхищаюсь мозаиками Шагала перед Первым национальным банком, хотя мои приятели-художники говорили, что это самая банальная мозаика.

Ровно в половине третьего я поднялась на восемнадцатый этаж. Секретарь сообщила о моем прибытии Хэтфилду, но он нарочно продержал меня десять минут, чтобы показать, какой груз ответственности лежит на его плечах. Я занялась письмом к клиенту, чей шурин воровал деньги, видимо, по причине долгой семейной вражды. Хэтфилд наконец выглянул из-за двери и окликнул меня, но я притворилась, будто не слышу. И лишь когда он снова обратился ко мне, подняла голову, улыбнулась и сказала, что только допишу предложение.

– Привет, Дерек, – сказала я. – Как твои преступления?

По какой-то причине это шутивное приветствие всегда заставляет его морщиться, из-за чего я обращаюсь к нему только так. На его лице маска вежливости и доброжелательности – одно из условий службы в ФБР. Ростом он шесть футов, крепкого сложения. Я сама видела, как он делает по сто отжиманий и приседаний каждое утро; без жалоб подчиняясь требованиям дисциплины, всегда отказывается от второго martini и знакомится только с девушками из ФБР, чтобы быть наверняка уверенным, что эти создания с каплей мозгов будут преданно дышать ему в ухо и шептать, какой он красивый и мужественный. Сегодня на нем был серый – слегка переходящий от серого к бледно-серому, – сшитый на заказ костюм с еле заметными синими полосками, белая рубашка, накрахмаленная так, что этого хватило бы моему бюстгальтеру на неделю, и синий галстук.

– У меня мало времени, Варшавски. – Он отвернул накрахмаленную манжету и посмотрел на часы. По-видимому, фирмы «Ролекс».

– В таком случае я польщена, что ты все-таки выкроил для меня время.

Я проследовала за ним по коридору в сторону офиса в юго-западной части здания. Хэтфилд возглавлял отдел по расследованию финансовых преступлений в чикагском регионе; если судить по мебели, сплошь из красного дерева, и месторасположению кабинета, пост весьма высокий.

Неплохой вид на тюрьму, – сказала я, рассматривая треугольное здание за окном:

Должно быть, это придает тебе вдохновение. * * *

– Мы никого туда не посылаем.

– Даже в случае задержания на одну ночь? А как насчет Джо Ломбардо и Аллена Дорфмана? Я думала, во время служебного процесса они пребывали именно там.

– Ты не могла бы переменить тему? Понятия не имею ни о Дорфмане, ни о Ломбардо. Я хочу поговорить с тобой об акциях в монастыре.

– Отлично. – Я села на неудобный стул желтовато-коричневого цвета и изобразила на лице живейший интерес. – Одна из мыслей, которая пришла мне вчера в голову, – это то, что подлог был совершен до того, как акции попали в монастырь. Что ты знаешь о жертвователе и его душеприказчиках? Возможно, за этим стоит какой-то затаивший злобу бывший доминиканец. У вас есть какая-нибудь информация о людях, которые покинули орден за последние десять лет?

– Я не хочу обсуждать это дело с тобой, Варшавски. Мы прекрасно сами можем провести

расследование. У нас в бюро отличные специалисты. И я прошу тебя прекратить этим заниматься.

Я подалась вперед:

– Дерек, я не только желаю, но и заинтересована в том, чтобы вы распутали это преступление. На это уйдет несколько тысяч долларов. У вас они есть. У меня нет. Я приехала сюда только для того, чтобы удостовериться, что семидесятипятилетняя женщина не попадет под колесо правосудия. И еще мне хотелось бы знать, что вы выяснили, пользуясь теми средствами, которыми располагаете.

– Мы держим ситуацию под контролем.

Мы еще несколько минут переливали из пустого в порожнее, но он был непреклонен, и я ушла ни с чем. Я зашла в телефон-автомат и набрала номер «Геральд стар». Мюррей Райерсон, главный редактор отдела уголовной хроники, был на месте. Мы с ним друзья, иногда любовники и слегка соперничаем там, где дело касается преступлений.

– Привет, Мюррей. Это Вик. Как ты думаешь; три часа не рано, чтобы пропустить стаканчик?

– Нет вопросов. Я соединю тебя с нашим специалистом по этикету. – Он помолчал. – Три часа дня или три ночи?

– Умник, сейчас. Я плачу.

– Черт возьми, Вик, ты, должно быть, в отчаянном положении. Сейчас не могу, а как насчет того, чтобы через час в «Голден глоу»?

Я согласилась и повесила трубку. «Голден глоу» – мой любимый бар в Чикаго. Я показала его Мюррею несколько лет назад. Он запрятан в Дью-Сэйбл-Билдинг, в небоскребе 1890 года, там есть настоящий бар из красного дерева, на который, возможно, облакачивались Сайрэн Мак-Кормик и судья Гэри.

Я заехала в свой офис, чтобы справиться насчет почты и сообщений по телефону, и в четыре направилась в сторону бара. Сэл, изумительная негритянка, барменша, которая могла бы поучить чикагскую полицию, как управлять толпой, приветствовала меня улыбкой и величественным жестом. Сегодня она заплела свои волосы в африканские косички, золотые кольца в ушах свисали до плеч. Блестящее синее вечернее платье открывало взглядам ее сногшибательные ноги и безупречное телосложение. Она принесла мне двойной «Блэк, лейбл» и немного поболтала, прежде чем вернуться к увеличивающейся группе ранних посетителей.

Мюррей пришел несколько минут спустя, январский ветер взъерошил его рыжие волосы. На нем были дубленка и сапоги: настоящий городской ковбой, что я ему и высказала, пока официантка принимала заказ. (Сэл заботится персонально только о своих постоянных клиентах.) Мы поговорили о последних преступлениях и о том, сумеет ли когда-нибудь мэр Вашингтона справиться с Эдди Врдоликом.

– Если бы в Вашингтоне не было Врдолика, его следовало бы выдумать, – заметил Мюррей.
– Это прекрасный предлог не заниматься ничем больше.

Снова подошла официантка. Я отказалась от второй порции виски и попросила стакан воды.

Мюррей заказал второй «Бикс».

– Ну так что, Вик? Не буду говорить, что твои звонки всегда как гром среди ясного неба – это уж само собой, но означают они одно: я тебе для чего-то потребовался.

– Мюррей, спорим на мой недельный заработок, что ты получаешь от меня больше историй, чем я от тебя клиентов?

– Твоего недельного заработка мне и на пиво не хватит. Что случилось?

– У тебя не проходила на прошлой неделе статья насчет фальшивых ценных бумаг в Мелроуз-парке? В доминиканском монастыре?

– В доминиканском монастыре? – повторил Мюррей. – С каких это пор ты обслуживаешь церкви?

– Семейный долг, – с достоинством сказала я. – Может, ты этого не знаешь, но я наполовину итальянка, а мы, итальянцы, держимся друг друга. Знаешь, тайны мафии и все такое... Если кто-то из семьи попадает в беду, все сплачиваются вокруг него.

Мюррея это не впечатлило.

– Ради семейной чести ты собираешься вышибить кого-то из монастыря?

– Нет, хотелось бы уесть в этом деле Дерек Хэтфилда.

Мюррей с энтузиазмом поддержал меня. Хэтфилд не любил прессу так же, как и частных детективов. Но об истории с поддельными акциями Мюррей ничего не знал.

– Возможно, слухи еще не просочились. Фэбээровцы могут быть ужасно скрытными в таких делах, особенно Дерек. Думаешь, этот настоятель мог бы дать хорошее интервью? Пожалуй, пошлю одну из своих крошек поговорить с ним.

Я предложила ему взять интервью у Розы и перечислила те предположения, что высказала Дереку. Мюррей обещал состряпать из всего этого статейку. Может, ему удастся раскопать имя жертвователя и пригрозить его наследникам публичным разоблачением. Это заставит Хэтфилда что-то предпринять: или объявить их непричастными к делу, или объяснить, когда были подделаны бумаги.

– Придется пошевелиться, – пробормотала я про себя.

– Хочешь заставить меня сделать за тебя всю грязную работу, Варшавски?

Я бросила на него взгляд, который, как я надеялась, был сама невинность.

– Мюррей, что ты такое говоришь! Я всего лишь хочу убедиться, что ФБР не посадит в тюрьму мою бедную старенькую тетю.

Я подала Сэл знак, что мы уходим. Она записывает все на мой счет и присылает его мне раз в месяц: единственный счет, по которому я исправно плачу.

Мы с Мюрреем проехали на север в ресторан морской кухни на Ред-Тайд. За восемь долларов здесь можно получить великолепного краба и съесть его, сидя у бара в темном погребке, размером примерно в половину моей гостиной. Затем я забросила Мюррея на железнодорожную станцию Фуллертон и поехала домой одна. Я уже миновала тот возраст, когда перепрыгивание из постели в постель кажется ужасно забавным.

Глава 6

Профессия дяди Стефана

На следующее утро, когда я делала свою пятимильную пробежку до цорта Белмонт и обратно, шел снег. Ледяная вода была неподвижна. За волнорезом просматривалось озеро, такое же неподвижное, но не мирное, а зловеще притихшее – сердитые боги крепко сковали его морозом.

Доброволец из Армии спасения притопывал и весело приветствовал ранних прохожих на углу улиц Белмонт и Шеридан. Он с улыбкой благословил меня, когда я пробежала мимо. Здорово, должно быть, когда твоя жизнь так проста и незатейлива. Интересно, а что бы он стал делать с тетей Розой? Существовала ли настолько широкая улыбка, чтобы заставить ее улыбнуться в ответ?

Я притормозила у маленькой булочной и выпила чашку кофе с булочкой. Подкрепляясь за высоким столом, я обдумывала свои дальнейшие действия. Вчера я встречалась с Хэтфилдом всего лишь из напускной бравады – это доставило мне что-то вроде садистского удовольствия, особенно когда на его бесстрастной физиономии появилось раздражение. Но он ничего не станет для меня делать. А у меня не было возможности проследить за доминиканцами. И еще: если даже Мюррей Райерсон что-то раскопает, как я это использую без разрешения Розы? И разве после ее неожиданного распоряжения прекратить работу моя миссия не закончена?

Я обнаружила, что, продолжая этот внутренний монолог, спорю с Габриелой, которой, вероятно, не понравилось бы мое отступление.

– Черт возьми, Габриела, – тихо выругалась я, – зачем ты заставила меня дать тебе это проклятое обещание? Она ненавидела тебя. Почему я должна что-то для нее делать?

Если бы мама была жива, она излупила бы меня на этом самом месте за то, что я так с ней разговариваю. А затем уставилась бы на меня своими умными гневными глазами: что из того, что Роза тебя уволила? Разве ты приехала только потому, что она тебя наняла?

Я допила кофе и вышла на улицу. Шел слабый снег. Строго говоря, Роза не увольняла меня. Альберт позвонил и сказал, что она более не нуждается в моих услугах. Но говорил ли он с согласия Розы? По крайней мере, мне надо прояснить ситуацию, прежде чем решать, что делать дальше. А это означало еще одну поездку в Мелроуз-парк. Но не сегодня: дороги в снегопад опасны – транспортные пробки, аварии... А завтра суббота. Даже если снег не прекратится, машин будет гораздо меньше.

Дома я собрала кучу легинсов и рубашек и замочила их в горячей воде. Так как я работаю сама на себя, я могу обдумывать свои планы где угодно. Следовательно, время, проведенное в ванной за размышлениями, – это время, потраченное на работу. К сожалению, мой бухгалтер не считает, что за это стоит скостить мне плату за воду.

Моя теория расследования напоминает подход Джулии Чайлд к кулинарии: собери с полки кучу ингредиентов, брось все это в кастрюлю и вскипяти, а потом посмотри, что получится. Я взбаламутила воду в монастыре и в ФБР. Возможно, теперь надо подождать, чтобы варево начало закипать, авось его запах навеет на меня какие-нибудь новые идеи.

Я надела шерстяной брючный костюм с закрытой блузкой в красную полоску и черные ботинки на низком каблуке. Одежда достаточно теплая, чтобы выйти из машины, если я застряну в снежной пробке где-нибудь по дороге. Замотав шею большим мохеровым шарфом, я шагнула в метель, села в «омегу» и направила ее в длинную очередь медленно двигающихся, буксующих машин, пытающихся пробиться на Лейк-Шор-Драйв.

– Я доползла до центра, с трудом различая едущие рядом машины, и свернула. Оставив

«омегу» на стоянке за Художественным институтом, я с трудом прошла шесть кварталов до Палтиней-Билдинг, который в зимнее время года выглядел мрачнее обычного. Жильцы нанесли в вестибюль горы снега и грязи. Том Зарник, неприветливый пожилой человек, который называл себя управляющим, отказывался протирать пол в ненастную погоду под тем предлогом, что к ленчу он опять испачкается, так что незачем зря беспокоиться. Я должна бы аплодировать мужчине, чьи взгляды на домашние дела так перекликаются с моими, но поскользнувшись в коридоре, я не удержалась и выругалась про себя в его адрес. Лифт сегодня тоже не работал, так что мне пришлось преодолеть четыре пролета пешком.

Включив свет и собрав с пола почту, я позвонила Агнес Пасиорек в ее офис. Поджидая, пока она продаст партию акций «Эй-Ти энд Ти», я просматривала счета и рекламные проспекты. Все может подождать до следующего месяца. Наконец в трубке послышался ее низкий энергичный голос.

– Агнес, это Вик Варшавски.

Мы с минуту обменивались любезностями, затем я объяснила, кто такой Роджер Феррант, и предупредила, что дала ему ее телефон.

– Знаю. Он звонил мне вчера днем. Мы встречаемся за ленчем в «Мекентайл-клубе». Ты в городе? Хочешь присоединиться к нам?

– Конечно. Прекрасно. Ты находишь в его деле что-то необычное?

– Все зависит от точки зрения. Брокеры не считают покупку и продажу акций чем-то необычным, но тебе может так показаться. Мне надо бежать. Увидимся в час.

«Мекентайл-клуб» расположен наверху старого Блечли-Айрон-Билдинг в деловом районе. Это деловой клуб, который неохотно открыл двери перед женщинами, лишь когда миссис Грей стала президентом Чикагского университета, и с тех пор большинство конфиденциальных встреч назначалось именно в его стенах. Сделав поблажку одной, они обнаружили, что по ее стопам сюда пробрались и все остальные. Здесь прекрасная еда и безупречное обслуживание, хотя некоторые старые официанты отказываются обслуживать клиентов женского пола.

Метрдотель провел меня в библиотеку, где перед камином уже сидел Феррант, поджидая Агнес. В сшитом на заказ синем костюме он выглядел очень элегантно и, увидев меня, тепло улыбнулся.

– Агнес пригласила меня совершенно неожиданно, надеюсь, ты не против? – спросила я.

– Ни в коем случае. Ты прекрасно сегодня выглядишь. Как дела с твоими поддельными акциями?

Я рассказала ему о своем бесполезном разговоре с Хэтфилдом.

– Доминиканцы тоже ничего не знают. По крайней мере, о подделке. Мне надо подступить к другому концу: кто мог их сделать?

Агнес приблизилась ко мне сзади:

– Сделать что?

Она повернулась к Ферранту и представилась: маленькая, энергичная, в коротком коричневом костюме из шотландки, пошив которого обошелся, вероятно, в восемьсот долларов. Половина дневного заработка Агнес.

Она провела нас в столовую, где метрдотель приветствовал ее по имени и посадил нас за столик у окна. Мы посмотрели вниз на южный приток реки Чикаго и заказали выпивку. Я редко пью виски среди, бела дня, поэтому заказала вишневый ликер, Феррант – пиво, а Агнес – грушевый сидр с лимоном: ей предстояло работать еще почти два часа, а она считает, что трезвые брокеры торгуют лучше.

Как только мы сели, она повторила свой вопрос. Я рассказала ей о подделке.

– Насколько мне известно, «Форт-Диаборн-Траст» обнаружил фальшивку, потому что такие серийные номера еще не выпускались. ФБР хранит молчание, но я знаю, что подделка была высшего качества – по крайней мере, достаточно хороша, чтобы пройти аудиторскую проверку. Я хотела бы поговорить с кем-то, кто знает что-нибудь о подделках акций, и попытаться выяснить, кто бы мог выпустить продукцию такого качества.

Агнес подняла густую бровь:

– Ты спрашиваешь меня? Я продаю их, а не печатаю. Про блема Роджера мне еще под силу. Может быть. – Она обратилась к Ферранту: – Почему бы вам не рассказать все, что вы знаете?

Он пожал худыми плечами:

– Я говорил вам по телефону о звонке нашего «специалиста» из Нью-Йорка, Энди Бэррета. Может, для начала вы объясните мне, что это такое – «специалист». Он не работает на «Аякс», этим занимаюсь я.

– Специалистами мы называем членов нью-йоркской фондовой биржи, но они работают только с биржами, то есть юридическими лицами. Обычно это сотрудники, которые имеют лицензию и осуществляют все операции, а также отслеживают рынок по вашему «портфелю». Допустим, кто-то хочет продать тысячу акций «Аякса». Звонят мне. Я не размахиваю акциями на чикагской фондовой бирже в поисках покупателя, а звоню нашему брокеру в Нью-Йорке, и он отправляется в офис Бэррета. Бэррет покупает акции и заключает сделку с тем, кто хочет купить тысячу акций. Если слишком много народу продает акции «Аякса», но никто не хочет их покупать, то Бэррет скупает их на свои деньги, так как он обязан поддерживать рынок акций «Аякса». Если рынок вдруг пошатнется, он попросит руководство приостановить торговлю, пока дела не утрясются.

Она замолчала, чтобы дать нам время заказать блюда: дуврскую камбалу для меня, бифштекс для нее и Роджера. Потом она закурила сигарету и продолжила свои рассуждения, перемежая их облачками дыма.

– Из того, что я выяснила, с акциями «Аякса» в последние несколько недель происходит совсем противоположное. Их активно покупают. В семь раз больше обычного объема – этого достаточно, чтобы цена начала расти. Но не намного: страховые компании не слишком крупные инвесторы на фондовом рынке, это позволяет им проворачивать большие дела и оставаться незамеченными. Бэррет назвал вам брокеров, которые делали заказы на покупку?

– Назвал, но их имена ни о чем мне не говорят. Он пришлет список по почте... Если вас не затруднит, мисс Пасиорек, не могли бы вы взглянуть на него? Может быть, эти имена вам что-нибудь скажут? Просто не знаю, что мне делать.

К моему огорчению, Агнес прикурила вторую сигарету.

– Нет, меня это не затруднит. И пожалуйста, зовите меня Агнес. Мисс Пасиорек звучит слишком... официально. Я понимаю, о чем вы думаете: кто-то пытается тайно взвинтить цены

на акции. Даже если это так, дело не может пойти далеко, поскольку любой владелец пяти процентов акций и более должен связаться с Комиссией по контролю за ценными бумагами и объяснить, на что он их использует. Или владелица. – Агнес ухмыльнулась в мою сторону.

– Сколько акций нужно иметь, чтобы завладеть «Аяксом»? – спросила я.

Принесли еду, и Агнес милостиво затушила сигарету.

– По-разному. Кто, кроме вашей фирмы, владеет значительной частью акций?

Феррант покачал головой:

– Точно не знаю. Гордон Ферт, председатель. Кто-то из директоров. Три процента у нас, четыре процента держит «Эдельвейс», швейцарская страховая фирма. Думаю, они самые крупные держатели акций. Ферт, возможно, владеет двумя. Некоторые другие директора, вероятно, имеют один-два процента.

– Итак, ваше теперешнее правление владеет примерно пятнадцатью процентами. Значит, любой имеющий шестнадцать, может уже всех задавить. Не обязательно, конечно, но для того, кто захочет перекупить фирму, это возможно; особенно если правление не в курсе, что происходит.

Я подсчитала в уме. Пятьдесят миллионов акций вне компании. Шестнадцать процентов – это восемь миллионов.

– Значит, требуется около пятисот миллионов долларов, чтобы захватить контроль в компаний.

Она с минуту поразмышляла:

– Да, примерно так. Но заметьте, с таким капиталом не обязательно всплывать на поверхность. Раз вы уже приобрели большой кусок, добавлять к нему не составляет труда: можно представить имеющиеся в наличии акции в форме залога под кредит и приобрести на них еще больше акций. Затем повторяете операцию и продолжаете в том же духе. Даже не заметите, как вся компания будет у вас в руках. Это упрощенно, конечно, но в этом вся суть.

С минуту мы ели молча, потом Феррант сказал:

– Что можно сделать, чтобы точно в этом удостовериться?

Обдумывая ответ, Агнес наморщила лоб.

– Можно позвонить в Комиссию по ценным бумагам и попросить официального разбирательства. Тогда вы точно узнаете имена людей, которые скупают акции. Правда, это уже крайний шаг. В этом случае проверяются каждая сделка и каждый брокер. Но перед тем как пойти на это, вам следует поговорить с правлением: возможно, некоторые из ваших директоров не обрадуются, если все их сделки вытащат на свет божий.

– Ну и короче?..

– Каждая брокерская фирма имеет, как мы говорили, члена правления по согласованиям. Когда получите список брокеров; попробуйте позвонить членам правления и выяснить, по чьему поручению их брокеры скупают акции. Заметьте, они не обязаны отвечать вам, хотя и нет ничего нелегального в попытке перекупить компанию.

Официанты вертелись вокруг нашего стола. Десерт? Кофе? Феррант рассеянно выбрал яблочный пирог.

– А вы не могли бы поговорить с ними, мисс... Агнес? Я имею в виду, с членами правления по согласованию? Как я говорил Вик, мне не по зубам вся эта чепуха с акциями. Даже если бы вы сказали мне, какие вопросы задавать, я бы не знал, правильно мне отвечают или нет.

Агнес положила три кусочка сахара в кофе и энергично его размешала.

– Обычно это не принято. Покажите мне список брокеров, и тогда я решу, как поступить. Что вы можете сделать, так это позвонить Бэррету и попросить его прислать вам список тех, на кого были зарегистрированы акции при продаже. Если окажется, что я кого-нибудь хорошо знаю, брокеров или покупателей, то могу им позвонить.

Она посмотрела на часы:

– Мне пора обратно в офис. – Она подозвала официанта и заплатила по счету. – А вы, двое, оставайтесь.

Феррант покачал головой:

– Лучше я позвоню в Лондон. Там сейчас девятый час – мой директор должен быть дома.

Я вышла вместе с ними. Снег прекратился. Небо посветлело, и температура упала. Банковский термометр показывал одиннадцать градусов. Я дошла с Роджером до «Аякса». Когда мы прощались, он пригласил меня пойти с ним на фильм в субботу вечером. Я согласилась, затем направилась дальше по Уобош к своему офису, чтобы закончить донесение об украденных деньгах. В тот вечер, медленно двигаясь по направлению к дому, я размышляла о том, как найти кого-нибудь, кто знал бы о подделке акций. Фальшивомонетки – это граверы, которые встали на преступный путь. Одного гравера я знала. По крайней мере, знала того, кто с ним знаком.

Доктор Шарлотта Хершель, для меня Лотти, родилась в Вене, выросла в Лондоне, где получила докторскую степень Лондонского университета, и жила в миле от меня, на Шеффилд-авеню. Брат ее отца Стефан, гравер, иммигрировал в Чикаго в двадцатые годы; когда в 1959 году Лотти решила приехать в Штаты, она выбрала Чикаго отчасти потому, что здесь жил ее дядя Стефан. Я никогда его не видела – она редко с ним встречалась, просто говорила, что чувствует себя более уверенно, зная, что поблизости есть родственник.

Начало моей дружбы с Лотти относится еще к студенческим годам в Чикагском университете, когда мы вместе участвовали в движении в защиту аборт. С тех же времен она знает Агнес Пасиорек.

Я притормозила на Бродвее у «Острова сокровищ», чтобы купить продукты и вино. Было шесть тридцать, когда я приехала домой и позвонила Лотти. Она только что вернулась из клиники, которой руководит и которая расположена на Шеффилд, недалеко от ее дома. Она охотно откликнулась на мое приглашение поужинать вместе и сказала, что придет сразу, как только примет ванну.

Я прибрала в гостиной и на кухне. Лотти никогда не критикует мою манеру ведения домашнего хозяйства, но сама она ужасная чистюля, было бы просто неприлично вытащить ее из дома в такой холод для серьезного разговора и заставить провести вечер в бардаке.

Курица, чеснок, грибы и лук, припущенные в оливковом масле и обжаренные затем с бренди, превратились в прекрасное тушеное мясо. «Руффино» дополняло меню. К тому времени, когда вода закипела, раздался звонок в дверь.

Лотти быстро взбежала по лестнице и крепко меня обняла.

– Как хорошо, что ты позвонила, дорогая. Такой длинный, утомительный день: ребенок умер

от менингита только потому, что мать не привезла его вовремя в больницу. Повесила ему на шею амулет и думала, что это снимет сорокаградусную температуру. Там еще три сестры, мы послали их в больницу Святого Винсента на обследование, но Боже мой!..

Я задержалась с ней на минуту, прежде чем войти в квартиру, и спросила, не хочет ли она выпить. Лотти напомнила мне, что алкоголь – яд. В экстремальных ситуациях она считала бренди допустимым, но сегодняшние проблемы не казались ей экстремальными. Я налила себе «Руффино», а для нее сварила кофе.

Лотти отводила душу, пока мы ужинали при свечах в гостиной. К тому времени, когда мы расправились с салатом, она расслабилась и спросила, над чем я сейчас работаю.

Я рассказала ей про Розу, и доминиканцев, и про звонок Альберта. Пламя свечей отразилось в ее прищуренных черных глазах, когда она взглянула на меня.

– И что ты пытаешься доказать, продолжая расследование?

– Звонил Альберт. Роза, возможно, с ним не согласна, – защищалась я.

– Да. Твоя тетя тебя не любит. Она решила, по какой-то причине, больше не защищаться. Так что же ты делаешь? Доказываешь, что ты сильнее, или честнее, или просто лучше, чем она?

Я обдумала ее слова. Иногда Лотти не уступает в вежливости консервному ножу, но этим она мне и помогает. Я лучше понимаю себя, когда говорю с ней.

– Знаешь, это не мания, Роза пока еще не полностью завладела моими мыслями. Но мне обидно за маму. Роза причинила ей боль, и это меня злит. Если я докажу Розе, что она была права, прекратив расследование, что я могу раскрыть преступление, несмотря на неудачи ФБР и Комиссии по ценным бумагам, я докажу, что она была права во всем ином. И ей придется в это поверить. – Я засмеялась и допила бренди. – Но она, конечно, не поверит. Мое рациональное начало знает это, но мои эмоции заставляют меня думать по-другому...

Лотти кивнула:

– Очень логично. И как твое рациональное начало думает решать эту проблему?

– На стороне ФБР сила, они могут предпринять то, чего не могу позволить себе я. Единственное, что я могу выяснить, – кто подделал акции. Пусть Дерек сконцентрируется на том, кто был их владелец и кто из экс-доминиканцев купается сейчас в роскоши. Я не знаю ни одного фальшивомонетчика. Но мне пришла в голову мысль, что фальшивомонетчик – это прежде всего гравер. И я подумала о твоем дяде Стефане.

Какое-то время Лотти разглядывала меня с выражением непритворного удивления. Потом выражение ее лица резко изменилось. Она поджала губы и сузила темные глаза.

– Это что, экспромт? Или ты шпионила за мной в свободное время? – Я смущенно посмотрела на нее. – Тебя не удивляет, что ты никогда не встречалась с дядей Стефаном, хотя он мой единственный родственник в Чикаго?

– Нисколько не удивляет. Я и думать об этом не думала, – парировала я. – Ты ведь ни разу не видела тетю Розу. Даже не будь она такой мегерой, ты, вероятно, все равно никогда бы с ней не встретились – друзья редко имеют много общего с родственниками друг друга.

Она продолжала пытливо меня разглядывать. Я чувствовала себя очень обиженной, но мне не приходило на ум ничего, что могло бы разрушить стену молчания. Последний раз я чувствовала себя так в цочь, когда поняла, что мужчина, за которого я вышла замуж, думая, что люблю его, был чужд мне не менее, чем Ясер Арафат. Неужели дружба может

испариться так же, как любовь?

У меня комок стоял в горле, но я заставила себя заговорить:

– Лотти, ты знаешь меня почти двадцать лет, я никогда не делала ничего за твоей спиной. Если ты думаешь, что я начала теперь... – Это предложение вело не в том направлении. – Ты не хочешь, чтобы я узнала что-то о твоем дяде. Ты и не должна мне ничего говорить. Унеси это с собой в могилу. Только не веди себя так, будто все, что ты знала обо мне, теперь ничего не значит. – Догадка пронеслась в моей голове. – О нет. Не говори мне, что твой дядя на самом деле фальшивомонетчик!

Какое-то мгновение в глазах Лотти оставалось все то же выражение, потом на ее лице появилась кривая улыбка.

– Ты права, Вик. Насчет моего дяди. И насчет тебя и меня. Я ужасно виновата, дорогая. Я не буду извиняться – незачем. Но Стефан... Когда окончилась война, я обнаружила, что от семьи остались только мой брат и несколько дальних родственников, которые приютили нас во время войны. Хьюго – мой брат – и я потратили массу времени и кучу денег, разыскивая родню. И нашли папиного брата – Стефана. Хьюго решил переехать в Монреаль, а я выбрала Чикаго – у меня была возможность получить от работы квартиру в северо-западном районе, слишком хороший шанс, чтобы от него отказываться. – Она махнула рукой. – Приехав сюда, я начала искать дядю Стефана. И обнаружила его в федеральной тюрьме. Он специализировался на деньгах, но не чурался и социальных проблем: подделывал также паспорта и продавал их европейцам, которые пытались в то время перебраться в Америку.

Она усмехнулась своей обычной усмешкой. Я подалась вперед и взяла ее за руку. Продолжая говорить, она пожала мою руку: детективы и доктора знают цену словам.

– Я отправилась повидаться с ним. Он очень милый. Как мой отец, только без твердых моральных принципов. И когда его освободили, в 1959-м, он полгода жил у меня. Я была для него семьей. Он получил работу в ювелирной мастерской – в конце концов он ведь не грабитель, они не сомневались в его честности. Насколько я знаю, он больше никогда не преступал закон. Но, естественно, я его об этом не спрашивала.

– Само собой. Ладно, попытаюсь найти другого гравера.

Лотти снова улыбнулась.

– О нет. Почему бы не позвонить ему? Старику восемьдесят два года, но ум у него прежний, если не лучше. Возможно, он единственный, кто сможет тебе помочь.

Она обещала позвонить ему на следующий день и узнать, когда ему будет удобно пригласить нас на чашку чая. Мы выпили кофе и закусили грушами, а потом играли в скреббл. Лотти, как всегда, выигрывала.

Глава 7

Христианское милосердие

Утро следующего дня было чистым и холодным, яркое зимнее солнце ослепительно отражалось от бегущей ленты дороги. Холстед не был расчищен, по крайней мере севернее Белмонта, и «омега» скакала, словно лошадь, всю дорогу до автострады Кеннеди и далее в Мелроуз-парк.

Я надела солнечные очки и включила радио. Нет, сыта по горло. Невыносимо. Выключила приемник и запела сама – непритязательную песенку из «Большого Джона и Спарки»: «Если сегодня в лес пойдешь, лучше одна не ходи».

Было начало одиннадцатого, когда я повернула на север в сторону Маннхейма и взяла курс к дому Розы. В Мелроуз-парке даже боковые дорожки были тщательно очищены от снега. Возможно, это говорит в пользу проживания в пригороде. Дорожка, ведущая к боковому входу в дом Розы, была расчищена столь аккуратно, что на ней можно было разойтись двоим – не то что возле моего дома. А это уже говорило в пользу проживания с Альбертом.

К двери подошел Альберт. Свет падал ему в лицо, и сквозь приоткрытую дверь я видела, что он рассержен.

– Что ты здесь делаешь? – удивленно спросил он.

– Альберт, Роза сто раз говорила, что в семье все должны держаться друг друга. Уверена, она была бы в шоке, услышав, как ты меня встречаешь.

– Мама не хочет с тобой разговаривать. Я думал, что дал тебе это ясно понять.

Я распахнула дверь:

– Нет. Ты ясно дал понять, что ты не хочешь, чтобы я говорила с ней. А это не одно и то же.

Альберт, наверное, тяжелее меня на восемьдесят фунтов, видимо, поэтому он решил, что меня будет легко выставить за дверь. Я заломила ему руку за спину и проскользнула в дом. Давно уже я не чувствовала себя так хорошо.

Из кухни послышался резкий голос Розы, она хотела знать, кто пришел и почему Альберт не закрыл дверь. Разве он не знает, сколько они платят за отопление?

Я пошла на голос. Альберт угрюмо следовал за мной.

– Это я, Роза, – отозвалась я, входя на кухню. – Мне подумалось, что нам следует немного поговорить о теологии.

Роза резала овощи, видимо для супа, так как на плите лежала берцовая кость. На кухне все еще была старая, образца 1930 года, раковина. Плита и холодильник были тоже древние, так же как и маленькие белые шкафчики у некрашенных стен. Роза со стуком бросила кухонный нож на доску, повернулась ко мне и яростно прошипела:

– Я не имею ни малейшего желания разговаривать с тобой, Виктория!

Я развернула кухонный стул и села задом-наперед, положив подбородок на спинку.

– Нехорошо, Роза. Я не телевизор, который можно включить и выключить, когда тебе захочется. Неделю назад ты позвонила мне и сыграла пассаж на скрипке семейной сплоченности, потом, помимо моей воли, вытащила меня сюда. А в четверг в тебе вдруг разыгралась твоя мораль или этика. Ты взглянула на лилии на лугу и решила, что было неправильно заставлять меня доказывать твою невинность. – Я серьезно посмотрела на нее. – Роза, звучит прекрасно, только на тебя это не похоже.

Она поджала тонкие губы.

– Что ты можешь знать? Ты ведь даже некрещеная. Я и не ожидала, что ты поймешь, как должен поступать настоящий христианин.

– Хорошо, возможно, ты права. Современный мир не дает много возможностей увидеть истинное лицо человека. Ну да ты все равно ничего не поймешь. Ты надавила на мои чувства и вытащила меня сюда. Это было нелегко. Но отделаться от меня тебе еще труднее. Будь я какой-нибудь частный детектив из желтой прессы, никак с тобой не связанный, тогда другое дело. Но тебе нужна была я, и ты меня получила.

Роза села. В ее глазах полыхала ненависть.

– Я передумала. Это мое право. Ты не должна больше ничего делать.

– Я хочу кое-что узнать, Роза. Это твоя собственная идея? Или кто-то ее тебе подсказал?

Прежде, чем заговорить, Роза обвела глазами кухню.

– Естественно, я обсуждала это с Альбертом.

– Ну конечно. Твоя правая рука и доверенное лицо. А с кем еще?

– Ни с кем!

– Нет, Роза. Эта маленькая пауза и взгляд, блуждающий по комнате, говорят о другом. И это не отец Кэрролл, если только он не солгал мне в четверг. Так кто же?

Она не ответила.

– Кого ты защищаешь, Роза? Кого-то, кто знает об этих фальшивках?

Снова молчание.

– Понятно. Знаешь, на днях я пыталась подсчитать свои преимущества по сравнению с ФБР. Насчитала только одно. Ты подсказала мне второе. Я просто установлю за тобой наблюдение и выясню, с кем ты общаешься.

Я ощущала ее ненависть почти физически.

– Вот как! Что еще можно ожидать от дочери потаскушки!

Не думая я подалась вперед и ударила ее по губам. К ненависти в ее глазах добавилось удивление, но она была слишком горда, чтобы прикрыть рот рукой.

– Ты не любила бы ее так сильно, если бы знала правду.

– Спасибо, Роза. Я приеду на следующей неделе, чтобы получить еще один урок христианского поведения.

Альберт молча стоял в дверях кухни, не вмешиваясь в нашу перебранку. Он провел меня к входной двери. Запах горящего оливкового масла преследовал нас и в вестибюле.

– Ты правда должна покончить с этим, Виктория. Мама очень взволнована.

– Что тебя удерживает около нее, Альберт? Она обращается с тобой, как с недоразвитым четырехлетним ребенком. Перестань быть маменькиным сыночком. Найди себе подружку. Сними собственную квартиру. Никто не выйдет за тебя, пока ты живешь с ней.

Он что-то невнятно пробормотал и захлопнул за мной дверь. Я залезла в машину и просидела несколько минут, приходя в себя. Как она смела! Она не просто оскорбила мою мать, она спровоцировала меня на удар. Я не могла поверить, что сделала это. От ярости и отвращения к себе мне стало плохо. Но как бы то ни было, я никогда не извинюсь перед этой

старой ведьмой.

Придя к такому решению, я завела машину и направилась к монастырю. Отец Кэрролл на исповеди и освободится примерно через час. Если хочу, я могу его подождать. Я отклонила предложение, оставила записку, что позвоню в конце недели, и поехала обратно в город.

Мое настроение подходило только для драки. Вернувшись домой, я достала свои счета за декабрь, но не могла на них сосредоточиться. Наконец, я собрала всю грязную одежду и отнесла ее вниз, в прачечную. Поменяла простыни, пропылесосила, но все еще чувствовала себя отвратительно. Наконец, поняв, что все это бесполезно, достала из шкафа коньки и поехала в парк на Мон-троуз-Харбор. Там залили каток под открытым небом, я присоединилась к группе детей и каталась примерно час, выказывая при этом больше энергии нежели мастерства. Потом побаловала себя легким ленчем в ресторане «Дортмундер» в подвальчике «Честертон-отеля» и к трем вернулась домой, уставшая, но избавившаяся от злости. Борясь с нижним замком – мои пальцы окоченели от холода – я услышала, как в квартире зазвонил телефон. Я насчитала одиннадцать сигналов, но когда я наконец открыла дверь и помчалась через коридор в гостиную, телефон замолчал.

Я собиралась встретиться с Роджером Феррантом в шесть, чтобы пойти в кино и потом поужинать. Короткий сон и горячая ванна приведут меня в чувство, и еще останется время разобрать счета.

Лотти позвонила в четыре, когда я пустила воду, и спросила, согласна ли я поехать к дяде Стефану вместе с ней завтра в половине четвертого. Мы договорились, что я заеду за ней в три. Я, подремывая, лежала в ванной, когда телефон зазвонил опять. Сначала я решила не подходить. Потом, подумав, что Феррант хочет внести изменения в наши планы, я выпрыгнула из ванны и побежала, оставляя за собой дорожку из мыльной пены. Но, пока я бежала, телефон опять перестал звонить.

Проклиная иронию судьбы, я решила, что достаточно долго откладывала работу, надела халат и тапочки и всерьез принялась за счета. К пяти я почти закончила годовую декларацию о доходах и подготовила декабрьские счета для отправки клиентам, так что меня охватило чувство трепетной благоговейности. Я надела широкую сельскую юбку, которая до половины прикрывала икры, красные сапоги до колен и белую блузку с широким рукавом. Мы с Феррантом должны были встретиться у кинотеатра «Салливан» и пойти на шестичасовой сеанс. Шел фильм «Язык нежности».

Он уже ждал меня – я отдала должное такой вежливости – и крепко поцеловал. Я отказалась от попкорна и кока-колы, и мы провели два прекрасных часа, то следя за игрой Ширли Маклейн, то сосредоточившись на телах друг друга, дабы удостовериться, что различные их части, имевшиеся в четверг утром, остались на том же месте.

После фильма мы решили продолжить их обследование у меня дома, а потом пойти поужинать. Держась за руки, мы медленно поднимались по лестнице. Я как раз открывала нижний замок, когда снова начал звонить телефон. Теперь я добежала до него на четвертый сигнал.

– Мисс Варшавски? – Голос был странный – без всякого акцента и какой-то ненатуральный.

– Да?

– Рад наконец застать вас дома. Вы расследуете дело о фальшивых акциях в монастыре Святого Альберта, не так ли?

– Кто вы? – резко спросила я.

– Друг, мисс Варшавски. Можете также звать меня amicus curiae[5]. – Он удовлетворенно хихикнул. – Остановитесь, мисс Варшавски. У вас такие прекрасные серые глаза. Мне бы не хотелось, чтобы кто-нибудь плеснул в них кислотой. – Он повесил трубку.

Я стояла, держа трубку в руке, уставясь на телефон неверящим взглядом. Феррант подошел ко мне:

– В чем дело, Вик?

Я осторожно положила трубку на рычаг.

– «Если жизнь тебе дорога, не ходи по ночам на болота».

Я пыталась сказать это весело, но даже сама услышала, как растерянно прозвучал мой голос. Роджер обнял меня, но я мягко высвободилась.

– Мне нужно немного подумать. Там в баре ликер и вино. Почему бы нам не выпить по стаканчику?

Он отправился искать выпивку, а я села и уставилась на телефон. Детективы получают огромное количество анонимных телефонных звонков и писем, и, если все их принимать всерьез, можно в конце концов оказаться в смирительной рубашке. Но угроза в его голосе была весьма убедительной. Кислота в глаза. Я съезжилась.

Итак, я разожгла огонь под несколькими котелками, и один из них закипел. Но какой? Неужели бедная, затравленная тетя Роза сошла с ума и наняла кого-то, чтобы напугать меня? Эта идея заставила меня рассмеяться про себя и частично вернула душевное равновесие. Если не Роза, тогда монастырь. И это тоже смешно. Хэтфилд был бы рад вывести меня из игры, но это не его стиль.

Роджер вошел в комнату, держа бокалы с вином.

– Ты бледная, Вик. С кем ты разговаривала?

Я покачала головой:

– Я бы и сама хотела это знать. Голос был такой... такой осторожный. Без акцента. Как дистиллированная вода. Кто-то хочет, чтобы я бросила дело о подделке ценных бумаг. Так хочет, что готов плеснуть мне в глаза кислотой.

Роджер был поражен.

– Вик! Ты должна позвонить в полицию! Это ужасно. – Он обнял меня. На этот раз я не сбросила его руку.

– Полиция ничего не сможет сделать. Если я позвоню и скажу им... Ты представляешь, сколько анонимных звонков делается в этом городе за день?

Но они могли бы послать кого-то, чтобы присмотреть за тобой.

– Разумеется. Если бы у них не висело на шее восемьсот убийств, десять тысяч вооруженных ограблений и еще несколько тысяч изнасилований. Полиция не может охранять меня только потому, что какой-то псих угрожает мне по телефону.

Он был обеспокоен и спросил, не хочу ли я переехать к нему, пока дела не утрясются.

– Спасибо, Роджер. Я ценю твоё предложение. Но теперь появился кто-то, настолько обеспокоенный, что готов что-то предпринять. Если я останусь здесь, то смогу поймать его на

ЭТОМ.

Мы оба потеряли интерес к сексу. Допили вино, и я поджарила яичницу-глазунью. Роджер остался у меня на ночь. Я до трех лежала без сна, прислушиваясь к его спокойному ровному дыханию, пытаюсь восстановить в памяти тот безликий голос и задаваясь вопросом: кто из знакомых мог бы плеснуть мне кислотой в лицо?

Глава 8

У бывшего фальшивомонетчика

В воскресенье утром я ехала к Лотти, петляя по тихим улочкам с односторонним движением, часто сворачивая в сторону, останавливаясь на перекрестках. Никто не преследовал меня. Мой маршрут никого не заинтересовал. Пока.

Лотти ждала меня у входной двери. Она была похожа на маленького эльфа: пять футов спрессованной энергии, облаченной в кожаный жакет зеленого цвета, с какой-то нелепой малиновой шляпкой на голове. Ее дядя жил в районе Скоки, так что я направила машину на север к Ирвинг-парку, а затем к шоссе Кеннеди, основной магистрали, ведущей на север.

Когда мы проезжали мимо грязных фабрик, расположенных вдоль шоссе, на смотровом стекле затанцевало несколько снежных хлопьев. Но облака стояли высоко, так что, по всей вероятности, снежный буран нам не грозил. Поворачивая направо, в сторону северо-восточных районов, я коротко рассказала Лотти о вчерашнем звонке.

– Одно дело, когда я рискую своей собственной жизнью, чтобы доказать то, что хочу доказать, но несправедливо втягивать в это тебя и твоего дядю. Скорее всего это просто неприятный звонок, и ничего больше. Но если нет, ты должна заранее знать, чем рискуешь. Так что решай сама.

Мы приближались к перекрестку на Демпстер. Лотти посоветовала мне свернуть на восток и ехать по Кроуфорд-авеню. И только когда мы ехали мимо импозантных домов на этой улице, она сказала:

– Не вижу, чтобы ты втягивала нас в рискованное дело. У тебя есть проблема, и ты можешь ее разрешить, поговорив с дядей. До тех пор пока мы будем молчать об этой встрече, все будет в порядке. Если он придумает, чем тебе помочь, хорошо, я бы не позволила говорить мне в операционной, что рискованно, а что нет. И не буду говорить этого и тебе.

Мы припарковались перед тихим домом. Дядя Лотти встретил нас в дверях своей квартиры. Для своих восьмидесяти двух он очень неплохо выглядел, немного походил на Лоуренса Оливье из «Марафонского мужчины». У него были яркие карие глаза Лотти, радостно загоревшиеся, когда он поцеловал ее. Потом он протянул мне руку и поклонился.

– Так-так... Две очаровательные дамы решили скрасить старику воскресный день. Входите, входите.

Он говорил на английском с сильным акцентом, в отличие от Лотти, которая выучила язык еще ребенком.

Мы последовали за ним в гостиную, заставленную мебелью и книгами. Он церемонно указал мне на пыльное кресло, обитое ситцем. Они с Лотти уселись на диване справа от меня. Перед нами был столик красного дерева с серебряным кофейным сервизом, слегка

почерневшим от времени. Кофейник и чашки были украшены фантастическими фигурами. Я подалась вперед, чтобы рассмотреть их. Здесь были грифы и кентавры, нимфы и единороги.

Заметив мой интерес, дядя Стефан просиял от удовольствия.

– Венская работа, начало восемнадцатого века, когда кофе только приобретал популярность.

Он наполнил чашки для меня и Лотти, предложил мне сливки и поднял с тарелки серебряную крышку, открыв нашим взорам рисунок на фарфоре, который по откровенности граничил с эротикой.

– Надеюсь, вы не из тех дам, которые не едят ничего, чтобы не повредить своей безупречной фигуре? Прекрасно. Американки слишком тощие, не правда ли, Лоттхен? Тебе следует прописывать пирожные всем своим пациенткам.

Дядя Стефан продолжал говорить о полезном воздействии шоколада на организм еще несколько минут. Я выпила чашку отличного кофе и съела кусок торта с орехами, думая, как бы ненавязчиво переменить тему. Но, налив мне еще кофе и предложив кусок торта, он сам взял на себя инициативу:

– Лотти сказала, что вы хотите поговорить со мной о гравировке.

– Да, сэр.

Я коротко рассказала ему о проблемах тети Розы. У меня есть сотня акций «Экорна», небольшой компьютерной компании, которые мне подарили в качестве гонорара за раскрытие индустриального шпионажа. Я вытащила один сертификат из сумочки и протянула его дяде Стефану.

– Думаю, большинство акций печатается на бумаге такого же типа. Меня интересует, трудно ли изготовить такую подделку, чтобы обмануть опытных экспертов.

Он молча взял акцию и прошел к столику около окна. Столик тоже был старый, с деревянными резными ножками и зеленым кожаным верхом. Он вытащил из верхнего ящика увеличительное стекло, включил яркую настольную лампу и более четверти часа рассматривал сертификат.

– Да; это было бы довольно трудно, – сказал он наконец. – Хотя, может быть, и не труднее, чем подделать бумажные деньги.

Он поманил меня к столику, Лотти тоже подошла и стала сзади, заглядывая ему через плечо. Он начал показывать мне знаки на сертификате. Прежде всего, бумага сделана из плотного пергамента, который не так-то легко достать.

– И на ней характерный узор. Чтобы обмануть эксперта, надо быть уверенным, что узор сделан совершенно точно. Такую бумагу изготавливают на заказ, понимаете, чтобы усложнить жизнь бедным фальшивомонетчикам. – Он повернулся и подмигнул Лотти, которая сердито нахмурилась. – Затем знак выпускающей компании и несколько подписей, поверх каждой подписи – печать.

Печать – это самое сложное, ее практически невозможно скопировать, не размазав подпись. Вы видели эти фальшивые акции вашей тети? Знаете, что они сделали неправильно?

Я покачала головой:

– Мне известно только одно: такие серийные номера никогда не использовались компанией. Ни о каких узорах я и понятия не имею.

Он выключил настольную лампу и вернул мне сертификат.

– Жаль, что вы их не видели. И еще: если бы вы знали, как преступник намеревался их использовать, это сказало бы вам, насколько хорошей, насколько... гм... убедительной должна быть подделка.

– Я думала об этом. Фальшивые акции можно использовать только тайно. Ведь они тщательно проверяются в банке при продаже. Значит, в этом случае украдены и несколько настоящих акций. Потому что вору нужно было убедить настоятеля и ревизоров, что их собственность еще на месте. Это не просто кража, когда известно, в какое время что-то украдено, кто имел доступ к этой вещи и когда ее в последний раз видели.

– Прошу прощения, юная леди, не могу вам больше ничего сообщить. Но не сомневаюсь, что вы съедите еще кусочек торта перед уходом.

Я снова села и взяла кусок абрикосового торта с миндалем. Мой организм протестовал, когда я откусывала от него.

– Вообще-то, сэр, есть еще кое-что, что вам надо знать. Подделка могла быть сделана в любое время в течение последних десяти лет. Но допустим, акции изготовлены сравнительно недавно. Как я могу узнать, чья это работа? Если предположить, что он или она работали в Чикаго?

Он долго молчал, потом тихо сказал:

– Лоттхен рассказала вам о моем прошлом, как я подделывал двадцатидолларовые банкноты. Превосходная была работа, – добавил он, возвратившись к своей игривой манере. – Особенно учитывая то, что все оборудование я сделал сам. Видите ли, мисс Варшавски, есть два типа фальшивомонетчиков. Независимые художники, вроде меня. И те, кто работает на организацию. Здесь вы имеете дело с кем-то, кто выполнял работу по чьему-то заказу. Если только вы не считаете, что один и тот же человек и изготовил новые акции и избавился от старых. На самом деле вам нужен не сам гравер, а его клиент. Разве я не прав?

Я кивнула.

– Но я не могу помочь вам найти этого гравера. Мы, независимые художники, стараемся не... не афишировать свою деятельность, и я не принадлежу к цеху фальшивомонетчиков. Но, возможно, я мог бы попытаться помочь вам найти клиента.

– Каким образом? – опередила меня Лотти.

– Сделав такую же подделку и распустив слух, что я готов продать ее.

Я поразмыслила над этим:

– Может сработать. Но вы подвергаете себя ужасному риску. Даже при моем самом активном вмешательстве трудно будет убедить полицию, что ваши мотивы были честные. И помните, что люди, которые этим занимаются, могут быть опасны – меня уже запугивали по телефону. Если они узнают, что вы ведете двойную игру, их правосудие будет более жестоким, чем просто заключение в тюрьму Форт-Левенворт.

Дядя Стефан подался вперед и похлопал меня по руке.

– Милочка, я старик. Хотя мне и нравится жизнь, я не боюсь смерти. А такое занятие взбодрит меня.

Вмешалась Лотти, с жаром приводя всевозможные аргументы. Их перепалка становилась все

напряженной, они перешли на немецкий, пока Лотти с отвращением не произнесла по-английски:

– На твоей могиле мы поставим плиту с надписью: «Он умер от упрямства».

После этого я и дядя Стефан обсудили практические детали. Ему понадобится мой сертификат «Экорна» и некоторые другие. Он найдет необходимые материалы и пришлет мне счет. Безопасности ради, если мой анонимный абонент действительно не шутил, дядя Стефан не будет мне – звонить. Когда ему понадобится поговорить со мной, он поместит объявление в «Геральд стар». К сожалению, он не мог обещать очень скорых результатов.

– Вам придется набраться терпения, моя дорогая мисс Варшавски, и не на несколько дней, а, возможно, на несколько недель.

Мы с Лотти ушли, пожелав друг другу удачи – по крайней мере, я и дядя Стефан. Лотти была немного холодна. Когда мы сели в машину, она сказала:

– Полагаю, я могла бы заглянуть к тебе и дать консультацию по проблемам гериатрии[6]. Почему бы тебе не организовать какое-нибудь предприятие, которое внесло бы авантюрный дух в жизнь стариков, желающих дожить свой век в федеральной тюрьме?

Я доехала до шоссе номер 41 – старой магистрали, соединяющей Чикаго с Северным побережьем. Сейчас это спокойная приятная дорога, идущая по берегу озера, мимо муниципальных домов.

– Прости, Лотти. Я поехала с единственной надеждой, что твой дядя знает, кто есть кто среди чикагских фальшивомонетчиков. Честно говоря, я не считаю, что его идея что-то даст. Если даже он сделает свою работу и найдет покупателей, какова вероятность, что он выйдет на нужных мне людей? Но это умная идея и лучшее из того, что я могу придумать. В любом случае в качестве единственного родственника в Чикаго я с большим удовольствием имела бы очаровательного преступника, чем честную ведьму. Если ты так расстроена, меняю Розу на Стефана.

Лотти рассмеялась, и мы мирно вернулись в Чикаго, остановившись на северном побережье, чтобы пообедать. Затем я подбросила Лотти домой и поехала к себе, чтобы позвонить в свой офис и узнать, кто оставил сообщения на автоответчике. Звонил отец Кэрролл, а также Мюррей Райерсон из «Стар».

Сначала я позвонила в монастырь.

– Мне сказали, вы были здесь вчера, мисс Варшавски. Извините, что не мог с вами увидеться. Не знаю, слышали ли вы, но у нас необычные новости: сегодня утром мы нашли настоящие акции.

Некоторое время я стояла в оцепенении.

– Действительно, необычные, – отозвалась я. – Где их обнаружили?

– На алтаре сегодня утром, когда началась служба.

Сотни людей приходят в церковь в воскресное утро, поэтому невозможно сказать, кто мог прийти туда пораньше и вернуть украденные акции. Да, ФБР прислало кого-то и акции забрали, но в три позвонил Хэтфилд и сказал, что акции подлинные. Пока что они в ФБР – с них снимают отпечатки, и Кэрролл даже не знает, когда они получат их обратно.

Из любопытства я спросила, была ли Роза на службе сегодня утром. Да, была и угрюмо смотрела на всех, кто пытался с ней заговорить, добавил Кэрролл. Ее сына, как обычно, не

было. Когда мы уже прощались, Кэрролл вспомнил о моем вопросе: говорил ли кто-нибудь с Розой о прекращении расследования. Он опросил священников, к совету которых Роза с наибольшей вероятностью прислушалась бы, – никто из них с ней не говорил.

Затем я позвонила Мюррею. Я ожидала, что услышу об обнаружившихся акциях. Но его занимали более свежие новости.

– Двадцать минут назад я говорил с Хэтфилдом. Ты же знаешь, какой это самонадеянный скрытный ублюдок. Мне не удалось выдать из него ни слова насчет вернувшихся акций, но я задал все вопросы из твоего арсенала и даже еще добавил. Наконец, я загнал его в угол, и он фактически признал, что ФБР прекращает расследование. Он, конечно, выдал мне официальное клише: «Откладывается». Что на деле означает: больше этим вопросом они не занимаются.

– Ну, если всплыли настоящие акции, им не о чем беспокоиться.

– Ага, и еще я верю в пасхального кролика. Давай, Вик!

– О'кей, премудрый газетчик. Кто же тогда перекрыл кислород? ФБР не боится никого, кроме призрака Джона Эдгара[7]. Если ты считаешь, что кто-то их остановил, то кто?

– Вик, ты веришь этому не больше, чем я. Нет организации, неуязвимой для внешнего воздействия, если знать, где находится нервный центр. Может, ты знаешь что-то и не говоришь, тогда я... я... – Он осекся, не придумав, как поэфффектнее выразиться. – И еще одно. Что за ерунда насчет твоей бедной старой тетки? Вчера днем я послал поговорить с ней одну из своих крошек, и какой-то здоровяк, вроде бы ее сын, чуть не сломал ей дверью ногу. Потом к нему присоединилась миссис Вигнелли и осыпала ее ругательствами самого высокого класса в адрес газетчиков вообще и «Стар» в частности.

Я рассмеялась:

– О'кей, Роза. Два один в нашу пользу.

– Черт побери, Вик! Зачем ты натравила меня на нее?

– Не знаю, – ответила я раздраженно. – Может, чтобы посмотреть, такая же она мерзкая с другими, как со мной? А может, в надежде узнать от нее что-то такое, чего она не хотела говорить мне? Не знаю. Прости, что твоя бедная маленькая протезе пострадала, но ей надо научиться сносить все, если она хочет выжить в твоей игре.

Я начала было рассказывать Мюррею об анонимном звонке, но потом остановилась. А что, если действительно кто-то запугал ФБР? Этот кто-то мог также звонить и мне. И если даже ФБР отнеслось к нему с таким уважением, то что говорить обо мне? Я рассеянно пожелала Мюррею спокойной ночи и положила трубку.

Глава 9

Завершение разговора

Ночью снег прекратился. Я встала поздно и собралась пробежать свои обязательные пять миль. Я не думала, что кто-то следит за мной, но на всякий случай решила изменить маршрут и бегала по соседним улицам, постоянно меняя направление.

Некоторое время спустя я проделала то же самое на машине, направляя «омегу» на северо-запад по боковым улицам, и выехала на шоссе Кеннеди с запада у Лоуренса. Все, казалось, было чисто. В тридцати милях от Чикаго, если двигаться по автомагистрали на юг, находится городок Хейзел-Квест. В Чикаго нельзя купить оружие, но несколько пригородных населенных пунктов открыто процветают на этом бизнесе. У Райли, на Сто шестьдесят первой улице, я показала свое удостоверение частного детектива и сертификат, подтверждающий, что я представитель частной службы безопасности. Это избавило меня от трехдневного ожидания и позволило зарегистрировать револьвер в Чикаго; частным гражданам разрешается регистрировать здесь оружие, только если они приобрели его до 1979 года.

Остаток дня я провела, утрясая всякие накопившиеся дела: вручила повестку в суд вице-президенту банка, который скрывался в Роузмонте, показала служащим маленького ювелирного магазина, как разместить систему безопасности. И все это время ломала голову над тем, кто же мог запугать сначала Розу, а затем и ФБР. Наблюдение за домом Розы ничего не даст. Что мне действительно нужно, так это подслушивающее устройство на ее телефоне. Но это за пределами моих возможностей.

Я попыталась подойти к проблеме с другого конца. С кем я разговаривала? С настоятелем, прокуратором и главой монастырской школы. Феррант и Агнес тоже знали, чем я занимаюсь. Однако никто из этой пятерки не запугивал меня или ФБР.

Конечно, Яблонски относится к тому типу фанатиков, которые считают, что сделать аборт – более тяжкий грех, чем убить того, кто стоит за свободу выбора в этом вопросе, но он не произвел на меня впечатления полного сумасшедшего. Несмотря на протесты Пелли, католическая церковь действительно имеет большое влияние в Чикаго. Но даже если она и могла надавить на ФБР, зачем ей это было нужно? Во всяком случае, монастырь в Мелроуз-парке не занимал центрального положения в церковной иерархии. Да и зачем бы красть собственные акции? Даже если предположить, что они связаны с фальшивомонетчиками, идея все равно слишком неправдоподобна. Я вернулась к своей первоначальной теории: телефонный звонок ко мне – акция какого-то сумасшедшего, а ФБР закрывало дело потому, что у них и без этого хватает работы.

В последующие дни не случилось ничего такого, что могло бы изменить мою точку зрения. Иногда я задавалась вопросом, как там дядя Стефан. Если бы он не занимался сейчас подделкой, я бы вообще выбросила это дело из головы.

В среду мне пришлось поехать в Элджин, чтобы дать показания в суде по нескольким апелляциям. На обратном пути я заехала в Мелроуз-парк – отчасти, чтобы повидаться с Кэрроллом, отчасти, чтобы посмотреть, не расшевелит ли мое посещение анонимного абонента. Если нет – это ничего бы не доказывало. Но если бы я снова услышала его голос, значит, он следит за монастырем.

Я добралась до монастыря Святого Альберта в половине пятого, монахи тянулись в Часовню на вечернюю службу. Отец Кэрролл вышел из своего кабинета как раз тогда, когда я стояла в колебании – зайти к нему или нет. Он одарил меня широкой приветливой улыбкой и пригласил присоединиться к братьям.

Я последовала за ним в часовню. Посреди помещения стояли друг против друга два ряда скамей. Я прошла в последний ряд слева. Сиденья разделялись высокими подлокотниками. Я села и откинулась в кресле. Отец Кэрролл дал мне молитвенник, указал те молитвы и песнопения, которые будут использованы во время богослужения, и преклонил колени для молитвы.

Окруженная зимними сумерками я чувствовала, как перенеслась на пять или шесть столетий

назад. Братья в белых одеяниях, мерцание свечей на простом деревянном алтаре по левую руку от меня, немногочисленные прихожане, занимающие специально отведенное место, отделенное от основной части часовни деревянным щитом – все это напоминало средневековую церковь. В своем черном шерстяном костюме, в туфлях на высоких каблуках, со слоем косметики на лице я была здесь совершенно неуместна.

Отец Кэрролл вел службу чистым, хорошо поставленным голосом. Вся служба проходила между двумя рядами кресел. Конечно, Роза была права, заявив, что я не христианка, но служба доставила мне удовольствие.

Затем Кэрролл пригласил меня в свой кабинет на чай. Почти все сорта чая кажутся мне на вкус заваренной люцерной, но, я вежливо выпила чашку бледно-зеленой жидкости и спросила, не слышно ли еще чего-нибудь из ФБР.

– Они проверяли акции на отпечатки и на всякие другие вещи, не знаю какие. Они считают, что на акциях должна быть пыль или что-то еще, что могло бы указать, где их хранили. Полагаю, они ничего не обнаружили, так что завтра их вернут. – Он озорно подмигнул. – Я попросил их дать мне вооруженный эскорт до банка Мелроуз-парка. Мы собираемся положить акции на хранение.

Он предложил мне остаться на обед, который будет готов через пять минут. Воспоминание о сыре остановило меня. Неожиданно для себя я пригласила его пообедать со мной – в городе есть несколько превосходных итальянских ресторанов. Несколько удивленный, он все же согласился:

– Я только сниму мантию. – Он снова улыбнулся. – Молодые братья любят показываться в ней на публике: им нравится, когда люди смотрят на них и думают, что они не такие, как все. Но мы, старшие, теряем вкус к показухе.

Он вернулся через десять минут, одетый в спортивную рубашку, черные брюки и черный пиджак. Мы неплохо пообедали в одном из маленьких ресторанов на Северной авеню. Разговор зашел о пении. Я похвалила его голос, он сказал, что до того, как вступить в братство, был студентом американской консерватории. Он поинтересовался моей работой, и я постаралась вспомнить несколько интересных случаев.

– Главное – это то, что я сама себе хозяйка. К тому же мне доставляет удовольствие распутывать всевозможные проблемы, даже если они в основном не такие уж существенные. Как раз сегодня я была в Элджине, свидетельствуя в государственном суде. Это напомнило мне мои первые годы работы в чикагской службе общественной защиты. Нам приходилось защищать либо маньяков, которых ради всеобщего спокойствия следовало бы держать за решеткой, либо несчастных болванов, которые попадали в лапы системы и не имели достаточно денег, чтобы откупиться. Каждый день я уходила из суда с чувством, что ничему не помогла, а лишь ухудшила ситуацию. Теперь, распутывая в качестве детектива какое-то дело, я чувствую, будто искупаю свою прежнюю бездеятельность.

– Что ж, не слишком блестящее занятие, но вполне достойное. Я никогда не слышал, чтобы миссис Вигнелли упоминала о вас. До ее звонка на прошлой неделе я даже не знал, что у нее, кроме сына, есть кто-то еще. У вас есть и другие родственники?

Я покачала головой:

– Моя мать была ее единственной родственницей в Чикаго – мой дед и она родные брат и сестра. Возможно, есть родственники со стороны дяди Карла, ее мужа. Он умер еще до того, как я родилась. Застрелился... Это было большим ударом для Розы.

Я вертела в руках бокал, испытывая большое искушение спросить, не знает ли он, что

лежало за темными намеками Розы на счет моей матери. Но даже если бы он что-то и знал, то вряд ли сказал бы мне. К тому же неприлично выносить на публику семейные дразги.

Подбросив Кэрролла обратно в монастырь, я влилась в поток машин на Эйзенхауэр, направляющихся в Чикаго. Снова пошел мелкий снег. Было почти десять. Я включила приемник, чтобы узнать последние новости и прогноз погоды.

Я рассеянно слушала сообщения о неудачных попытках восстановить мир в Ливане, о продолжающемся росте безработицы, о слабой розничной торговле в декабре, несмотря на рождественскую распродажу... Затем голос ведущего Алана Свенсона, как всегда четкий и решительный, сообщил:

– Основным событием сегодняшнего вечера стало убийство чикагского биржевого брокера. Уборщица Марта Гонсалес обнаружила тело брокера Агнес Пасиорек в одном из конференц-залов фирмы «Фельдстейн, Хольтц и Вудс», где работала мисс Пасиорек. Она была убита двумя выстрелами в голову. Полиция исключает самоубийство. Корреспондент Си-би-эс Марк Вайнтрауб вместе с сержантом Мак-Гоннигалом находится сейчас в здании Форт-Диаборн-Тауэр, где расположены офисы фирмы «Фельдстейн, Хольтц и Вудс».

Свенсон связался с Вайнтраубом. Я чуть не въехала в кювет на Сисеро-авеню. Руки дрожали, я подогнала машину к обочине и остановилась. Автомобили с ревом пронеслись мимо, заставляя «омегу» вздрагивать. В салоне становилось холодно, и мои ноги в легких туфлях начали замерзать.

«Два выстрела в голову...», «Полиция исключает самоубийство...» – бормотала я.

Мой голос вернул меня к действительности. Я завела машину и на малой скорости поехала дальше.

Радиостанция с десятиминутным интервалом возвращалась к этому событию, добавляя все новые подробности. Пули выпущены из пистолета двадцать второго калибра. Полиция окончательно отмела версию о самоубийстве так как оружия рядом с телом не обнаружено. Бумажник мисс Пасиорек находился в закрытом ящике стола. Я услышала официальный голос сержанта Мак-Гоннигала, который сообщил, что, по-видимому, кто-то пытался ограбить ее, а затем, не обнаружив бумажника, в ярости расправился с ней.

Я автоматически повернула на север и остановилась у дома Лотти. Было почти одиннадцать. Свет в окнах не горел. Лотти старается поспать всегда, когда только удается, – ей приходится дежурить по ночам, Значит, мне не удастся облегчить душу.

Вернувшись домой, я переоделась в стеганый халат и уселась в гостиной со стаканом виски в руках. Мы с Агнес дружили давно, еще с шестидесятых – «золотого века», когда считалось, что любовь и энергия могут остановить расизм и половую дискриминацию. Она происходила из богатой семьи, ее отец был хирургом-кардиологом в одной из крупнейших пригородных клиник. Родители пытались бороться с ее друзьями, с ее образом жизни, ее пристрастиями, но она выигрывала каждую схватку. Ее отношения с матерью становились все более и более натянутыми. Мне следовало бы позвонить миссис Пасиорек, которая ненавидела меня, в ее глазах я символизирую все, чего она не хотела бы видеть в Агнес. Мне предстояло услышать, что они всегда знали, чем это кончится, раз она работала в районе, где живут негры. Я выпила еще один бокал виски.

Я совсем забыла о своем анониме, пока телефон не прервал мои горькие размышления. Я быстро вскочила и взглянула на часы: половина двенадцатого. Прежде, чем поднять трубку, поставила диктофон на запись.

Это был Роджер Феррант, обеспокоенный смертью Агнес. Он узнал об этом из

десятичасового выпуска новостей и пытался тогда же до меня дозвониться. Мы некоторое время обсуждали происшествие, потом он нерешительно произнес:

– Я чувствую себя ответственным за ее смерть.

Виски немного затуманило мне голову.

– Что ты такого сделал? Подослал подонка на шестнадцатый этаж Форт-Диаборн-Тауэр?

Я выключила диктофон и снова села.

– Вик, не надо так. Я чувствую ответственность потому, что она осталась работать над моей проблемой с «Аяксом». Днем она была занята. Если бы я не позвонил ей...

– Если бы ты не позвонил ей, она сидела бы там над чем-нибудь другим, – холодно перебила я его. – Агнес часто засиживалась допоздна, она много работала. А если уж так рассуждать, ты не позвонил бы ей, если бы я не дала тебе ее телефон, следовательно, если кто-то и несет ответственность, так это я. – Я снова глотнула виски. – Но я так не считаю.

Мы прекратили разговор. Я допила третий бокал и убрала бутылку в бар в столовой, бросила халат на спинку стула и нагишом легла в постель. Когда я выключила ночник, слова Ферранта пришли мне на ум, и что-то меня в них задело. Я перезвонила ему по телефону в спальне:

– Это я, Вик. Как ты узнал, что Агнес работала сегодня именно над твоим вопросом?

– Я разговаривал с ней днем. Она сказала, что задержится попозже и переговорит с одним из своих приятелей-брокеров. У нее не было времени заниматься этим днем.

– Переговорит с ним лично или по телефону?

– Не знаю. – Он задумался. – Не могу вспомнить, что именно она сказала. Но у меня такое впечатление, что она собиралась с кем-то увидеться.

– Ты должен сообщить об этом в полицию, Роджер.

Я положила трубку и почти моментально заснула.

Глава 10

Допрос с пристрастием

Как бы часто я ни просыпалась с головной болью, начисто забываю об этом до следующего раза, пока опять не опрокидываю в себя пять или шесть бокалов виски. Сухость во рту и адская боль в голове разбудили меня в четверг в половине шестого. Я с отвращением посмотрела на себя в зеркало в ванной. «Ты стареешь, Вик, и становишься непривлекательной. Если после пяти бокалов скотча на твоём лице по утрам появляются красные пятна, пора завязывать».

Я отжала апельсин и залпом выпила сок, потом приняла четыре таблетки аспирина и вернулась в постель. Телефонный звонок снова разбудил меня в половине девятого. Официальный молодой мужской голос сообщил мне, что звонит по поручению лейтенанта Роберта Мэллори из чикагского отделения полиции, и спросил, не могла бы я приехать сегодня утром в центр города и побеседовать с лейтенантом.

– Мне всегда приятно говорить с лейтенантом Мэллори, – ответила я, правда несколько хрипловато, поскольку еще не отошла ото сна. – Может, вы скажете о чем?

Официальный молодой голос был не в курсе дела, но сказал, что, если я не возражаю, лейтенант хотел бы увидеться со мной в половине десятого. Затем я позвонила в «Геральд стар». Мюррей Райерсон еще не пришел. Я дозвонилась до его квартиры и почувствовала мстительное удовольствие, выудив его из постели.

– Мюррей, что ты знаешь об Агнес Пасиорек?

Он рассвирепел:

– Не могу поверить, что ты вытащила меня из постели, чтобы спросить об этом. Выйди и купи этот чертов утренний выпуск. – Он швырнул трубку.

Разозлившись сама, я снова набрала его номер.

– Послушай, Райерсон. Агнес была одной из моих самых старых подруг. Вчера вечером ее застрелили. Теперь Бобби Мэллори хочет со мной поговорить. Уверена, не об истоках Союза университетских женщин и не о роли духовенства и мирян в борьбе за мир во Вьетнаме. Что там было такого в ее офисе, из-за чего меня вызывают?

– Подожди секунду. – Он положил трубку.

Я услышала его удаляющиеся шаги, потом звук бегущей воды и женский голос, что-то неразборчиво говоривший. Я ринулась на кухню, поставила на плиту воду, смолочила кофе и принесла чашку и воду к телефону у кровати – все это прежде, чем Мюррей вернулся.

– Надеюсь, Джессика, или как там ее зовут, может немного подождать?

– Не будь злюкой, Вик. Это тебя не украшает.

Я расслышала скрип кровати и приглушенное «ох» Мюррея.

– Отлично, – сухо сказала я. – А теперь расскажи мне об Агнес.

Зашелестела бумага, заскрипела кровать, и Мюррей прошептал: «Перестань, Элис». Затем он снова поднес трубку к губам и начал вычитывать из своих записей:

– Агнес Пасиорек была застрелена вчера около восьми часов вечера. Две пули двадцать второго калибра, в голову. Двери офиса не были закрыты: уборщицы запирают их, когда заканчивают работу на шестидесятом этаже, обычно в одиннадцать часов. Марта Гонсалес убирает этажи с пятьдесят седьмого по шестидесятый, пришла на этаж в обычное время, в девять пятнадцать, в секретарской ничего особого не обнаружила, зашла в конференц-зал в половине десятого, нашла тело, позвонила в полицию. Никаких следов насилия, никаких признаков борьбы. Полиция полагает, что убийца застиг ее врасплох или это был кто-то из ее знакомых... А, вот оно. Ты ее знакомая. Они, вероятно, просто хотят узнать, где ты была вчера в восемь вечера. Кстати, пока ты на телефоне, где ты была вчера?

– В баре, ждала сообщений от наемного убийцы.

Я положила трубку и угрюмо оглядела комнату. Апельсиновый сок и аспирин уменьшили головную боль, но чувствовала я себя по-прежнему отвратительно. В офис Мэллори я должна прибыть к половине десятого, значит, на пробежку времени не остается, а она была бы сейчас как нельзя более кстати – чтобы вывести из организма алкоголь. У меня не было времени даже на горячую ванну, поэтому я десять минут постояла под душем, надела шерстяной брючный костюм, на этот раз с рубашкой мужского покроя цвета бледного лимона,

и спустилась вниз по лестнице к машине.

Если в семье Варшавски есть девиз, в чем я сомневаюсь, так это: «Никогда не забывай подкрепиться»; может быть, когда-то он обвивал обеденную тарелку с изображением ножа и вилки. Поэтому я остановила машину у булочной на Холстед, взяла чашку кофе и бутерброд с ветчиной и только потом направилась на Лейк-Шор-Драйв. Булочка оказалась несвежей, и ветчина была не самого лучшего качества, но я смело вгрызлась в нее. Беседа с Бобби может затянуться, поэтому не мешает подкрепиться.

Лейтенант Мэллори поступил в полицию в один год с моим отцом. Однако отец, гораздо более сообразительный, чем Бобби, не обладал таким честолюбием, по крайней мере, его не хватило на то, чтобы сломить предубеждение против полицейских-поляков, которые работали в окружении выходцев из Ирландии. Так что Мэллори поднимался по службе, а Тони пребывал внизу, но оба они оставались друзьями. Поэтому Мэллори ненавидит говорить со мной о преступлениях. Он считает, что дочь Тони Варшавски может принести больше пользы миру, рожая детей, а не выслеживая бандитов.

В 9.23 я остановилась на стоянке на Одиннадцатой улице и посидела в машине, чтобы немного расслабиться, допить кофе и избавиться от всяких навязчивых мыслей. Прежде всего, мне нечего скрывать, поэтому разговор будет откровенным.

В 9.30 я прошла мимо высокого деревянного стола в приемной, на котором сутенеры оформляли бумаги, чтобы взять под залог задержанных этой ночью проституток, и зашагала к офису Мэллори. Помещение напомнило мне монастырь Святого Альберта. Должно быть, из-за линолеума на полу. Или из-за форменной одежды сотрудников.

Когда я вошла в карцер, который Мэллори называет кабинетом, он разговаривал по телефону. Рукава его рубашки были закатаны, мускулистой рукой он указал мне на стул. Прежде, чем пройти, я налила себе кофе из кофейника, стоявшего в углу, и только потом уселась на неудобный откидной стул напротив лейтенанта, ожидая, пока он закончит разговор. Лицо Мэллори всегда выдает его настроение. Он краснеет и становится злым, когда пересекается со мной по делу о каком-то преступлении. Если же вид у него расслабленный и умиротворенный, значит, он относится ко мне, как к дочери своего старого приятеля Тони Варшавски. Сегодня его лицо было хмурым. Итак, неприятности. Я отпила кофе и насторожилась.

Он включил переговорное устройство на рабочем столе и молча ждал, пока кто-нибудь ответит на его вызов. Вскоре в комнате появился молодой негр-полицейский, похожий на Нейла Вашингтона из «Хилл-стрит блюз», с диктофоном в одной руке и с чашкой кофе для Мэллори в другой. Офицер Таркинтон, представил его Мэллори.

– Мисс Варшавски – частный детектив, – сообщил он Таркинтому, по слогам произнося мое имя. – Офицер Таркинтон будет записывать наш разговор.

Формальность и налет официальности должны были утратить меня. Я еще отпила кофе.

– Вы дружили с Агнес Мари Пасиорек?

– Бобби, ты наводишь меня на мысль, не следует ли мне пригласить адвоката. Что здесь происходит?

– Просто отвечай на вопросы, и мы быстро доберемся до сути дела.

– Моя дружба с Агнес не секрет. Ты можешь узнать подробности от любого, кто знает нас обеих. Пока ты не скажешь мне, что все это значит, я не буду отвечать ни на один вопрос.

– Когда ты впервые встретила с Агнес Пасиорек? – Я сделала еще один глоток и ничего не ответила. – Вы с Пасиорек, как отмечает свидетель, вели одинаковый образ жизни. Тот же свидетель утверждает» что ты склоняла убитую женщину к нестандартным отношениям. Что ты можешь сказать по этому поводу?

Во мне поднялась волна возмущения, но я сделала над собой усилие, чтобы успокоиться. Типичная тактика полиции при таких допросах: разозлить свидетеля до потери сознания и тогда неизвестно, в какие ловушки, созданные самим собой, ты попадешь. Я не раз наблюдала это, когда работала общественным защитником. Потому сосчитала по-итальянски до десяти и промолчала.

Мэллори крепко стиснул край своего металлического стола.

– Вы с Пасиорек были лесбиянками, не так ли? – неожиданно взорвался он и грохнул кулаком по столу. – Когда Тони умирал, ты там, в Чикагском университете, занималась всякими штучками, а? Мало тебе было протестовать против войны и влезать в подпольное развратное движение в защиту абортных! Не думай, что мы не могли притянуть тебя за это! Могли, сто раз могли. Да все жалели Тони. Ты для него была всем на свете, и еще... Господи Боже, Виктория... Когда я этим утром говорил с миссис Пасиорек, меня чуть не стошнило.

– Ты меня в чем-то обвиняешь, Бобби? – Он стал потихоньку остывать. – Если нет, то я ухожу. – Я поднялась, поставив чашку на край стола, и направилась к двери.

– Нет, вы не уйдете, юная леди, пока мы все не выясним.

– Нам нечего выяснять, – холодно парировала я. – Прежде всего, по уголовному кодексу Иллинойса, лесбиянство между совершеннолетними ненаказуемо. Поэтому не твое собачье дело, были мы с Пасиорек лесбиянками или нет. Во-вторых, мои отношения с ней совершенно не связаны с вашим расследованием. И пока ты не докажешь мне обратное, я не скажу тебе ни слова.

Мы некоторое время обменивались разъяренными взглядами. Потом Бобби, все еще с каменным лицом, попросил офицера выйти. Когда мы остались одни, он резко сказал:

– Мне нужно было поручить допрос кому-то другому. Но черт тебя подери, Вики... – Его голос смягчился. Я все еще злилась, но невольно ему посочувствовала.

– Знаешь, Бобби, больше всего меня задело то, что, поговорив с миссис Пасиорек, которую ты никогда в жизни не видел, ты поверил ей, даже не спросив меня, которую знаешь с самого рождения.

– О'кей, говори. Я тебя прошу. Расскажи мне о Пасиорек.

Я взяла чашку и вспомнила, что она пуста.

– Мы с Агнес познакомились, когда учились в колледже. Я занималась правом, а она специализировалась на математике, став в конце концов магистром по экономике управления. Я не буду описывать, какие настроения нами тогда владели, – ты не симпатизируешь идеям, которые волновали нас. Я иногда думаю, что никогда больше уже не буду чувствовать себя такой... энергичной, полной сил... – Волна воспоминаний, горьких и в то же время сладостных, захлестнула меня, и я закрыла глаза, сдерживая слезы, готовые хлынуть из глаз. – Потом мечта стала разваливаться на глазах. Уотергейт, наркотики, загнивание экономики, расизм и неравноправие полов... Наш энтузиазм ничего не дал. Так что мы все успокоились, вернулись к действительности и стали зарабатывать на жизнь. Ты, знаешь мою историю. Полагаю, мои идеалы умирали быстрее, чем у других. Так часто бывает с детьми иммигрантов. Нам приходится платить за свою мечту столь дорогой ценой, что

иногда мы просто не в состоянии прийти в себя. Ну а судьба Агнес была несколько другой – Ты встречался с ее родителями. Во-первых, ее отец – преуспевающий хирург, по самым скромным подсчетам, тянет на полмиллиона в год. Но что еще важнее – ее мать из семьи Сэвиджей. Знаешь, старая католическая династия с большими деньгами. Монастырь «Святое сердце», балы для дебютанток. Не знаю, как живут очень богатые люди, наверное, совсем не так, как ты и я. Во всяком случае, Агнес с рождения боролась со всем этим. Она боролась в течение двенадцатилетнего пребывания в монастыре «Святое сердце», прошла все стадии оппозиции. Она занимала деньги, потому что они отказались платить, когда она решила поступить в еврейскую коммерческую школу. Неудивительно, что все движения 60-х захватили ее. И для нас обеих важнейшим в жизни стал феминизм, он был для нас всем. – Я говорила больше для себя, чем для Бобби. И не уверена, много ли он понял из того, что я рассказывала. – Ну а после смерти моего отца Агнес стала приглашать меня на Рождество в Лейк-Форест, так я познакомилась с семьей Пасиорек. И миссис Пасиорек решила повесить – все грехи своей дочери на меня. Это снимало с нее ответственность, понимаешь? Она не была больше матерью, потерпевшей поражение. Агнес, по этому сценарию, – милая и восприимчивая девочка, попавшая под мое дурное влияние. Можешь верить, можешь нет, но, понимаешь, милые и восприимчивые люди не занимаются брокерским бизнесом, которому посвятила себя Агнес. Словом, мы с Агнес были в университете хорошими друзьями. И остались ими. Своего рода маленькое чудо.

Когда наша, группа, следуя общенациональной тенденции, решительно раскололась на радикально настроенных лесбиянок и правых – людей, скажем так, обычной сексуальной направленности, она стала лесбиянкой, я – нет. И все же мы остались друзьями – достижение для того времени, когда политика разводила не только друзей, но и семейные пары. Сейчас это ничего не значит, а тогда все было по-другому.

Как и многих моих друзей, меня возмутило то, что из-за моих сексуальных пристрастий меня вдруг стали считать правой. Мы же боролись с правыми – сторонниками войны, расистами, противниками аборт... А потом за одну ночь мы превратились в правых. Сейчас все это кажется бессмысленным. Чем старше я становлюсь, тем меньше значит для меня политика. Единственная вещь, которая чего-то стоит, – это дружба. А мы с Агнес были друзьями многие годы.

Я опять почувствовала, что у меня к глазам подступают слезы, и крепко зажмурилась. Когда я посмотрела на Бобби, он уставился в стол, рисуя на нем круги концом шариковой ручки.

– Я рассказала тебе все, Бобби. Теперь объясни, зачем тебе это понадобилось?

Он продолжал чертить круги на столе.

– Где ты была вчера вечером?

Во мне снова забушевал гнев.

– Черт возьми, если ты хочешь обвинить меня в убийстве, давай обвиняй. Иначе я не буду отчитываться перед тобой за свои действия.

– Судя по положению тела, она увидела кого-то знакомого, не случайного посетителя. – Он вытащил из ящика еженедельник в кожаном переплете, раскрыл его и протянул мне. На среду, 18 января, Агнес записала: «В. И. В.» и несколько раз обвела инициалы, поставив три восклицательных знака. – Похоже на то, что она назначила свидание, а?

Я бросила ему книжку.

– Вы установили, что я единственная ее знакомая с такими инициалами?

– Не так уж много людей в городе с такими инициалами.

– Значит, рабочая версия такова: мы с ней были любовниками и поссорились. Она уже три года жила с Филлис Лординг, а я с кем только не встречалась, с тех пор как мы закончили университет, не говоря уже о замужестве. О да, понимаю, я развелась с Диком, чтобы вернуться к Агнес. Несмотря на это, мы устроили грандиозный скандал на любовной почве, а поскольку я закончила курсы самообороны и иногда ношу оружие, то одержала верх, пустив ей две пули в голову. Ты сказал, тебя чуть не стошнило от того, что ты услышал от миссис Пасиорек обо мне. Но, честно говоря, Бобби, когда я слышу, что приходит в голову полицейским, то чувствую, что попала в низкопробный порномагазин. Есть от чего стошнить... Ты еще что-то хочешь узнать? – Я снова поднялась.

– Ну, скажи мне, зачем она хотела тебя видеть? И была ли ты там вчера вечером?

Я все еще стояла.

– С этого и следовало начинать. Вчера я была в Мелроуз-парке с настоятелем Бонифацием Кэрроллом, с половины пятого до десяти. И я не знаю, о чем Агнес собиралась говорить со мной, если предположить, что она именно меня хотела увидеть. Спроси у Винсента Игнатиуса Вильямса.

– Кто он? – удивленно спросил Бобби.

– Не знаю. Но его инициалы В. И. В.

Я развернулась и вышла, не обращая внимания на голос Бобби, гремевший мне вслед. Я была в ярости, руки у меня тряслись. Я стояла около «омеги», глубоко вдыхая и медленно выдыхая холодный воздух, и старалась успокоиться.

Наконец я села в машину. Часы показывали одиннадцать. Я направила «омегу» на север и припарковалась на общественной стоянке недалеко от Палтиней-Билдинг. Оттуда прошла пешком три квартала до фирмы «Аякс».

Их офисы занимают шестьдесят отвратительных этажей в чикагском небоскребе из стекла и металла. Расположенный на северо-западном углу улиц Мичиган и Адаме, он стоит напротив Института искусств. Я часто задавала себе вопрос, как Блейарсы и Мак-Кормики позволили этому монстру приблизиться к их любимой резиденции.

Охранники в форме патрулируют вестибюль в серых тонах. Их работа заключается в том, чтобы не давать таким злодеям, – как я, досаждать служащим вроде Роджера Ферранта. Даже после того как они справились у Роджера и удостоверились, что он хочет меня видеть, мне все равно пришлось заполнить анкету для посетителей. К тому времени мои нервы так расшатались, что я под своей подписью нацарапала обещание не нападать на служащих.

Офис. Ферранта с видом на озеро Мичиган расположен на пятьдесят восьмом этаже, что говорит о важности занимаемого им положения.

Чопорная секретарша в приемной сказала мне, что Феррант сейчас занят, но вскоре меня примет. Стол, обращенный к открывающейся двери, не позволял ей видеть озеро. Я размышляла, ее ли это идея, или директора «Аякса» считали, что секретарям нельзя отвлекаться на внешний мир.

Я села в большое зеленое кресло, обитое плюшем, и стала ждать, листая утренний «Уолл-стрит джорнэл». Мое внимание привлек заголовок «Слухи». «Джорнэл» подхватил слухи о скачке акций «Аякса». Были опрошены братья Тиш и другие владельцы страховых компаний, но все они выразили полное непонимание. Председатель «Аякса» Гордон Ферт

сказал следующее: «Естественно, мы с интересом следим за ценой акций, но пока никто не предлагал нашим держателям акций продать их».

И, пожалуй, это все, что знали об этом деле в Нью-Йорке.

В четверть двенадцатого дверь офиса отворилась. Оттуда вышла группа мужчин средних лет, в основном – с превышением веса, которые переговаривались приглушенными голосами. За ними следовал Феррант, одной рукой поправляя галстук и откидывая волосы другой. Он улыбался, но его тонкое лицо казалось обеспокоенным.

– Ты ела? Хорошо. Пойдем в служебный ресторан на шестидесятом.

Я согласилась и подождала, пока он наденет пиджак. Мы молча доехали на лифте до самого верхнего этажа.

Ресторан и конференц-залы «Аякса» компенсировали недостаток дружелюбия вестибюля. Парчовые портьеры на окнах прикрывали тюлевые занавески. Стены были отделаны красным деревом, а приглушенный свет искусно выделял места, где висели картины и стояли скульптуры.

У Ферранта был свой собственный столик около окна, отделенный большим пространством от любопытствующих соседей. Как только мы сели, появился одетый в черное официант, чтобы предложить нам обеденное меню и принять заказ.

К последствиям вчерашнего виски прибавилось утреннее свидание с Мэллори, что не улучшило моего состояния. Я заказала апельсиновый сок и стала рассеянно просматривать меню. Когда официант вернулся с напитками, я обнаружила, что у меня пропал аппетит.

– Мне ничего, – бросила я.

Феррант взглянул на часы и сказал извиняющимся тоном, что у него мало времени и он должен поесть.

Когда официант ушел, я коротко сообщила ему:

– Я провела утро в полиции. Они думают, что Агнес вчера кого-то ждала. Ты говорил то же самое. Она сказала тебе что-нибудь ибудь, что помогло бы установить, кого она ждала?

– Бэррет прислал список брокеров, которые продавали акции «Аякса». Сюда, в Чикаго, бумага пришла в понедельник с утренней почтой, во вторник за ленчем я передал список Агнес вместе с перечнем тех, на кого были зарегистрированы акции. Она сказала, что знает довольно хорошо управляющего одной из фирм и позвонит ему. Но его имени не назвала.

– Ты сделал копию списка?

Он покачал головой.

– Нет, и уже сто раз проклял себя за это. Но у меня нет американской привычки со всего делать копии. Мне всегда казалось, что это глупо – собирать горы бесполезной бумаги. Теперь-то у меня другое мнение. Попрошу Бэррета прислать еще одну копию, но сегодня я уже не смогу получить ее.

Я забарабанила пальцами по столу, хотя понимала: бесполезно нервничать из-за этого.

– Может, ее секретарша найдет для меня этот список... Когда вы вчера разговаривали, она упоминала мое имя?

Он покачал головой:

– А что, должна была?

– У нее в еженедельнике записаны мои инициалы. Для Агнес это означает... означало... напоминание самой себе. Она не записывала свои встречи, надеясь на секретаря. Так что мои инициалы означали, что она хотела со мной поговорить.

Я была слишком зла на Мэллори, чтобы объяснять ему это, и по той же причине ничего не сказала о Ферранте и «Аяксе».

– Полиция додумалась до того, что мы с Агнес были лесбиянками и я застрелила ее из ревности или чего-то в этом роде. Плевать на них, это меня не волнует. Но не могу не задаться вопросом... Ты видел статью в утреннем «Джорнэл»?

Он кивнул.

– Никто из заинтересованных лиц – если такие есть – не раскрывает себя. Агнес стала докапываться до истины. Она хотела поговорить со мной, но прежде чем успела это сделать, ее убили.

Он озадаченно посмотрел на меня:

– Ты ведь не думаешь, что ее смерть имеет что-то общее с «Аяксом»? – Официант принес ему гору сандвичей, и Феррант принялся автоматически жевать. – Мне действительно неприятно думать, что мои проблемы стали причиной смерти этой бедной женщины. Ты отругала меня за то, что я чувствую себя виновным. Боже! Теперь я чувствую себя в десять раз хуже!

Он положил сандвич и наклонился над столом:

– Вик, никакие финансовые игры не стоят человеческой жизни. Пусть все остается как есть. Если существует какая-то связь... если ты затронула тех же людей, я этого не вынесу. Ужасно чувствовать ответственность за смерть Агнес, хотя я мало знал ее. И уж тем более я не желаю чувствовать то же самое в отношении тебя.

Нельзя дотрагиваться до кого-то, сидя в служебном ресторане: каждый сослуживец – ходячая сплетня. К вечеру все шестьдесят этажей знали бы, что Роджер Феррант привел на обед любовницу и держался с ней за руки.

– Спасибо, Роджер. Агнес и я – взрослые женщины. Мы делаем свои собственные ошибки. Никто другой не должен за них отвечать. Я всегда настороже. Думаю, что, соблюдая осторожность, мы делаем одолжение друзьям, которые нас любят, я не хочу причинять им страдания... Я не особенно верю в загробную жизнь или в рай – во все эти вещи. Но я верю, как и Роджер Фокс, что мы должны прислушиваться к голосу, звучащему внутри нас, что наша жизнь зависит от того, повинемся мы этому голосу или нет. Голос подает разные советы, но мы должны выбрать только один из них.

Он допил, прежде чем ответить.

– Хорошо, Вик, припиши меня к числу друзей, которые не хотят скорбеть о тебе.

Он резко поднялся и пошел к выходу, оставив на столе недоеденный сандвич.

«Форт-Диаборн-Траст», самый крупный банк Чикаго, имеет филиалы на всех четырех углах улиц Монро и Ла-Салль. Башня, их наиболее поздняя постройка, представляет собой семидесятипятиэтажное здание на юго-западной стороне перекрестка. Его кривые, из акватинтового стекла стены олицетворяют новое течение в чикагской архитектуре. Лифты встроены посреди маленьких джунглей. Я пробралась сквозь деревья и дикий виноград, нашла дверь лифта и поднялась на шестидесятый этаж, северную половину которого занимала фирма «Фельдстейн, Хольтц и Вудс». Впервые я побывала здесь три года назад, когда фирма въехала в здание. Агнес только что стала одним из партнеров этой фирмы, и я с Филлис Лординг помогала ей развешивать картины в ее огромном новом офисе.

Филлис преподавала английский в университете округа Чикаго – Иллинойс. Прежде, чем отправиться в «Форт-Диаборн-Траст», я позвонила ей еще из ресторана в «Аяксе». Разговор был болезненным, Филлис безуспешно сдерживала слезы. Миссис Пасиорек отказалась разговаривать с ней по поводу похорон.

– Если ты незамужем, у тебя нет никаких прав, когда умирает любимый человек, – посетовала она.

Я пообещала навестить ее этим вечером и спросила, не говорила ли Агнес что-нибудь об «Аяксе» или о том, зачем она хотела меня видеть.

– Она говорила, что обедала с тобой в прошлую пятницу, с тобой и англичанином... Она сказала, он затронул какой-то интересный вопрос... Просто не могу сейчас ничего вспомнить...

Если не знает Филлис, то, может быть, знает секретарша Агнес. Я не потрудились позвонить заранее и застала в «Фельд-стейн, Хольтц и Вудс» необычайный хаос. Брокерская фирма и всегда-то выглядит так, будто над ней пронесся ураган; странно, что брокеры еще как-то ухитряются разместиться среди этой груды бумаг – проспектов, сообщений, годовых отчетов... Не менее странно и то, как они вообще могут проработать такое количество документации и быть в курсе дел всех тех компаний, для которых они работают.

Расследование же убийства в такой пожароопасной ситуации было невысказанным даже для человека с моими представлениями о ведении хозяйства. Толстый серый слой пыли покрывал поверхности, еще не заваленные бумагой. Столы и компьютеры сдвинуты в одно место – там продолжалась работа. Полиция оградилась те площади на полу, с которых, по их мнению, можно собрать новые улики.

Когда я направлялась к офису Агнес, молодой полицейский остановил меня и поинтересовался, что я здесь делаю.

– У меня здесь счет. Мне надо увидеться с моим брокером.

Он стал было задавать еще какие-то вопросы, но кто-то позвал его из комнаты, и он повернулся ко мне спиной.

Офис Агнес был обнесен лентой, хотя убийство произошло на другом конце этажа. Пара детективов просматривали каждый клочок бумаги. Я подумала, что они закончат здесь к Пасхе, не раньше.

Алисия Варгас, юная секретарша Агнес, растерянно жалась в углу с тремя операторами – полиция конфисковала ее рабочий стол. Увидев меня, она вскочила.

– Мисс Варшавски! Вы слышали новости? Это ужасно, ужасно... Кто мог такое сделать?

Операторы сидели, сложив руки на коленях и уставясь на цифры, мерцающие на экранах.

– Нельзя ли где-нибудь уединиться? – спросила я, кивнув головой на детективов.

Она взяла свой пиджак и кошелек и тут же последовала за мной. Мы спустились на лифте в кафе, оборудованное в углу вестибюля среди джунглей. Ко мне снова вернулся аппетит. Я заказала солонину с ржаным хлебом – побольше калорий, чтобы компенсировать пропущенный ленч в ресторане «Аякса».

Темное полное лицо мисс Варгас опухло от слез. Агнес вытащила ее из машбюро пять лет назад, мисс Варгас было тогда восемнадцать, и это была ее первая работа. Когда Агнес стала партнером в фирме, мисс Варгас получила место ее личной секретарши. Слезы девушки говорили о искренности ее чувств, но, возможно, они относились и к ее неопределенному будущему. Я спросила, не разговаривал ли с ней кто-нибудь о работе.

Она грустно покачала головой:

– Я знаю, мне самой придется поговорить с мистером Хольтцем. Никто обо мне и не подумает. Пока мои дела не прояснятся, я буду работать на мистера Хэмптона и мистера Джанвилла, двух младших партнеров. – Она сморщилась, подавляя слезы. – Если мне предложат вернуться в машбюро или работать на нескольких человек, я... я... ну, мне придется искать работу где-нибудь еще.

Честно говоря, я считала, что для нее это был бы наилучший выход, но в состоянии шока трудно планировать будущее. Я направила свою энергию на то, чтобы ее успокоить, и спросила насчет личного интереса Агнес к феномену «Аякса». Об «Аяксе» она ничего не знает. А как насчет имен брокеров, список которых Феррант передал Агнес? Она отрицательно замотала головой. Ей известно только про те бумаги, которые приходят по почте. Я раздраженно вздохнула. Придется связаться с Роджером: пусть он попросит Бэррета прислать копию, если в офисе список не обнаружится.

Я разъяснила ситуацию мисс Варгас:

– Есть большая вероятность, что один из людей, перечисленных в списке, приходил к Агнес вчера вечером. Если так, то он последним видел ее в живых. Он даже может оказаться убийцей. Я могу достать копию списка, но это потребует времени. Если бы вы могли просмотреть ее бумаги и найти его, это бы мне очень помогло. Не знаю, как он выглядит, но он должен быть подписан Энди Бэрретом, специалистом из «Аякса». Возможно, там есть даже письмо к Роджеру Ферранту.

Она с готовностью согласилась поискать список, хотя и не очень надеялась найти его в куче бумаг в офисе Агнес.

Я оплатила счет, и мы вернулись обратно в перевернутый вверх дном офис. Полиция обрушилась на мисс Варгас: где она была? Им надо кое-что спросить у нее. Она беспомощно взглянула на меня. Я сказала, что подожду.

Пока она разговаривала с полицией, я разыскала Френка Бугатти, одного из директоров фирмы. Это был молодой, преуспевающий магистр экономики управления. Я сказала ему, что была клиенткой мисс Пасиорек и она собиралась подыскать мне подходящие акции страховых компаний.

– Не хочу выглядеть хищницей – я знаю, она умерла несколько часов назад, – но в сегодняшней утренней газете я прочитала, что кто-то, видимо, пытается купить фирму

«Аякс». Если это правда, цена должна расти и дальше, не так ли? Возможно, это как раз подходящий момент, чтобы приобрести акции. Я рассчитываю на десять тысяч акций. Агнес собиралась связаться с вами и узнать, что вы об этом думаете.

Учитывая сегодняшнюю котировку, клиент, покупающий десять тысяч акций, готов расстаться с полумиллионом долларов... Поэтому Бугатти отнесся ко мне с соответствующим уважением. Он провел меня в офис, заваленный огромным количеством бумаг, и рассказал все, что знал о перспективах «Аякса», то есть ничего. После двадцатиминутного экскурса в бизнес страхования и другие не относящиеся к делу детали, он предложил представить меня одному из партнеров, который с радостью под-, пишет со мной контракт. Я сказала, что мне требуется время примириться с потерей мисс Пасиорек, но чрезвычайно благодарна ему за помощь.

Когда я вернулась, мисс Варгас снова сидела за своим столом ручной работы. При моем появлении она озабоченно покачала головой:

– Я не нашла бумагу, которая вас интересует. По крайней мере, у нее на столе. Если полиция допустит меня в ее кабинет, я буду искать дальше. – Она сделала презрительную гримасу. – Но, может быть, вы узнаете имена где-нибудь в другом месте?

Я согласилась и позвонила Роджеру с ее телефона. Он был на совещании. Я сказала секретарше, что – мое дело важнее любого совещания, и в конце концов заставила ее вызвать его к телефону.

– Я не задержу тебя, Роджер, но мне нужен тот список, который ты дал Агнес. Позвони, пожалуйста, Бэррету и попроси его как можно быстрее выслать копию. Можно на меня. Если он вышлет список завтра утром, я получу его в субботу.

– Конечно! Мне надо было самому об этом подумать. Позвоню ему прямо сейчас.

Мисс Варгас все еще с надеждой смотрела на меня. Я поблагодарила ее за помощь и пообещала не пропадать. Проходя мимо развороченного кабинета Агнес, я увидела, что полицейские все еще роятся в бумагах. До чего здорово, что я частный детектив.

Пожалуй, это единственное, чему я порадовалась за весь этот день. Когда я вышла из Диаборн-Тауэр, было четыре часа, шел снег. Пока я вырубивала со стоянки, транспортный поток увеличился. Водители, минув скоростное шоссе, ехали по окружной дороге.

Я пожалела, что согласилась заехать к Филлис Лординг. Утром я с трудом встала, и уже в одиннадцать, когда я покидала офис Мэллори, мне ужасно хотелось спать. Но, как оказалось, я не пожалела, что поехала. Филлис нуждалась в помощи: она не знала, как вести себя с миссис Пасиорек, я была одной из немногих, знакомых с матерью Агнес, и мы долго и увлеченно говорили о том, как общаться с истеричками.

Филлис была худой тихой женщиной, на несколько лет старше меня и Агнес.

Не то что я чувствую себя собственницей Агнес. Я знаю, она любила меня, но мне не нужно ее мертвое тело. Однако я должна пойти на похороны. Это единственный способ реально представить ее смерть.

Я согласилась с ней и пообещала разузнать подробности в полиции, если миссис Пасиорек ничего мне не скажет.

Квартира Филлис расположена на Честнат-стрит, в фешенебельном районе к северу от окружной дороги, с видом на озеро Мичиган. Филлис была так расстроена еще и потому, что понимала: она не сможет оплачивать эту квартиру из своего профессорского жалованья. Я

посочувствовала ей, хотя и была абсолютно уверена, что Агнес оставила ей приличную сумму. Прошлым летом Агнес пригласила меня на ленч – вскоре после того, как переделала свое завещание. Помню, я задала себе тогда праздный вопрос: не попытаются ли Пасиореки опротестовать это завещание?

Было около семи, когда я наконец ушла, отказавшись от ужина. Слишком много людей промелькнуло передо мной за один день. Хотелось побыть в одиночестве. К тому же Филлис считала, что еда – лишь дань телу, способ поддерживать в нем жизнь. Она довольствовалась сыром, шпинатом и вареными яйцами... А мне сегодня нужна нормальная еда.

Я медленно ехала на север. Час пик миновал, но густая пелена снега тормозила движение на дорогах. Я подумала, что вся вкусная еда начинается на «п»: пирожное, печенье, пицца... К тому времени, как я добралась до выезда на Белмонт, у меня составилась целый список, и это несколько успокоило мои нервы.

Я подумала, что надо будет позвонить Лотти. Наверняка она уже узнала об Агнес и хочет поговорить со мной об этом. Воспоминание о Лотти заставило меня подумать о дяде Стефане и фальшивых акциях. А это, в свою очередь, напомнило об анонимном звонке. Теперь среди снегопада его ровный голос, совершенно лишенный акцента, казался полным угрозы. Когда я припарковала «омегу» и направилась к дому, я чувствовала себя слабой и одинокой.

Свет на лестнице не горел. Это было обычным делом – наш управляющий в лучшем случае был лентяем, в худшем – пьяницей. Если не появлялся его внук, лампочки подолгу не заменяли, пока кто-нибудь из жильцов не приходил в ярость и не брал на себя эту работу.

Обыкновенно я поднималась по лестнице в темноте, но ночные монстры стали пугать меня. Я вернулась к машине и вытащила из «бардачка» фонарик. Мой новый револьвер был в квартире, так что на него рассчитывать не приходилось. Но фонарик был тяжелый. В случае необходимости воспользуюсь им вместо оружия.

Войдя в дом, я поднялась по чьим-то мокрым следам на второй этаж, где жила группа студентов. Здесь следы заканчивались. Похоже, мои нервы стали сдавать – плохой признак для детектива.

Я стала подниматься дальше быстрым шагом, освещая фонариком истертые до блеска ступени. На площадке третьего этажа я заметила маленькую лужицу грязной воды и похолодела. Если кто-то поднимался в мокрых ботинках и вытирал за собой ступени, он как раз и мог оставить такое маленькое растекшееся пятно.

Я выключила фонарик и обмоталась шарфом по самые уши. Потом, низко пригибаясь, быстро побежала по лестнице. Приблизившись к своему этажу, я почувствовала запах мокрой шерсти и стремительно бросилась в ту сторону, пригнув голову к груди. Я наткнулась на чье-то тело, раза в полтора больше моего. Мы сцепились и упали, причем он оказался внизу. Я ударила фонариком туда, где, как мне казалось, была челюсть. Фонарь ударился о кость. Нападавший вскрикнул и отшатнулся. Я откинулась назад и приготовилась вмазать ему еще раз, когда вдруг почувствовала, что его рука тянется к моему лицу. Я увернулась, сжалась в комок и ощутила что-то мокрое на шее под шарфом. Потом вниз по лестнице заскользили торопливые шаги.

Я вскочила на ноги, собираясь броситься за ним, но шея так горела, будто в меня впились, по крайней мере, пятьдесят ос. Я вытащила ключи и быстро вошла в квартиру. Закрыв за собой дверь на два оборота, я побежала в ванную, на ходу срывая с себя одежду. Сбросила ботинки, но не стала снимать колготки и брюки, а сразу же залезла в ванну. Включив душ на полную мощность, я минут пять стояла под ним, прежде чем смогла перевести дыхание.

Из-под душа я вылезла на подкашивающихся ногах. В мохеровом шарфе были большие круглые дыры. Верх шерстяного жакета обесцветился. Я повернулась, чтобы посмотреть в зеркало на свою спину. Вдоль позвоночника пролегла длинная красная дорожка – кислотный ожог.

Теперь меня трясло с головы до ног. Шок, автоматически подумала я. Вылезла из мокрых брюк и колготок и завернулась в большое полотенце, которое ужасно раздражало шею. Я вспомнила, что в таком состоянии полезен чай, но чай я ненавижу – его нет в моем доме. Горячее молоко – вот что подойдет, молоко с медом. Я так тряслась, что, наливая молоко в кастрюлю, половину вылила на пол, а потом с величайшим трудом зажгла огонь. Кое-как дотащившись до спальни, я стянула с кровати покрывало и завернулась в него. Потом вернулась на кухню и с большим трудом вылила молоко в кружку, крепко прижимая ее к себе, чтобы не расплескать молоко. Усевшись прямо на пол, я стала жадно глотать обжигающий напиток. Через некоторое время дрожь ослабла. Мне было холодно, мускулы сводило судорогой, все тело болело, но худшее было позади.

Я с трудом поднялась и на ватных ногах добралась до спальни. Старательно втерев вазелин в кожу на шее и спине, снова завернулась в одеяло и натянула на себя огромное количество теплой одежды, но меня по-прежнему знобило. Включив радиатор, я села перед ним на корточки.

Когда зазвонил телефон, я подпрыгнула, сердце бешено забилося. Я в страхе стояла над ним, руки мои дрожали. На шестой звонок я, наконец, подняла трубку. Это была Лотти.

– Лотти! – задыхаясь, произнесла я.

Она позвонила в связи с Агнес, но сразу же поняла: со мной что-то случилось. Несмотря на мои протесты, Лотти заявила, что приедет немедленно. Тщетно я уверяла ее, что ехать ко мне опасно; возможно, преступник все еще бродит поблизости.

– Не в такую ночь, – решительно сказала она, – и не с разбитой челюстью.

Через двадцать минут она была у меня.

– Итак, дорогая, ты опять попала в переделку.

Я прижалась к ней. Она погладила меня по голове и пробормотала на немецком что-то успокаивающее, и я начала наконец отходить. Когда она увидела, что я перестала дрожать, то заставила меня снять все, что я на себя натянула. Ее сильные пальцы мягко ощупывали мою шею и позвоночник, очищая кожу от вазелина и прикладывая нужную повязку.

– Вот, моя дорогая. Не очень серьезно. Самое худшее – шок.

Ты ведь не пила, не так ли? Хорошо. В случае шока это очень вредно. Горячее молоко с медом? Очень хорошо. Такое благоразумие... На тебя не похоже.

Все еще разговаривая, она вместе со мной прошла в кухню, вытерла разлитое на плите и на полу молоко и принялась готовить суп. Бросила в кастрюлю чечевицу с морковью и луком, и вкусный запах наполнил кухню, приводя меня в чувство.

Когда телефон зазвонил, я уже была к этому готова. Дождалась, пока прозвенел третий звонок, включила автоответчик на запись и подняла трубку. Это был мой знакомый – обладатель странного голоса.

– Как ваши глазки, мисс Варшавски? Или Вик? Мне кажется, я хорошо вас знаю.

– А как твой дружок?

– О, Уолтер выживет. Но мы беспокоимся о вас, Вик. Знаете, следующего раза вы можете не пережить. Понимаете? Так что будьте хорошей девочкой и держитесь подальше от Розы и монастыря. Не пожалееете.

Он положил трубку.

Я прокрутила запись для Лотти. Она задумчиво посмотрела на меня.

– Ты не узнаешь голос?

Я покачала головой:

– Однако кому-то известно, что вчера я была в монастыре. А это может означать только одно: сюда впутан кто-то из доминиканцев.

– Почему?

– Меня предупредили, чтобы я держалась подальше от монастыря, – безучастно ответила я.

– Только они знают, что я была там.

Ужасная мысль пришла мне в голову, и я снова затряслась.

– Только они и Роджер Феррант.

Глава 12

Похороны

Лотти настояла на том, чтобы остаться у меня на ночь. Она ушла рано утром в свою больницу, умоляя меня быть осторожной, но не бросать расследование.

– Ты похожа на рыцаря, который борется с великаном, – сказала она, в ее черных глазах светилось беспокойство. – Ты всегда берешься за дела, которые слишком велики для тебя, и, возможно, однажды ты сломаешься. Но это твой путь: Если бы ты жила по-другому, твоя жизнь была бы долгой и скучной. Ты выбрала увлекательную жизнь, и будем надеяться, что она также окажется долгой.

Но эти слова почему-то не взбодрили меня.

Когда Лотти ушла, я спустилась в подвал, где у каждого жильца была личная камера хранения. Морщась от боли в плечах, я вытащила коробки со старыми газетами и, стоя на коленях на сыром полу, стала листать их. Наконец нашла то, что искала, – адресную книгу десятилетней давности.

Доктор и миссис Пасиорек жили на Арбор-роуд в районе Лейк-Форест. К счастью, их телефон не менялся с 1974 года. Тому, кто подошел к телефону, я сказала, что буду говорить либо с доктором, либо с миссис Пасиорек, но, к своему удовольствию, застала отца Агнес. Он всегда казался мне человеком холодным, занятым только собой, но относился ко мне без враждебности. Все проблемы своей дочери он объяснял ее врожденным упрямством.

– Это Виктория Варшавски, доктор Пасиорек. Примите мои соболезнования. Мне хотелось бы приехать на похороны. Не могли бы вы сказать мне, когда они состоятся?

– Мы не делаем из этого публичной акции, Виктория. И так достаточно шумихи вокруг ее

смерти, не хватало еще собрать на похоронах полчища газетчиков. – Он помолчал. – Жена думает, что ты, вероятно, знаешь, кто ее убил. Это правда?

– Если бы я знала, то, можете быть уверены, сообщила бы в полицию, доктор. К сожалению, не знаю. Я понимаю, почему вы не хотите наплыва людей и газетчиков, но мы с Агнес были близкими друзьями. Для меня это многое значит – отдать ей последний долг.

Он долго запинался и мямлил, но все-таки сказал, что похороны состоятся в субботу в Лейк-Форест. Я поблагодарила его с большей вежливостью, чем хотела бы, и позвонила Филлис Лординг.

Мы договорились идти вместе на случай, если у дверей церкви выставят стражу, чтобы не пропускать нежелательных лиц.

Мне не нравилось, как я себя чувствовала. Малейший шум в квартире заставлял меня вскакивать, а в одиннадцать, когда зазвонил телефон, я едва заставила себя снять трубку. Это был Феррант – в подавленном настроении. Он спросил, не знаю ли я, где состоятся похороны Агнес, и не'будут ли возражать ее родители, если он придет.

– Возможно, и будут, – ответила я. – Они не хотят видеть меня, а я была одной из ее ближайших подруг. Но все равно приходи.

Я сообщила ему время и место и объяснила, как туда доехать. Когда он спросил, можно ли поехать со мной, я рассказала ему о Филлис.

– Она, возможно, не готова к тому, чтобы на похороны Агнес приходили незнакомые люди.

Он пригласил меня пообедать, но я отказалась. Конечно, я не верю, что Роджер мог нанять кого-то, чтобы мне плеснули в лицо кислотой... И все же... Я обедала с ним в тот день, когда впервые ездила в монастырь, – на следующий день после того, как Роза решила вывести меня из дела. Я хотела было спросить его, но это прозвучало бы примерно так же, как вопрос Томаса Пасиорека – не я ли убила его дочь.

Я была напугана, и это мне не нравилось. Я перестала доверять своим друзьям. Не представляла, как найти нападавшего на меня, Мне не хотелось оставаться одной, но Роджера я знала не настолько хорошо, чтобы положиться на него.

В полдень, когда я, озираясь, шла по Холстед-стрит, чтобы купить сэндвич, мне пришла в голову мысль; которая разрешала сразу обе мои животрепещущие проблемы. Из ближайшего магазина я позвонила Мюррею.

– Мне надо поговорить с тобой, – выпалила я, когда он взял трубку. – Мне нужна твоя помощь.

Должно быть, он почувствовал мое настроение, потому что не опустил ни до одной из своих обычных острот, а тут же согласился встретиться в «Голден глоу» в пять.

В половине пятого я переоделась в синий шерстяной брючный костюм, засунула в сумку зубную щетку, пистолет и смену белья, проверила все замки и спустилась по черной лестнице. Осмотр здания показал, что мои страхи были безосновательны: никто меня не ждал. Так же тщательно я проверила «омегу», прежде чем сесть в нее и завести. Мне не улыбалось быть разорванной на сотни кусочков. По крайней мере, сегодня.

Я застряла в потоке машин на шоссе и опоздала в «Голден глоу». Мюррей ждал меня с утренним выпуском «Геральд стар» и кружкой пива.

– Привет, Вик. Что случилось?

– Мюррей, кто из известных тебе людей мог бы плеснуть кислотой в лицо человеку, который ему не нравится?

– Никто. Мои друзья такими вещами не занимаются.

– Я не шучу, Мюррей. Разве это не сигнал опасности?

– А кому плеснули кислотой в лицо?

– Мне. – Я повернулась и показала ему обработанный Лотти ожог. – Он целился в глаза, но я ждала этого и вовремя увернулась. Покушавшегося, по-видимому, зовут Уолтер, но мне нужен тот, кто его послал.

Я рассказала Мюррею об угрозах, о схватке на лестнице и описала голос звонившего мужчины.

– Мюррей, я боюсь. Меня нелегко испугать, но... Боже мой! Какой-то маньяк пытается ослепить меня! Лучше уж пулю в лоб.

Он озабоченно кивнул:

– Ты наступила кому-то на мозоль, Вик, но кому – не знаю. Кислота... – Он покачал головой. – Я бы подумал на Рудольфе Фрателли, но голос у него низкий, хриплый. Его не перепутаешь. Фрателли был шишкой из мафиозной семьи Паскуале.

– Может быть, кто-то из тех, кто работает на него? – высказала я предположение.

Он пожал плечами:

– Постараюсь кое-что разузнать. Можно мне написать о нападении?

Я поразмыслила:

– Знаешь, я не заявляла в полицию. Наверное, потому, что слишком разозлилась на Бобби Мэллори. – Я кратко изложила разговор с лейтенантом. – Но, возможно, если мой аноним поймет, что за этой историей следит вся общественность, он немного поостережется. И еще, понимаешь, мне неловко говорить об этом, но, честно сказать, я не могу оставаться сегодня ночью одна. Можно мне переночевать у тебя?

Мюррей с минуту разглядывал меня, потом рассмеялся:

– Знаешь, Вик, стоило отменить свидание с другой, чтобы услышать, как ты просишь о помощи. Ты же чертовски независимая.

– Спасибо, Мюррей. Буду рада составить тебе компанию.

Все это не слишком мне нравилось, особенно когда он отправился звонить по телефону, чтобы дать информацию обо мне в газету. Интересно, под каким заголовком появится статья: «Благоразумная осторожность» или «Запуганная жертва»?

Мы пообедали в романтическом индийском ресторане на Холстед, а потом потанцевали в клубе «Синяя борода». Когда мы ложились в постель в час ночи, Мюррей сказал, что поручил парочке репортеров раскопать информацию о типах, имеющих привычку работать с кислотой.

Утром в субботу я поднялась рано и ушла, оставив Мюррея досыпать, – надо было переодеться для похорон. В моей квартире все было спокойно, и я начала подумывать, что слишком поддаюсь страху.

Надев синий уличный костюм, на этот раз с бледно-серой блузкой и синими туфлями, я отправилась, чтобы забрать Лотти и Филлис. На улице было всего десять градусов, и небо снова затянуло облаками. К тому моменту, как я села в машину, меня уже трясло от холода – надо будет срочно купить новый мохеровый шарф.

Лотти ждала в дверях, одетая в строгий шерстяной костюм черного цвета, наглядно свидетельствующий, что она врач. Почти всю дорогу до Честнат-стрит она молчала. Когда мы подъехали к дому, она вышла из машины и зашла за Филлис, которая, казалось, не ела и не спала с тех пор, как я видела ее два дня назад. Кожа на ее бледном, худом лице была так натянута, что казалось, вот-вот лопнет, под глазами лежали глубокие тени. На ней был белый шерстяной костюм с бледно-желтым свитером. Вроде бы цвета траура на Востоке, смутно припомнилось мне. Филлис – начитанная женщина и может себе позволить отдать последний долг бывшей возлюбленной таким образом, что оценить это сможет только ученый.

Она нервно улыбнулась мне, когда мы направились на север в сторону Лейк-Форест.

– Они не знают, что я приеду, не так ли?

– Нет, – ответила я.

Тут вмешалась Лотти: зачем я действую втайне, миссис Пасиорек может устроить сцену, когда узнает, кто такая Филлис.

– Она не сделает этого. Выпускницы монастыря «Святое сердце» не устраивают сцен на похоронах своих дочерей. К тому же ее гнев падет не на Филлис, а на истинного виновника ее появления на похоронах – на меня. Кроме того, если бы я заранее сообщила ей, кого привезу, она выставила бы у дверей церкви вышибалу, чтобы не пустить нас.

– Вышибалу? – спросила Филлис.

– Думаю, церковники называют их приставами.

Филлис рассмеялась, и остаток пути прошел непринужденнее.

Церковь в Лейк-Форест представляла собой внушительное здание из известняка на холме с видом на Шеридан-роуд. Я припарковала «омегу» на стоянке у подножия холма, втиснувшись между необъятным черным «кадиллаком» и такой же громадиной «Марк IV». Я засомневалась, смогу ли найти свою «омегу» в этом море шикарных лимузинов.

Когда мы взбирались по крутым ступеням к главному входу в церковь, мне не давала покоя мысль: как же пожилые люди и инвалиды умудряются подниматься по ней на мессу? Может, католики из Лейк-Форест никогда не бывают прикованными к постели или к инвалидному креслу, а при малейшем недомогании возносятся прямо на небеса?

Брат Агнес Фил был одним из моих шаферов. Когда он увидел меня, его лицо просветлело, и он подошел ко мне поздороваться:

– Вик! Я так рад, что ты все-таки пришла. Мама сказала, что тебя не будет.

Я обняла его и представила Лотти и Филлис. Он провел нас вперед. Гроб Агнес стоял на возвышении перед лестницей, ведущей к алтарю. Входя, люди на секунду преклоняли перед ним колени. К моему удивлению, Филлис сделала то же самое, прежде чем присоединиться к нам. Она долго стояла на коленях, потом перекрестилась и, когда заиграл орган, поднялась. Я и не знала, что она католичка.

Один из друзей семьи, мужчина средних лет с красным лицом и светлыми волосами, провел миссис Пасиорек к ее месту в первом ряду. Она была в черном, с длинной темной мантильей,

закрывавшей голову, и казалась такой же, как всегда: злой и красивой. Ее взгляд, брошенный на гроб, казалось, говорил: «Я тебя предупреждала».

Я почувствовала легкое прикосновение к плечу и обернулась – Феррант, как всегда элегантный. Интересно, он, что, прихватил траурную одежду из Лондона – на всякий случай, если в Чикаго будут похороны?

Орган играл около пяти минут, потом началась служба. Траурная процессия впечатляла своими масштабами: сначала шли псаломщики, один из них размахивал кадилом, другой нес большое распятие. Затем младшие служки. Потом величественная фигура в ризе и митре с епископским посохом – кардинал Чикаго Джером Фарбер. За ним священник, тоже в ризе и митре. Потом епископ, мне неизвестный. Не то чтобы я знала многих церковнослужителей в лицо – просто фотография Фарбера довольно часто мелькает в газетах.

Церемония уже началась, когда я рассмотрела, что один из младших священников – Августин Пелли из монастыря Святого Альберта. Странно: откуда он знает семью Пасиорек?

Служба шла на латинском, ее отправляли Фарбер и незнакомый мне епископ. Интересно, что сказала бы Агнес по поводу этого пышного, несколько архаичного ритуала? Она была такой современной. Однако величественность его, возможно, ей бы понравилась.

Я даже не пыталась, следуя ходу службы, то вставать, то преклонять колени. Так же как Лотти и Роджер. Филлис же была полностью поглощена службой, и, когда прозвенел, колокол, приглашая прощаться с усопшей, я не удивилась, что она прошла мимо нас и присоединилась к толпе у алтаря.

Когда мы выходили из церкви, меня остановил Фил Пасиорек. Он был на десять лет моложе меня и Агнес, и когда-то, когда я была частым гостем в Лейк-Форест, даже увлекался мной.

– Мы кое-что приготовили дома. Мне бы хотелось, чтобы ты с друзьями заехала к нам.

Я вопросительно взглянула на Лотти, которая пожала плечами, как будто говоря: как бы я не ответила, это все равно будет неправильно, и я согласилась. Мне хотелось разузнать, что здесь делает Пелли.

Последний раз я была в доме Пасиорек, когда училась на втором курсе. Оказавшись у озера, я кое-что вспомнила, но все-таки несколько раз путалась в поворотах, прежде чем нашла Арборроуд. Дом, как всегда, выглядел недостроенным – вокруг него множились всевозможные пристройки, рост которых, казалось, могла приостановить только химиотерапия.

Мы оставили машину среди длинного ряда других машин и вошли в одну из пристроек, означающих парадный вход. Когда я приезжала сюда раньше, мы с Агнес всегда входили через боковую дверь, где располагались гаражи и конюшни.

Мы очутились в черно-белом мраморном вестибюле, служанка взяла у Лотти пальто и направила нас в приемную. Из-за эксцентричного дизайна нам пришлось спускаться и подниматься по нескольким коротким, никуда не ведущим мраморным лестницам, потом мы дважды повернули направо и оказались в оранжерее – копии библиотеки во дворце Бленхейма. В комнатах почти такого же размера стоял орган, несколько деревьев в кадках и тянулись ряды книжных полок. Интересно, почему это помещение называли оранжереей, а не музыкальной комнатой или библиотекой?

Фил засек нас в дверях и подошел поприветствовать. Он получил два диплома Чикагского университета – доктора медицины и доктора философии.

– Отец считает меня сумасшедшим, – ухмыльнулся он. – Я занимаюсь нейробиологией, вместо того чтобы стать практикующим нейрохирургом и зарабатывать кучу денег. Думаю, Сесилия, – единственная из детей, кто ведет себя прилично.

Сесилия, средняя дочь Пасиорек, стояла около органа с отцом Пелли и незнакомым мне епископом. В свои тридцать она уже выглядела почти как миссис Пасиорек, включая внушительных размеров бюст под дорогим черным костюмом.

Я отошла от Фила и Филлис, которые продолжали разговаривать, и протиснулась через толпу гостей к органу. Сесилия отказалась пожать мне руку и произнесла:

– Мама сказала, что ты не приедешь.

То же самое сказал и Фил, встретив меня в церкви, только он обрадовался, увидев меня, а Сесилия была в бешенстве.

– Я с ней не разговаривала, Сесилия. Я говорила вчера с твоим отцом, и он пригласил меня.

– Она сказала, что звонила тебе.

Я покачала головой. Так как Сесилия не собиралась представлять меня, я обратилась к незнакомому епископу:

– Я Виктория Варшавски, подруга Агнес по университету.

Мы с отцом Пелли встречались в монастыре Святого Альберта.

Я протянула было руку, но опустила ее, так как епископ не отреагировал на мое приветствие. Это был стройный, седоволосый мужчина лет пятидесяти, в красной мантии с золотой цепью поверх нее.

Пелли сказал:

– Его преосвященство Ксавир О'Фаолин.

Я присвистнула про себя. Ксавир О'Фаолин заведовал финансовыми делами Ватикана. Прошлым летом, когда разразился скандал в банке Амброзиано и всплыли темные делишки Роберта Кальви, о нем писали в газетах. Государственный банк Италии считал, что О'Фаолин причастен к исчезновению ценностей из банка Амброзиано. Насколько я знаю, епископ был наполовину испанцем, наполовину ирландцем, из какой-то центральноамериканской страны. Сильные же друзья у миссис Пасиорек.

– И вы оба были старыми друзьями Агнес? – С некоторым злорадством спросила я.

Пелли заколебался, ожидая, что ответит О'Фаолин, но так как тот молчал, Пелли строго проговорил:

– Епископ и я – друзья миссис Пасиорек. Мы познакомились в Панаме, когда ее муж проходил там службу.

Действительно, доктор Пасиорек начинал свою медицинскую карьеру в армии. Он работал в зоне Панамского канала. Агнес родилась там и довольно неплохо говорила по-испански. Я совсем забыла об этом. Пасиорек прошел длинный путь от бедняка, не способного заплатить за обучение, до преуспевающего врача.

– Она, что, интересуется доминиканской школой в Сиудад-Изабелле?

Вопрос был невинный, но Пелли вдруг покраснел. Я не поняла, в чем дело: неужели он

думает, что я пытаюсь возобновить на похоронах спор о роли церкви в политике?

Справившись со своими эмоциями, он сухо произнес:

– Миссис Пасиорек интересуется благотворительностью и пожертвованиями. Ее семья известна поддержкой католических школ и монастырей.

– Да, действительно, – наконец выдавил из себя епископ. Он говорил с таким сильным акцентом, что понять его было практически невозможно. – Да, мы многим обязаны доброй воле таких замечательных христиан, как миссис Пасиорек.

Сесилия нервно кусала губы. Тоже, видимо, боялась, что я что-нибудь выкину.

– Пожалуйста, Виктория, уходи, пока мама не узнала, что ты здесь. Она достаточно переживает из-за Агнес.

– Меня пригласили твой отец и твой брат, Сейл. Я не незванный гость.

Я начала прокладывать себе путь сквозь блеск норок, соболей и бриллиантов в другой конец комнаты, где в последний раз видела доктора Пасиорек. На полпути я решила, что лучше пройти по коридору, где стояли растения в кадках. Успешно избежав основного потока гостей, я добралась наконец до конца пути. Под деревьями, обмениваясь отрывистыми замечаниями и покуривая, стояло несколько групп людей. Среди них я увидела одну из школьных подруг Агнес из «Святого сердца», сильно накрашенную и увешанную бриллиантами. Я остановилась и обменялась с ней любезностями.

Когда Регина сделала паузу, чтобы прикурить, с другой стороны апельсинового дерева, возле которого мы стояли, прозвучал мужской голос:

– Я полностью поддерживаю политику Джима в министерстве внутренних дел. На прошлой неделе мы обедали вместе с ним в Вашингтоне, и он рассказывал мне, как усложняют ему жизнь эти твердолобые либералы.

Кто-то ответил в том же духе. Затем третий мужчина добавил:

– Уверен, они умеют обращаться с такой оппозицией.

Обычный разговор богатых людей правого толка, но меня как громом поразил голос третьего мужчины. Без сомнения, я слышала его по телефону два дня назад.

Регина рассказывала мне о своей второй дочери, которая учится в восьмом классе монастырской школы «Святое сердце», о том, какая она умная и красивая.

– Рада за тебя, Регина. Приятно было повидаться.

Я обогнула апельсиновое дерево и увидела мужчину с красным лицом, который распоряжался в церкви, и О'Фаолина. Миссис Пасиорек, которую до этого я не видела, стояла в середине, лицом ко мне. Приближаясь к шестидесятилетнему рубежу, она все еще была хороша собой. Когда я познакомилась с ней, она проходила специальный курс упражнений, мало пила и не курила. Однако годы злобы все же оставили отпечаток на ее лице. Оно было в морщинах и мелких складках, контрастируя с прекрасно уложенными темными волосами. Когда она увидела меня, складка на ее лбу стала еще глубже.

– Виктория! Я специально просила тебя не приезжать. Что ты здесь делаешь?

– О чем вы говорите? Доктор Пасиорек просил меня прийти на похороны, а Филип пригласил меня сюда.

– Когда Томас вчера сказал, что ты собираешься приехать, я трижды звонила тебе. И каждый раз объясняла человеку, который подходил к телефону, что тебя не ждут на похоронах моей дочери. И не притворяйся, что ты не знаешь, о чем идет речь.

Я покачала головой:

– Простите, миссис Пасиорек. Вы разговаривали с моим автоответчиком. Я была слишком занята, чтобы снять с него сообщения. И даже если бы ваше пожелание дошло до меня, я бы все равно приехала: я слишком любила Агнес, чтобы не отдать ей последний долг.

– Любила! – Ее голос захрипел от злости. – Как ты смеешь делать такие грязные намеки в моем доме?

– Любовь? Грязные намеки? – повторила я и расхохоталась. – О, вы все еще считаете, что мы с Агнес были любовниками? Нет-нет, просто хорошими друзьями.

Ее лицо побагровело. Я испугалась, что ее хватит удар. Краснолицый седоволосый мужчина вышел вперед и схватил меня за руку:

– Моя сестра ясно сказала: вам здесь не место. Думаю, вам лучше уйти.

Его низкий голос не принадлежал тому, кого я искала.

– Хорошо, – ответила я. – Только найду доктора Пасиорека и попрощаюсь с ним.

Он попытался повернуть меня в сторону двери, но я сбросила его руку – к тому же с большей силой, чем следовало. Пока он потирал ушибленное место, я затерялась в толпе позади миссис Пасиорек, пытаюсь разыскать того, кому принадлежал ровный, без всякого акцента голос. В конце концов я сдалась, нашла доктора Пасиорека, сказала полагающиеся в таких случаях слова и увезла Филлис и Лотти.

Глава 13

Последние сделки

Феррант заехал к концу дня с копией списка, полученного от Бэррета. Он был мрачен, строг и даже отказался от выпивки. Просмотрел вместе со мной имена брокеров, сказал, что никто из покупателей акций не был клиентом «Аякса», и ушел.

Все перечисленные в списке имена были мне незнакомы, так же как и имена покупателей акций. Фактически большинство акций скупили брокеры. В письме к Роджеру Бэррет пояснил, что, когда акции меняют владельца, требуется месяц или около того, чтобы разыскать фамилию покупателя.

Одна компания всплывала несколько раз: «Вуд-Сейдж», зарегистрированная по адресу сто двадцатая улица в районе Ла-Салль. Там же работали и трое брокеров – факт довольно любопытный. Когда я посмотрела на карту города, то обнаружила, что это был адрес биржи Среднего Запада.

До понедельника я никак не могла использовать список, поэтому положила его в ящик, включила телевизор – шел матч на кубок Национальной лиги, – заказала на ужин пиццу и провела ночь, беспокойно ворочаясь. «Смит-и-вессон» лежал рядом с кроватью.

Воскресная «Геральд стар» состряпала милую историю о моем кислотном ожоге на первой странице под заголовком «Чикагская сенсация». Они использовали мою фотографию, снятую еще прошлой весной, – яркий, броский снимок. Читатели не могли его не заметить. В разделе частных объявлений были различные благодарности, письма влюбленных, ищущих примирения, но от дяди Стефана вестей не было.

В понедельник утром я засунула револьвер в кобуре под просторный твидовый пиджак и направилась в центр, намереваясь прощупать брокерские фирмы. В офисе фирмы «Верден и Лаймен», члена нью-йоркской фондовой биржи, я сообщила администратору, что намереваюсь вложить в акции шестьсот тысяч и хотела бы поговорить с брокером. Ко мне вышел сам Стюарт Верден, щеголеватый мужчина лет сорока пяти в костюме цвета древесного угля и с пышными усами.

Он провел меня по лабиринту кабинетов, где сидели энергичные молодые люди, одной рукой держащие телефонную трубку, а другой печатающие на компьютере. Берден предложил мне кофе и обращался с тем уважением, которого требует владелец полумиллиона долларов. Мне это понравилось. Надо чаще говорить людям, что я богата.

Назвавшись Карлой Бэйнс, я объяснила Стюарту, что Агнес Пасиорек была моим брокером. Я собиралась купить через нее несколько тысяч акций фирмы «Аякс», но она меня отговорила. Теперь мне нужен новый брокер. Что знает «Берден и Лаймен» об «Аяксе»? Правильный ли совет дала мне мисс Пасиорек?

Услышав имя мисс Пасиорек, Берден сказал, что ее смерть была для всех трагедией и какой ужас, что нельзя чувствовать себя в безопасности, задерживаясь в офисе поздно вечером. Вот и все. Затем он сверился с компьютером и сказал, что сегодняшняя цена акций «Аякса» составляет $54 \frac{3}{8}$.

– В последние несколько недель стоимость акций постоянно растет. Возможно, у Агнес были какие-то свои источники информации, и она знала, когда они достигнут пика. Вы все еще заинтересованы в этой фирме?

– Я не тороплюсь с вложениями. Хотя думаю, с «Аяксом» мне надо определиться завтра или послезавтра. Вы не могли бы разузнать, – что и как, и дать мне знать, если что-нибудь услышите?

Он пристально посмотрел на меня:

– Если вы какое-то время следите за движением акций «Аякса», то, должно быть, знаете: ходит много слухов о попытке купить фирму. Если это так, то цена, видимо, будет расти и дальше, пока дело полностью не прояснится. Если вы собираетесь покупать, делайте это сейчас. Я развела руками:

– Вот почему я не понимаю совета мисс Пасиорек. Поэтому и пришла сюда – узнать, не в курсе ли вы, почему она не советовала покупать эти акции.

Верден позвонил своему партнеру. После короткого разговора он сказал:

– Наши сотрудники не слышали ничего такого, что бы ставило покупку под сомнение. Был бы счастлив купить для вас акции сегодня днем.

Я поблагодарила, но сказала, что, прежде чем принять решение, попробую разузнать что-нибудь еще. Он дал мне свою визитную карточку и попросил связаться с ним в ближайшие два дня.

«Верден и Лаймен» находилась на четырнадцатом этаже здания фондовой биржи. Я

проехала на лифте вниз на одиннадцать этажей к своей следующей жертве: «Джилл, Тернер и Ротенфельд».

К полудню, досыта наговорившись в трех брокерских фирмах, я решила сделать перерыв на ленч в закусочной «Берг-хофф». Обычно я не пью пиво, но сегодня сделала исключение. Кружка пива и несколько сосисок помогли мне восстановить силы. По существу, мне везде давали ту же информацию, что и Стюарт Берден. Слухи насчет «Аякса» до них дошли, и они торопили меня с покупкой. Никто не выказывал тревоги, когда я упоминала Агнес или «Аякс». Уж не пошла ли я по ложному следу? Может, лучше было бы использовать свое собственное имя? Не исключено, что ночной вор хотел украсть компьютеры, наткнулся на Агнес и застрелил ее.

Я продолжала убеждаться в том, что женщину с шестьюстами тысячами долларов всюду принимают по первому классу. Со мной разговаривали только первые лица, не была исключением и фирма «Тилфорд и Саттон»: Престон Тилфорд собирался встретиться со мной лично.

Как и фирмы, в которых я побывала утром, эта фирма не относилась к числу самых крупных. На двери были обозначены имена двадцати или около того партнеров.

Секретарь указал мне дорогу: через небольшой коридор и комнату брокеров, где около телефонов и компьютеров безумствовала дюжина молодых людей, мимо штабелей бумаг к офису Тилфорда в дальнем углу коридора.

Его секретарша, приятная женщина с завитыми волосами лет около пятидесяти, пригласила меня войти. Тилфорд нервничал, его ногти были обкусаны до основания. Это не обязательно признак виновности, по крайней мере в отношении Агнес, – большинство брокеров, которых я сегодня видела, тоже были сильно взвинчены. Беспокойное это, должно быть, занятие – следить за постоянными скачками цен на бирже.

Пока я выкладывала Тилфорду свою историю, он непрерывно что-то рисовал.

– «Аякс»? Гм... – отозвался он, когда я закончила. – Не знаю. Я уважаю... уважал суждения Агнес. Мы также не рекомендуем сейчас покупать, мисс, э-э-э... Бэйнс. Мы чувствуем, что эти слухи о взлете акций тщательно кем-то раздуваются, кто-то хочет манипулировать биржей. Крах может наступить в любую минуту. Если вы хотите вложить деньги в растущую фирму, у меня есть несколько, которые я мог бы вам порекомендовать.

Он вытащил пачку проспектов из ящика стола и перелистал их со скоростью профессионального картежника. Я вышла от него с двумя свежими проспектами в сумке, пообещав вскоре позвонить. По пути в седьмую по списку фирму я позвонила в свой офис и распорядилась принимать сообщения, адресованные Карле Бэйнс.

В половине пятого список Бэррета был исчерпан. За исключением Престона Тилфорда, все рекомендовали покупать акции «Аякса». Он единственный не очень доверял слухам о скачке цен. Конечно, это ничего не доказывало, хотя могло означать и то, что он проницательнее остальных брокеров – в конце концов только один человек в одной из брокерских фирм не рекомендовал покупать акции «Болдуин», хотя они и росли в цене, и единственный оказался прав в своих прогнозах. И все же негативная реакция Тилфорда на «Аякс» была единственной зацепкой за весь день. С этого и придется начать.

Вернувшись докой, я сменила свой деловой костюм на джинсы и свитер, надела ботинки без каблука. Прежде, чем начать действовать, я позвонила в Чикагский университет и долго и нудно пыталась найти Фила Пасиорека. Наконец, кто-то отослал меня в лабораторию, где он работал допоздна.

– Фил, это Вик. Вчера в вашем доме был кое-кто, чье имя мне хотелось бы выяснить. К несчастью, я не знаю, как он выглядит, слышала только его голос.

Я, как могла, описала голос.

– Такой голос может быть у кого угодно, – задумчиво произнес он.

– Никакого акцента, – повторила я. – Возможно, тенор. Ты же знаешь, у большинства людей есть местный акцент. А у него нет. Не гнусавит, как на Среднем Западе, не растягивает звуки, не рычит по-бостонски.

– Извини, Вик. Не могу припомнить. Если мне что-то придет в голову, я тебе позвоню, но приметы очень расплывчатые.

Я дала ему свой номер телефона и положила трубку.

Перчатки, стеганая куртка, отмычки – и я была готова. Засунув бутерброд с арахисовым маслом в карман куртки, я сбежала вниз по лестнице и вышла в морозную январскую ночь. Вернувшись к зданию фондовой биржи, я зарегистрировалась внизу по приказу охранника. Удостоверение он не спросил, поэтому я написала первое пришедшее в голову имя: Дерек Хэтфилд. Поднявшись на пятнадцатый этаж, я вышла, проверила двери на лестничной площадке – не закрываются ли они автоматически – и стала ждать.

В девять часов с нижнего этажа по лестнице начал подниматься охранник. Прежде, чем он поднялся, я скользнула в женский туалет. В одиннадцать свет на этаже погас. Уборщицы, перекликаясь по-испански, собрались уходить домой.

После их ухода я выждала еще полчаса, на случай, если кто-то что-то забыл, потом вышла из своего убежища и пошла по коридору к офису «Тилфорд и Саттон». Мои ботинки тихо постукивали по мраморному полу. На всякий случай я взяла с собой фонарик, но пожарные лампочки освещали помещение достаточно хорошо.

У двери в приемную я осветила фонариком углы, чтобы удостовериться, нет ли там сигнализации. Офисы в зданиях с внутренней охраной обычно не имеют внешней сигнализации, но лучше убедиться в этом еще раз, чем потом пожалеть. Вытащив из кармана «путеводитель детектива» – связку отмычек, я начала возиться с замком. Скоро дверь поддавалась, и я вошла внутрь.

Было совершенно темно, только зеленые проблески экстренных сообщений на темных экранах компьютеров. Я невольно поежилась и провела рукой по месту ожога на спине.

Стараясь реже включать фонарик, я прошла мимо столов, заваленных грудями бумаг, к офису Престона Тилфорда. Я не знала, как часто охранники обходят каждый этаж, и не хотела рисковать, включая свет. Дверь кабинета Тилфорда тоже была закрыта, и мне опять пришлось повозиться несколько минут в темноте. Я научилась открывать замки у одного из своих клиентов, к которому испытывала симпатию, но быстроты настоящего профессионала так и не достигла.

Эта дверь была из сплошного дерева – не то что наружная, можно было не опасаться, что свет проникнет через панели.

Тихо прикрыв ее за собой, я зажгла свет и сориентировалась. Один стол, две картотеки. Сначала проверь все, найди закрытые ящики и загляни в них, приказала я себе.

Я работала как можно быстрее, не снимая перчаток и не зная, что именно хочу найти. Закрытый шкаф с документацией содержал договоры для частных клиентов Тилфорда. Я взяла наугад несколько договоров, чтобы поближе их рассмотреть. Не зная, что должно

находиться в документации клиента, я размышляла, что же мне надо искать. Казалось, дела были в полном порядке. Я осторожно перекладывала бумаги, сохраняя порядок страниц и аккуратно ставя папки на место, читала фамилии, стараясь найти хоть одну знакомую. И кроме нескольких чикагских бизнесменов, не увидела никого, кто бы был мне знаком лично, пока не дошла до буквы «П». Кэтрин Пасиорек, мать Агнес, была одной из клиенток фирмы «Тилфорд и Саттон».

С бьющимся сердцем я вытащила ее дело. В фирме «Тилфорд и Саттон» хранилась только малая часть баснословного состояния, оставленного дедушкой Агнес. Второго декабря миссис Пасиорек купила две тысячи акций «Аякс». Это заставило меня вскинуть брови. В тонкой папке лежали договоры еще на несколько сделок. «Аякс» была единственной компанией, акции которой она купила в 1983 году. Стоило ли искать дальше? Других клиентов, покупавших акции «Аякса», я не нашла. Однако Тилфорд зарегистрировал гораздо больше проданных акций, чем две тысячи, принадлежащие Кэтрин Пасиорек. Я нахмурилась и занялась рабочим столом.

Стол из красного дерева был сработан на совесть и открыть замок на среднем ящике было непросто. Кончилось тем, что, мучаясь с отмычками, я поцарапала поверхность. В страхе посмотрела я на ящик, но убиваться было поздно.

Тилфорд хранил в столе личную коллекцию: кроме полупустой бутылки виски – это меня не удивило, – у него была тщательно подобранная коллекция откровенной порнухи. Следует, пожалуй, согласиться с идеей Шоу о подсознательной работе ума. Я морщилась, пролистывая журналы, чтобы удостовериться, не попадет ли среди страниц что-нибудь более интересное.

После этого я решила, что Тилфорд должен поставить мне выпивку, и бесцеремонно налила себе виски. В нижнем ящике я обнаружила документы на новых клиентов, возможно, его ультраличные, суперсекретные сделки. Их было девять или десять, включая организацию под названием «Корпус Кристи». Я смутно припомнила, что недавно читала что-то о ней в «Уолл-стрит джорнэл». Это было светское ответвление римской католической церкви, включавшее в себя преимущественно богачей. Папа симпатизировал им: они были консервативны в таких важных вопросах, как аборт и роль церкви в государстве, эта группа поддерживала правых в правительстве и имела сильные церковные связи. По утверждению «Джорнэл», папа так возлюбил эту организацию, что поставил во главе ее какого-то испанского епископа и заставил его, испанца, напрямую подчиняться ему, папе. Это разозлило архиепископа Мадрида, так как подобные светские организации должны подчиняться местному епископу. Но только у «Корпуса Кристи» было много денег, а папская власть получала огромные средства от своих польских миссионерских организаций, и прямо никто ничего не говорил, но в «Джорнэл» это прочитывалось между строк.

Я пролиставала бумаги, ища протоколы сделок с «Корпусом Кристи». Сотрудничество началось с небольших закупок в марте предыдущего года. Затем развернулась активная торговля. К декабрю сумма сделок составила несколько миллионов долларов. Но никаких записей о том, куда вкладывались деньги, я не нашла. Мне бы хотелось, чтобы это был «Аякс».

Согласно Бэррету, «Тилфорд и Саттон», по-видимому, занимала в «Аяксе» твердую позицию. Однако единственный след деловой активности «Аякса» – две тысячи акций, купленных миссис Пасиорек в декабре. И более ничего. Где же находятся документы, показывавшие, что именно покупал и продавал «Корпус Кристи»? И почему его нет в общей картотеке? Сейфа в офисе Тилфорда не было. Стараясь как можно осторожнее пользоваться фонариком, я исследовала другие комнаты. В смежном кабинете стоял огромный современный сейф, открыть его можно, только набрав на электронном замке восемнадцать цифр. Мне это было не под силу. Если документы «Корпуса Кристи» в этом сейфе, они под надежной защитой.

Часы на методистской церкви пробили два часа. Я взяла документы «Корпуса Кристи» и миссис Пасиорек, пошла в главную комнату и стала разыскивать копировальный аппарат. В углу стоял большой ксерокс. Пришлось подождать, пока он нагреется. Осторожно светя фонариком, я сделала копии с содержимого двух папок. Чтобы отделять страницы, мне пришлось снять перчатки и засунуть их в задний карман джинсов.

Я почти закончила, когда проходивший мимо охранник заглянул через стеклянную панель. Как полнейшая дура, я оставила дверь офиса Тилфорда приоткрытой. Когда охранник загремел ключами, я выключила ксерокс и в отчаянии начала оглядываться в поисках укрытия. У ксерокса внизу есть отделение для бумаги. Мои пять футов восемь дюймов с трудом втискивались в небольшое пространство, но делать было нечего.

Охранник включил верхний свет. Сквозь щель в дверце я видела, как он вошел в офис Тилфорда. Он провел там достаточно времени, чтобы понять, что кабинет был взломан. Его голос прохрипел что-то в рацию, вызывая подмогу. Затем охранник обошел внешнюю комнату, светя фонариком по углам и шкафам. Очевидно, он считал, что у ксерокса внутри нет ничего, кроме механизма, поэтому он прошагал мимо него, постоял некоторое время прямо передо мной и вернулся в офис Тилфорда.

Надеясь, что он останется там, пока не придет подкрепление, я осторожно открыла дверцу, распрямила на полу свое скрюченное тело и стала продвигаться на четвереньках к ближайшей стене, где за окном была пожарная лестница. Беззвучно открыв окно, я выскользнула в январскую ночь.

Пожарная лестница обледенела. Я чуть не распрощалась навсегда со своей карьерой, когда, пытаясь ухватиться за обжигающе ледяные перила, чуть не съехала с узкой железной платформы. В руках у меня были оригиналы и фотокопии документов Тилфорда, а также фонарик. Когда я схватилась за перила, они упали на лед. Ругаясь про себя, я неуверенно ползала по платформе, собирая документы и окоченевшими пальцами запикивая их за пояс джинсов. Потом я вытащила из заднего кармана перчатки, надела их и как можно быстрее спустилась этажом ниже.

Окно было закрыто. Поколебавшись секунду, я разбила стекло, сбросила осколки с одежды и пролезла внутрь.

Я приземлилась на стол, заваленный бумагами, которые тут же полетели на пол. Пытаясь добраться до двери, я пересчитала все столы и шкафы. Интересно, как это служащим удастся дойти до своих рабочих мест в таком хаосе? Я взломала дверь, прислушалась и, ничего не услышав, пошла по коридору. И уже собиралась открыть дверь на лестничную клетку, когда услышала на другой стороне звук шагов.

Скользнув обратно в коридор, я попыталась ворваться в первую попавшуюся дверь. К счастью, она была не заперта. Я вошла внутрь, наступив на что-то хлюпающее, потом кто-то ударил меня палкой по носу. Защищаясь, я обнаружила, что дерусь с большой шваброй.

Снаружи слышались голоса двух охранников, тихо споривших о том, с какой части коридора начать обход.

Стараясь передвигаться как можно тише, я дошла до хозяйственного шкафа и наткнулась на вешалку. На ней висели рабочие халаты уборщиц. Я сняла джинсы, засунула документы за резинку колготок и, неловко шаря в темноте, надела ближайший халат, который едва доставал мне до колен и был очень широк в плечах, но, какой-никакой, он все-таки прикрывал меня.

Надеясь, что ко мне не прилипли обрывки бумаги, нет осколков стекла и крови, и молясь, чтобы один из охранников не держал меня на коленях тридцать лет назад, я резко

распахнула дверь.

Полицейские были на расстоянии двадцати футов, спиной ко мне.

– Эй вы! – закричала я, имитируя сильный акцент Габриель. Они повернулись на 180 градусов. – Что здесь происходит, а? Я сейчас позвоню директору! – Полная справедливого негодования, я направилась к лифту.

Они моментально подлетели ко мне:

– Кто вы?

– Я? Я Габриела Сфорзина. Я здесь работаю. Я служащая. А вы? Вы что здесь делаете?

Я начала кричать по-итальянски, надеясь, что никто из них не является любителем итальянских песен. Они неуверенно переглянулись:

– Успокойтесь, леди. Успокойтесь.

Говорившему было около пятидесяти, до пенсии оставалось не так уж много, так что неприятности ему были не нужны.

– Кто-то проник в один из офисов наверху. Мы думаем, что он убежал по пожарной лестнице. Вы никого здесь не видели?

– Что? – вскричала я и опять завела по-итальянски: – За что я плачу налоги, а? Чтоб такие болваны, как вы, пропускали воров, когда я работаю? Чтоб меня изнасиловали или убили?

Потом я произнесла то же самое по-английски. На что охранник помоложе сказал:

– Послушайте, леди, почему бы вам не пойти домой?

Он нацарапал записку на клочке бумаги и протянул ее мне:

– Отдайте ее сержанту у двери внизу, он пропустит вас.

Только сейчас я вспомнила, что мои джинсы вместе с перчатками лежат на полу рядом с хозяйственным шкафом.

Глава 14

Вспыльчивые тети, скорбящие матери

Лотти это не показалось смешным.

– Совсем как в ЦРУ, – фыркнула она, когда, заехав в больницу, я рассказала ей про свое приключение. – Врываешься в офисы, ворешь документы...

– Я не ворую документы, – невинно ответила я. – Сегодня утром я первым делом запаковала их и отослала по почте. Что меня беспокоит с моральной точки зрения, так это джинсы и перчатки, которые я там оставила. Собственно говоря, это производственные расходы. Интересно, как отнесется к этому налоговая служба, если я внесу их в декларацию? Надо позвонить знакомому бухгалтеру.

– Давай звони, – парировала она. Как всегда, когда Лотти сердилась, ее венский акцент тут же давал о себе знать. – А теперь уходи. Я занята и, кроме того, не хочу говорить с тобой в таком настроении.

Мое проникновение со взломом попало в вечерние газеты. Полиция решила, что охранник вспугнул вора прежде, чем тот успел взять что-либо ценное, так как все ценное осталось нетронутым. Мои отпечатки были в банке данных полицейского участка на Одиннадцатой улице, и я надеялась, что в офисе не обнаружится ничего такого, что я не могла бы объяснить деловым визитом к Тилфорду.

Интересно, что они предпримут по поводу Дерекы Хэтфилда, чье имя стоит в регистрационной книге фондовой биржи? Надо будет разузнать, не спрашивали ли они его об этом.

Насвистывая сквозь зубы, я завела «омегу» и направилась в Мелроуз-парк. Несмотря на неодобрение Лотти, я была довольна собой. Типичная ошибка преступника – делаешь удачный ход, а потом бахвалишься этим. Рано или поздно один из тех, кому ты похвастался, доложит в полицию.

Когда я повернула на Маннхейм-роуд, пошел снег. Мелкие сухие крупинки, пришедшие из Арктики, не годятся для снеговиков. Под брюками морского покроя на мне было теплое нижнее белье, поэтому я считала, что двадцативосьмиградусный мороз мне не страшен. Надо сегодня найти магазин военно-морского обмундирования и купить новую куртку.

Монастырь Святого Альберта неясно вырисовывался сквозь снежное крошево. Я припарковала машину в безветренном месте и пошла по направлению ко входу. Ветер проникал через костюм и теплое белье, заставляя задыхаться от морозного воздуха.

В холле с высокими сводами на меня обрушилась мертвая тишина. Я потерла руки, потопала ногами и немного отогрелась, прежде чем справиться об отце Кэрролле. Я надеялась, что приехала до вечерней молитвы и после занятий и причастия.

Пять минут спустя, когда холод, царящий в этом здании, начал пробираться ко мне, отец Кэрролл спустился в холл. Он передвигался быстро, но неторопливо, как человек, который контролирует свою жизнь и живет в мире с самим собой.

– Мисс Варшавски, как я рад вас видеть! Вы приехали из-за тети? Сегодня, как вы, вероятно, знаете от нее, она вернулась на работу.

Я с минуту молчала.

– Вернулась? Вернулась сюда, вы имеете в виду? Нет, мне она не говорила. Я приехала... Я приехала узнать, не могли бы вы дать мне информацию о католической организации под названием «Корпус Кристи».

– Гм... – Отец Кэрролл взял меня за руку. – Вы дрожите, пойдите ко мне в кабинет, выпьем чаю. Вы можете мило поболтать с тетей. Отец Пелли и Яблонски тоже там.

Я смиренно последовала за ним. Яблонски, Пелли и Роза сидели за рабочим столом в офисе Пелли и пили чай. Волосы Розы, цвета стали, были уложены аккуратными волнами. Одетая она была в простое черное платье с серебряным крестом на груди. Когда Кэрролл и я вошли, Роза внимательно слушала Пелли. При виде меня ее лицо исказилось:

– Виктория! Что ты здесь делаешь?

Ее враждебность была такой неприкрытой, что Кэрролл изумился. Роза, должно быть, заметила его реакцию, но ее ненависть была слишком сильной, чтобы заботиться о внешних

приличиях. Она продолжала таращиться на меня, ее маленькая грудь вздымалась. Я обошла стол и поцеловала воздух около ее щеки.

– Привет, Роза. Отец Кэрролл говорит, что тебя вернули – надеюсь, в качестве казначея? Великолепно! Думаю, Альберт тоже в восторге.

Она злобно посмотрела на меня.

– Я знаю, что не могу остановить поток твоих оскорблений в мой адрес. Но, может, в присутствии этих святых отцов ты, по крайней мере, не будешь меня бить?

– Не знаю, Роза. Это зависит от того, что Святой Дух велит тебе сказать мне. – Я обратилась к Кэрроллу: – Я единственная внучка брата Розы, оставшаяся в живых. Когда она меня видит, на нее это производит огромное впечатление, как только что... Могу я попросить чашку чая?

Обрадованный возможностью как-то разрядить напряжение, Кэрролл стал возиться за моей спиной с электрическим чайником. Когда он протянул мне чашку, я спросила:

– Значит ли это, что вы нашли виновного в подделке акций?

Он покачал головой, в его светло-карих глазах была печаль.

– Нет. Однако отец Пелли убедил меня, что миссис Вигнелли не может быть замешана в этом деле. Мы ценим ее работу и знаем, как много она для нее значит, потому нам казалось ненужной жестокостью заставлять ее неизвестно сколько времени сидеть дома.

В разговор вмешался Пелли:

– К тому же мы не уверены, что дело вообще когда-нибудь прояснится. ФБР, похоже, потеряло к нему интерес. Вам что-нибудь об этом известно? – Он вопросительно посмотрел на меня.

Я пожала плечами:

– Все свои новости я извлекаю из газет. Пока я не видела информации о том, что ФБР прекращает расследование. Что вам сказал Хэтфилд?

– Мистер Хэтфилд ничего нам не сообщил, – сказал Кэрролл. – Но после того как обнаружились настоящие акции, ФБР, похоже, потеряло интерес к расследованию.

– Возможно. Дерек был не слишком со мной разговорчив. – Я глотнула бледно-зеленого чая. Он согревал, единственное, что можно сказать в его пользу. – Но я приехала сюда по другому поводу. На прошлой неделе застрелили мою подругу. В субботу я узнала, что отец Пелли также был ее другом. Возможно, и вы знали ее – Агнес Пасиорек?

Кэрролл покачал головой:

– Конечно, мы все молились за нее всю неделю. Но Августин – единственный из нас, кто знал ее лично. Не думаю, что мы можем много рассказать вам о ней.

– Я пришла не из-за нее. Вернее, не только из-за нее. Ее застрелили, когда она собирала информацию для одного англичанина, которого я ей представила. Даже если бы мы не были друзьями, одно это заставило бы меня чувствовать себя ответственной за ее смерть. Я полагаю, она выяснила что-то, связанное с католической светской организацией «Корпус Кристи». Я хотела бы расспросить вас о ней.

Кэрролл мягко улыбнулся:

– Конечно, я слышал об этой организации. Но едва ли смогу удовлетворить ваше любопытство. Видите ли, даже если бы я был ее членом, то и тогда вряд ли бы мог вам что-либо сказать – они любят действовать втайне.

– А зачем тебе это знать, Виктория? – ядовито спросила Роза. – Чтобы бросить ком грязи в церковь?

– Роза, тот факт, что я не католичка, еще не означает, что я шныряю тут и устраиваю гонения на церковь.

Розина чашка с чаем соскользнула со стола на линолеум. Монастырская чашка была слишком толстой, чтобы разбиться, но чай расплескался по полу. Роза вскочила, не обращая внимания на то, что с ее платья льется чай.

– Шлюхино отродье! – закричала она по-итальянски. – Занимайся своим делом! Оставь в покое истинных католиков!

Кэрролл выглядел смущенным – то ли от внезапности этой вспышки, то ли оттого, что понимал по-итальянски, не могу сказать.

– Миссис Вигнелли, вы слишком перевозбуждены, – сказал он, взяв Розу за руку. – Видимо, причиной тому – это ужасное подозрение. Я позвоню вашему сыну и попрошу его заехать за вами.

Он попросил Яблонски принести несколько полотенец и усадил Розу в одно из кресел. Пелли присел на корточки рядом с ней и, улыбнувшись, укоризненно произнес:

– Миссис Вигнелли, церковь уважает и поддерживает тех, кто поддерживает ее, но даже рвение может стать грехом, если оно используется не во благо. Даже если вы подозреваете вашу племянницу в том, что она издевается над вами и вашей верой, будьте к ней милосердны. Подставляя достаточно долго другую щеку, вы одержите над ней победу.

Тонкие губы Розы превратились в невидимую линию.

– Вы правы, отец. Я сказала не подумав. Прости меня, Виктория. Я стара и придаю слишком большое значение мелочам.

От этого словоблудия меня чуть ли не стошнило. Я сардонически улыбнулась и заверила ее, что все в порядке.

Молодой монах вошел с кипой полотенец. Роза взяла их и нервными энергичными движениями вытерла платье, пол и стол.

– Вот так. А теперь, если позволите, я позвоню сыну. – Она слабо улыбнулась отцу Кэрроллу.

Пелли и Кэрролл проводили ее во внутренний кабинет. Я присела на один из складных стульев у стола. Яблонски разглядывал меня с живейшим любопытством.

– Вы имеете привычку бить свою тетью?

Я улыбнулась.

– Она стара. И потому придает слишком большое значение мелочам.

– С ней ужасно трудно, – внезапно проговорил он. – За те годы, что она у нас работает, мы потеряли множество служащих – никто не может удовлетворить ее. По какой-то причине она

еще прислушивается к Гасу, он единственный, кто может ее урезонить. Она спорит даже с Бонифацием, а надо быть очень нетерпимым, чтобы не поладить с ним.

– Тогда зачем вы ее держите? И почему взяли обратно?

– Она – один из незаменимых поборников церкви. – Он поморщился. – Она знает наши книги, она много работает, она старательна и... мы ей очень мало платим. Нам не найти никого, столь самоотверженного и знающего, за те деньги, которые мы можем предложить.

Я усмехнулась про себя: так Розе и надо. После всех ее антифеминистских нападок она сама стала жертвой дискриминации.

Роза вышла вместе с Пелли, прямая, как всегда, и, подчеркнуто игнорируя меня, попрощалась с Яблонски. Она сказала, что собирается подождать Альберта в холле. Пелли – единственный человек, который может общаться с Розой, – заботливо взял ее под локоть и проводил к двери. Ну что за характер! На какой-то миг мне пришло в голову: интересно, как сложилась бы ее жизнь, если бы был жив дядя Карл?

Кэрролл вернулся через несколько минут. Он сел и некоторое время молча смотрел на меня. Я пожалела, что позволила Розе разозлить себя.

Но заговорил он не о моей тете.

– Вы не могли бы сказать мне, почему вас интересуют «Корпус Кристи» и Агнес Пасиорек?

– Страховая компания «Аякс» находится в ряду крупнейших в стране фирм по страхованию имущества, – начала я, осторожно подбирая слова. – Один из ее служащих пришел ко мне пару недель назад, опасаясь, что в недалеком будущем кто-то тайно купит большинство ее акций. Я поговорила об этом с Агнес – у нее, как у брокера, был доступ к биржевой информации. В ночь, когда ее убили, она позвонила этому служащему «Аякса» и сказала, что собирается встретиться с кем-то, кто может внести в это дело какую-то ясность. По крайней мере, тот человек был последним, кто видел ее в живых. А, так как он – или она – не объявился, не исключено, что это и есть убийца. («Теперь будь начеку», – остерегла я себя.) Единственная улика, которая у меня есть, – это кое-какие наброски Агнес. Судя по некоторым словам, делая их, она думала об «Аяксе». На этом листке бумаги нацарапано название – «Корпус Кристи». Это не то что какая-то определенная запись, а просто подсознательные мысли, которые иногда машинально фиксирует рука, когда о чем-то размышляешь. Мне надо с чего-то начать, и я решила: а почему бы не с этой записи?

– Я действительно мало знаю об этой организации, – произнес Кэрролл. – Ее члены ревниво охраняют, свои тайны. Можно сказать, завет о том, что хорошие дела должны делаться втайне, они воспринимают буквально. Они приносят якобы монашеские клятвы, принимают обеты бедности и повиновения. У них своя внутренняя структура: во всех районах, где есть их члены, выбирается кто-то вроде настоятеля, которому они и повинуются. Настоятель может быть священником, но не обязательно. Хотя обычно это все-таки священник. Но даже и тогда он – тайный член организации и выполняет свои обязанности как обычную работу.

– Как же они могут давать обет бедности? Разве они живут в монастырях или в общинах?

Он покачал головой:

– Они отдают в «Корпус Кристи» все свои деньги, это может быть жалованье, наследство, прибыль от игры на бирже или что-то другое. Затем часть денег «Корпус» отдает им обратно – в соответствии с их запросами и образом жизни, который надо поддерживать. Скажем, вы адвокат. Возможно, они выделяли бы вам сто тысяч долларов в год. Понимаете, они не хотят, чтобы вам задавали вопросы, почему ваш уровень жизни гораздо ниже, чем у ваших

коллег-адвокатов.

В этот момент в комнату вернулся Пелли.

– Адвокатов, настоятель?

– Я пытаюсь объяснить мисс Варшавски, как работает «Корпус Кристи». Но знаю об этом совсем немного. А ты, Гас?

– Только то, о чем говорят все. А зачем вам это надо?

Я рассказала ему то, что сообщила Кэрроллу.

– Я бы хотел увидеть эти записи, – произнес Пелли. – Возможно, мне придет в голову какая-нибудь идея, подобная той, что была у нее.

– У меня их нет с собой. Но в следующий раз, когда я приеду, прихватю их. (Если не забуду изобразить что-нибудь на бумаге.)

Было почти половина пятого, когда я вернулась на Эйзенхауэр, снег пошел сильнее. К тому же стало темно, и было почти невозможно разглядеть дорогу. Машины передвигались со скоростью примерно пять миль в час. То и дело я проезжала мимо бедолаг, свалившихся в кювет.

Я приближалась к развилке на Белмонт, но все еще решала вопрос: не вернуться ли мне домой, отложив следующую поездку на более благоприятное время? Две сердитые леди за один день – явный перебор для моей нервной системы. Но чем скорее я поговорю с Кэтрин Пасиорек, тем быстрее выкину ее из своей жизни.

Я поехала дальше на север и только к семи добралась до развилки на Хаф-Дэй-роуд. В отличие от основных скоростных магистралей дороги были не расчищены. Я чуть не застряла несколько раз на Шеридан-роуд и все же накрепко засела сразу после поворота на Арбор-руд. Я вышла и задумчиво оглядела машину. Можно не сомневаться, никто в доме Пасиорек не подтолкнет меня.

– К тому времени, как я вернусь, тебе лучше быть в боевой готовности, – пригрозила я «омеге» и пошла пешком.

Я быстро шла сквозь густую пелену снега, радуясь, что у меня есть перчатки и теплые наушники, но отчаянно сожалела об отсутствии пальто. Влетев в гараж, я позвонила у боковой двери. Гараж отапливался и, ожидая, пока мне откроют, я потирала руки и притопывала ногами.

Дверь открыла Барбара Пасиорек, младшая сестра Агнес. В последний раз, когда я ее видела, ей было шесть лет. Теперь уже подросток, она очень походила на Агнес, когда я впервые познакомилась с ней, и волна воспоминаний захлестнула меня.

– Вик! – воскликнула Барбара. – Ты ехала из Чикаго в такую погоду? Мама тебя ждет? Проходи и грейся, – Мы вошли через заднюю прихожую, миновали огромную кухню, где кухарка была поглощена приготовлением ужина. – Отец застрял в госпитале – не может попасть домой, пока не расчистят дороги, поэтому мы собираемся ужинать через полчаса. Ты останешься?

– Конечно, если захочет твоя мама.

Я следовала за ней по смутно узнаваемым коридорам, пока мы не оказались в основной части здания. Барбара провела меня в так называемую семейную комнату. В комнате, по

размеру гораздо меньшей, чем оранжерея – всего-то двадцать или тридцать футов в поперечнике, – стояло пианино и был огромный камин. Миссис Пасиорек плела кружева, греясь у огня.

– Смотри, мама, кто к нам заехал, – объявила Барбара, словно преподнося приятный сюрприз.

Миссис Пасиорек подняла голову. Глубокая складка исказила ее красивый лоб.

– Виктория, не буду делать вид, что рада тебя видеть. Я не рада. Но мне нужно кое-что обсудить с тобой, и твой приезд избавил меня от неприятного звонка. Барбара! Оставьте нас.

Девочка, казалось, была удивлена и обижена столь откровенной враждебностью матери.

– Барбара, – сказала я, – не могла бы ты кое-что для меня сделать? Пока мы с твоей мамой будем разговаривать, разыщи, пожалуйста, бензоколонку, где был бы грузовик с буксировочным тросом. Моя «омега» застряла в полумиле отсюда на дороге. Если ты позвонишь сейчас, ко времени моего ухода у них, возможно, найдется свободный грузовик.

Я села в кресло у огня напротив миссис Пасиорек. Она отложила свою работу с раздражающей аккуратностью, напомнив мне Розу.

– Виктория, ты развратила и разрушила жизнь моего старшего ребенка. Не удивительно ли, что ты нежеланный гость в этом доме?

– Кэтрин, это чушь собачья, и ты об этом знаешь.

Ее лицо побагровело. Прежде, чем она успела ответить, я пожалела о своей грубости – ну что делать, если сегодняшний день сводит меня исключительно со злыми женщинами?

– Агнес была прекрасным человеком, – мягко сказала я. – Вы должны гордиться ею и ее успехами. Мало кто добивается того, чего достигла она, особенно среди женщин. Она была привлекательна и обладала большим мужеством. Она многое переняла от вас. Гордитесь ею. И скорбите о ней.

Как и Роза, она слишком долго жила со своей ненавистью, чтобы так просто расстаться с ней.

– Я не доставлю тебе удовольствия, затеяв с тобой спор, Виктория. Достаточно того, что Агнес знала о противоположности наших взглядов. Аборты... Вьетнамская война. И худшее из всего – церковь. Мне казалось, наше фамильное имя запятнано со всех сторон. Я не понимала, как много я могу простить, пока Агнес не объявила публично, что она гомосексуальна.

Я широко раскрыла глаза.

– Публично! Она действительно объявила об этом прямо посреди Ла-Салль? Там, где каждый таксист Чикаго мог ее услышать?

– Я понимаю, ты считаешь себя очень остроумной. Но она с таким же успехом могла бы прокричать об этом и посреди улицы. Все знали об этом. И она гордилась этим. Гордилась! Даже архиепископ Фарбер согласился поговорить с ней, объяснить, какому поруганию она подвергает свое тело. И свою семью. А она посмеялась над ним. Назвала ему имена своих любовниц. Говорила такие вещи, которые только тебе могли прийти в голову. Ты втянула ее в это, так же как и в другие ужасные дела. А потом – подумать только! – привезла сюда эту тварь, эту порочную женщину на похороны моей дочери.

– Можно полюбопытствовать, Кэтрин, как Агнес называла архиепископа Фарбера?

Ее лицо опять покраснело.

– Это показывает твоё отношение к жизни. Ты совсем не уважаешь людей.

Я покачала головой:

– Неправда. Я очень уважаю людей. Я уважала, например, Агнес и Филлис. Не знаю, почему Агнес выбрала такой вид сексуальных отношений. Но она любила Филлис Лординг, а Филлис любила ее, и они счастливо жили вместе. Если бы хоть пять процентов супружеских пар приносили друг другу столько удовлетворения, не было бы такого количества разводов, как сейчас... Филлис – интересная женщина. Она известный ученый. Если бы вы прочитали ее книгу «Мир Сапфо», то поняли бы, что значили они с Агнес друг для друга.

– Как ты можешь сидеть здесь и рассуждать об этом... извращении да еще осмеливаешься сравнивать это с таинством брака?

Я провела рукой по лицу. Огонь вгонял меня в сон и навевал некоторое легкомыслие.

– Мы никогда не придем к соглашению по этому поводу. Возможно, нам следует договориться не обсуждать больше этот вопрос. По какой-то причине злоба по поводу образа жизни Агнес приносит вам утешение, так же как и обвинения в мой адрес. Меня это мало волнует. Если хотите оставаться слепой в отношении характера вашей дочери, ее личности и ее выбора – это ваше право. Ваши взгляды не изменяют истинного положения вещей. И они делают несчастным только одного человека – вас. Возможно, и Барбару. И доктора Пасиорека. Но основная жертва – вы.

– Зачем ты привезла ее на похороны?

Я вздохнула:

– Не для того чтобы облить вас грязью, хотите – верьте, хотите – нет. Филлис любила Агнес. Она хотела увидеть ее похороны. Ей надо было проститься с ней... Зачем я все это говорю? Вы все равно не слушаете. Просто вам нужно горячее, чтобы поддерживать свою ненависть. Но я приехала сюда в такую погоду не для того, чтобы говорить о Филлис Лординг, хотя это и доставило мне удовольствие. Я хочу спросить вас о ваших сделках с акциями. Конкретно, почему вы решили приобрести в прошлом месяце две тысячи акций «Аякса»?

– «Аякса»? О чем ты говоришь?

– «Аякс» – страховая компания. Второго декабря вы купили две тысячи акций. Для чего?

Ее лицо побледнело, в свете камина кожа на лице стала похожа на бумагу. По-моему, хирург-кардиолог мог бы поговорить со своей женой о влиянии перепадов ее настроения на состояние сердца. Но говорят, меньше всего замечаешь, что происходит с твоими близкими. Она снова овладела собой.

– Думаю, ты не поймешь, что значит иметь много денег. Я не знаю, сколько стоят две тысячи акций «Аякса»...

– Почти сто двадцать тысяч на сегодняшний день, – с готовностью вставила я.

– Да, но это только небольшая часть состояния, которое оставил мне мой отец. Возможно, мои бухгалтеры решили, что это хорошее вложение денег. Они не консультируются со мной по поводу таких незначительных сделок.

Я восхищенно улынулась.

– Могу их понять. А как насчет «Корпуса Кристи»? Вы ведь рьяная католичка. Что вы можете сказать о нем?

– Пожалуйста, уходи, Виктория. Я устала, и мне пора ужинать.

– Вы ведь член этой организации, Кэтрин?

– Не называй меня Кэтрин. Лучше – миссис Пасиорек.

– А я бы предпочла, чтобы вы называли меня мисс Варшавски... Так что же – вы член «Корпуса Кристи», миссис Пасиорек?

– Никогда о таком не слышала.

Похоже, больше обсуждать было нечего. Я собралась уходить, затем вспомнила еще кое-что и остановилась в дверях:

– А как насчет корпорации «Вуд-Сейдж»? Может, о ней вы что-нибудь знаете?

Возможно, это был всего лишь отблеск огня, но мне показалось, что ее глаза на мгновение вспыхнули.

– Уходи! – отрезала она.

Барбара ждала меня в конце коридора, оттуда он под углом отходил к задней части дома.

– Твоя машина в гараже, Вик.

Я благодарно улынулась ей. Как она ухитрилась вырасти нормальной и доброжелательной с такой матерью?

– Сколько я тебе должна? Двадцать пять? Она покачала головой:

– Ничего. Я... я сожалею, что мама так груба с тобой.

– Значит, ты хочешь загладить ее вину? – Я вытащила бумажник. – Ты не должна этого делать, Барбара. То, что говорит мне твоя мама, не влияет на мое отношение к тебе.

Я вложила деньги ей в руку. Она застенчиво улынулась:

– Только двадцать.

Я забрала пятерку.

– Ты не обидишься, если я кое-что у тебя спрошу? Вы с Агнес были... как мама говорит... – Она осеклась, сильно покраснев.

– Были ли мы с твоей сестрой любовницами? Нет. И хотя я очень люблю многих женщин, ни одна из них не была моей любовницей. Но твоей матери доставляет удовольствие думать, что Агнес не могла принять своего собственного решения.

– Понимаю... Надеюсь, ты не рассердилась, не подумала, что...

Ничуть. Не беспокойся об этом. Позвони, если захочешь поговорить о сестре. Она была прекрасной женщиной. Или позвони Филлис Лординг. Она будет очень признательна.

Когда я вернулась домой, было так поздно, что я даже не проверила автоответчик, отложив это до утра. Поэтому только на следующий день я узнала, что несколько раз звонил Роджер, а также Мюррей Райерсон. Сперва я связалась с Мюрреем.

– Мне кажется, я нашел твоего дружка Уолтера. Мужчина по имени Уоллис Смит обратился в прошлый четверг со сломанной челюстью в больницу Святого Винсента. Он заплатил наличными, и, что удивительно, счет составил примерно тысячу долларов, хотя он находился там всего одну ночь. Впрочем, недаром говорят, хорошее медицинское обслуживание стоит сегодня не дешевле маленькой атомной подводной лодки.

– Адрес он оставил фальшивый?

– Боюсь, что так. Это пустой коттедж в Нью-Тауне. Но у нас есть неплохое описание его, полученное от ночной медсестры кабинета неотложной помощи. Крупный угрюмый парень с темными вьющимися волосами, спереди лысина. Без бороды. Я передал эту информацию своему приятелю в полиции. Он сказал, похоже на Уолтера Новика. Этот малый – грузчик и обычно пользуется ножом, что, возможно, объясняет его неудачу с кислотой. – Я промолчала, и Мюррей добавил сочувственно: – Извини. По-моему, неудачная шутка. Ну, короче, он одиночка, хотя немало поработал на Аннунцио Паскуале.

Я почувствовала непривычный прилив страха. Аннунцио Паскуале. Крупная мафиозная фигура. Убийства, пытки – все, что угодно... Что я могла сделать, чтобы вызвать интерес такого человека?

– Ты там, Вик?

– Да. И пробуду здесь еще несколько часов. Пришли на мои похороны ирисы, я всегда недолюбливала лилии.

– Конечно, малыш. Не открывай кому зря дверь и смотри по сторонам, когда переходишь Холстед... Возможно, я состряпаю маленькую статейку, это немного обезопасит для тебя главные улицы.

– Спасибо, Мюррей, – механически ответила я и повесила трубку.

Паскуале... Должно быть, это связано с поддельными акциями. Должно быть. Если хочешь изготовить фальшивые деньги и пустить их в оборот, кого ты первым делом найдешь? Мафиози. То же касается и акций.

Я нелегко пугаюсь. Но я не героиня детективных сериалов – мне не удастся прибрать к рукам организованную преступность. Если Паскуале действительно связан с подложными акциями, я уступлю во всем. Кроме одного. Моей жизни беспричинно угрожают. Нет, не просто жизни – моему зрению, здоровью. Если я спущу это, то уже никогда не буду жить в мире сама с собой.

Я взглянула в сторону стопки газет на кофейном столике и поморщилась. Выход можно было бы найти: если бы поговорить с Паскуале; объяснить, что наши интересы не совпадают; дать ему понять, что дело с фальшивыми акциями остается на его совести, я не буду копать дальше – я займусь другим, если он перестанет покровительствовать Новикку.

Как бы довести эту информацию до Паскуале? Объявление в «Геральд-стар» сработало бы,

но тогда на меня навалится закон. Хэтфилд с удовольствием вытянет меня в федеральный суд.

Я позвонила одной знакомой в офисе окружного прокурора.

– Мэгги, это Ви. Ай. Варшавски. Я хотела попросить тебя об одолжении.

– Я собираюсь в суд, Ви. Ай. Ты не могла бы подождать?

– Это не займет много времени. Я просто хочу узнать сферу влияния дона Паскуале: рестораны, прачечные, ну и тому подобное, где я могла бы осторожно с ним связаться.

На другом конце воцарилось долгое молчание.

– Ты случайно не собираешься на него работать?

– Ни в коем случае, Мэгги. Я бы не смогла выдержать твой допрос в суде.

Опять молчание, затем она сказала:

– Думаю, мне лучше не знать, зачем тебе это. Позвоню, когда освобожусь, возможно, в три.

Я беспокойно бродила по квартире. Можно не сомневаться: по телефону говорил со мной не Паскуале. Я видела его раз или два в здании федерального суда, слышала его речь – у него сильный итальянский акцент. Кроме того, даже если допустить, что Паскуале замешан в деле с фальшивыми акциями, что подделал их он, все равно кто-то должен был положить их в монастырский сейф. Возможно, он жил в Мелроуз-парке, возможно, посещал монастырскую церковь, но даже и в этом случае ему пришлось бы подкупить массу людей, чтобы добраться до сейфа. Бонифаций Кэрролл и Августин Пелли – первые люди в мафии? Нелепо.

Остается еще Роза. Я прыснула от смеха, вообразив Розу любовницей гангстера. Уж она бы крепко держала его в руках – не получишь спагетти, Аннунцио, пока не обольешь мою племянницу кислотой.

Внезапно я вспомнила о кузене Альберте. До этого я даже не думала о нем. Он всегда был в тени Розы. Но... он ведь был финансистом, а мафиози всегда найдет применение хорошему финансисту. И вот он предстал перед моим мысленным взором: рыхлый, сорокалетний, неженатый, подавленный своей поистине ужасной матерью. Может, это породило в нем антиобщественный дух, во мне Роза точно вызвала бы подобное чувство. Что, если Роза позвонила мне без его ведома? А потом он убедил ее отделаться от меня. По какой-то непонятной причине он украл монастырские акции и заменил их поддельными, а когда началось расследование, снова подменил акции. Ведь он мог в любое время узнать у Розы цифровой шифр сейфа.

Приготавливая на обед яйца с соусом кэрри, горошком и помидорами, я продолжала выстраивать обвинительное заключение против Альберта. Я знала его очень плохо. За его обрюзгшей, аморфной внешностью могло скрываться все, что угодно:

Когда яйца с соусом кэрри были почти готовы, позвонил. Роджер Феррант. Я весело приветствовала его.

– Вик, ты снова похожа сама на себя. Мне надо поговорить с тобой.

– Очень хорошо. Есть что-нибудь новенькое насчет «Аякса»?

– Нет. Мне надо обсудить с тобой кое-что еще. Давай пообедаем вместе?

Поддавшись порыву, все еще занятая мыслями об Альберте, я не просто согласилась, но даже предложила приготовить обед. Положив трубку, я обругала себя – придется теперь убирать эту проклятую кухню.

Несколько удрученная, я вычистила массу вонючих кастрюль и тарелок. Заправила постель. По занесенным снегом тротуарам дотащиась до магазина, купила говядину и приготовила ее по-бургундски – с луком, грибами, солониной и, конечно, бургундским вином. Чтобы продемонстрировать Роджеру, что я его больше не подозреваю – по крайней мере, не сейчас, – я решила разлить вино в красные венецианские бокалы, которые мама тайно вывезла из Италии. Она провезла восемь штук, аккуратно завернув их в нижнее белье, но один из них разбился несколько лет назад, когда обыскивали мою квартиру. Теперь я держу их в платяном шкафу в самом дальнем углу.

Когда Мэгги позвонила в половине пятого, я оценила пользу, приносимую домашней работой, – она заставляет забыть о всех проблемах. Я была так занята весь день, что и не вспомнила о доне Паскуале.

Ее голос вернул ощущение страха, запрятанное где-то в желудке.

– Я мельком просмотрела его досье. Одно из его любимых мест – «Торфино» в Элмвуд-парке.

Я сердечно поблагодарила ее.

– Не стоит, – грустно ответила она. – Я не думаю, что оказываю тебе услугу, сообщая это. Подталкиваю на опасную дорожку – вот и все. К тому же я прекрасно понимаю, что ты и сама бы это узнала: один из твоих дружков-газетчиков с удовольствием отправит тебя в могилу, лишь бы состряпать какую-нибудь сенсационную статью. – Она помедлила. – Ты всегда была наособицу еще в общественной службе защиты. Я ненавидела выступать против тебя, потому что никогда не знала, какую еще немыслимую защиту ты подготовишь. Ты прекрасный детектив, и у тебя неисчерпаемое честолюбие. Если ты нашла на след Паскуале, лучше позвони в полицию или в ФБР. У них есть все средства, чтобы управиться с мафией, но даже и они постоянно проигрывают ей.

– Спасибо, Мэгги, – еле слышно ответила я. – Ценю твою заботу. Правда. Я подумаю над этим.

Я разыскала телефон ресторана «Торфино». Когда я позвонила и попросила дону Паскуале, грубый голос на другом конце ответил, что никогда не слышал такого имени, и трубку бросили.

Я снова позвонила. Ответил тот же голос.

– Не кладите трубку, – сказала я. – Если вы когда-нибудь встретите дону Паскуале, я хотела бы кое-что ему передать.

– Да? – нехотя откликнулся голос.

– Это Ви. Ай. Варшавски. Я бы с удовольствием поговорила с ним. – Затем продиктовала по слогам свою фамилию, дала номер телефона и положила трубку.

Теперь мой желудок разбушевался не на шутку. Я даже стала сомневаться, смогу ли управиться с Роджером или с обедом, а тем более с ними обоими. Чтобы расслабиться, я пошла в гостиную и начала играть гаммы на стареньком мамином пианино. Сделала глубокий вдох. Теперь гамма по нисходящей. Так. Потом запела. Я пела в течение сорока пяти минут, пела с таким яростным напором, что, когда остановилась, у меня зазвенело в ушах. Надо бы

регулярно тренироваться. Не считая красных бокалов, мой голос – это единственное, что я унаследовала от Габриелы.

Мне стало лучше. Когда приехал Роджер с бутылкой шампанского и охапкой белых гвоздик, мне удалось радостно поздороваться с ним и ответить на его вежливый поцелуй. Он прошел за мной на кухню, где я завершала приготовление обеда. И для чего я только убиралась? Там царил такой беспорядок, что завтра утром снова придется приниматься за работу.

– Я потеряла тебя на похоронах Агнес, – сказала я ему. – Ты пропустил занимательную сцену с некоторыми ее родственниками.

– Вот и хорошо. Я не очень-то люблю сцены.

Я нарезала салат и вручила ему блюдо, затем достала из духовки жаркое. Мы прошли в столовую. Пока я накрывала на стол, Роджер открыл шампанское. Некоторое время мы ели молча, Роджер не отрывал взгляда от тарелки. Наконец я произнесла:

– Ты говорил, что хотел обсудить со мной кое-что, насколько я понимаю, не особенно приятное.

Он взглянул на меня:

– Я уже говорил, что не выношу сцен. Но боюсь, то, что я хочу обсудить, тоже закончится сценой.

Я поставила бокал.

– Надеюсь, ты не собираешься убеждать меня прекратить расследование? Это приведет к первоклассной драке.

– Нет. Хотя не могу сказать, что в восторге от этого. Но это твой путь, вот и все. Ты закрыла для меня эту тему. Я понимаю, что мы не так много времени вместе и потому у меня нет на тебя никаких прав, но, понимаешь, последние несколько дней ты чертовски холодна и недружелюбна. С тех пор как застрелили Агнес, ты ужасно ко мне переменялась.

– Понимаю... Похоже, я затронула очень влиятельных людей. Я боюсь, и мне это не нравится. Я не знаю, кому доверять, и это мешает мне быть открытой и дружелюбной, даже с близкими друзьями.

Его лицо сердито сморщилось:

– Что, черт возьми, я сделал такого, чтобы заслужить это?

Я пожала плечами:

– Ничего. Но я не очень хорошо тебя знаю, Роджер, и не знаю, с кем ты общаешься. Послушай. Я понимаю, что была раздражена, и не обижаюсь на тебя за то, что ты разозлился. Я влипла в историю, которая поначалу озадачила меня, опасной она мне не казалась. Это теткинны проблемы с подложными акциями. Но потом кто-то попытался облить меня кислотой. – Роджер был поражен. – Да. Прямо на моей лестничной площадке. Кто-то, кому надо убрать меня подальше от монастыря. Конечно, я не думаю, что это ты. Но я не знаю, откуда идет угроза, и невольно отдаляюсь от людей. Я знаю, что это чертовски некрасиво, но ничего не могу с собой поделать... Да еще Агнес убили... Меня не оставляет ощущение вины, ведь это я направила тебя к ней. Даже если ее убийство не имеет отношения к «Аяксу», что вполне вероятно, я все-таки чувствую себя ответственной за ее смерть. Она задержалась допоздна, возможно, собираясь встретиться с кем-то, кто знал что-то о повышении акций «Аякса». Я не очень понятно говорю, но ты улавливаешь мою

мысль?

Он провел рукой по волосам.

– Но, Вик, почему ты не сказала мне об этом раньше? Почему ты просто отдалилась от меня?

– Не знаю. Я так действую, и все, поэтому я частный детектив, а не коп и не федеральный агент.

– Ладно, но ты хоть можешь рассказать мне о кислоте?

– Ты был здесь, когда мне впервые угрожали по телефону. Ну а на прошлой неделе угрозу привели в исполнение. Я ожидала нападения и сломала парню челюсть, поэтому он попал кислотой мне на шею, а не на лицо. И все же это было... ужасно. Потом я слышала голос того типа, что говорил по телефону, на похоронах Агнес. Но разыскать мне его не удалось.

Я описала голос и спросила у Роджера, не встречал ли он кого-либо похожего.

– Понимаешь, у него голос человека, который вырос не в англоязычной среде и тщательно маскирует акцент. А возможно, у него есть определенные особенности речи – растягивание слов например – и он старается это скрыть.

Роджер покачал головой.

– Я плохо разбираюсь в американских акцентах... Но, Вик, почему ты не сказала мне это? Ты ведь не думаешь, что я замешан в эту историю, правда?

– Нет. Конечно, нет. Мне просто нужно самой попытаться решить свои проблемы. Я не хочу превращаться в паникершу, которая сразу несется к мужчине, если у нее что-то не клеится.

– А разве нельзя найти нечто среднее между этими двумя крайностями? Ну, например, рассказать кому-нибудь о своих бедах и в то же время решать все проблемы самостоятельно?

Я усмехнулась:

– Имеешь в виду себя, Роджер?

– А почему бы и нет?

– Я подумаю над твоим предложением.

Я выпила еще шампанского. Он спросил, предпринимаю ли я что-нибудь относительно «Аякса». Мне не хотелось распространяться насчет своего полночного приключения в «Тилфорд и Саттон» – такие истории очень быстро расходятся, – и я просто ответила, что немного покопалась в этом деле.

– Я наткнулась случайно на название одной холдинговой компании – «Вуд-Сейдж». Не думаю, что они связаны с твоей проблемой, но есть там кое-что странное. Ты не мог бы поговорить со своим специалистом и узнать, что он о них слышал? Или с кем-нибудь из своих служащих?

Роджер подался вперед.

– Вот это да! Мальчик на побегушках для Ви. Ай. Варшавски! Гангстеры в фильмах называют своих куколок «Молли». А как же ты назовешь меня?

Я рассмеялась:

– Не знаю. Могу экипировать тебя автоматом, тогда ты будешь действовать в лучших чикагских традициях.

Роджер протянул через стол свою длинную руку и сжал мою.

– Мне это нравится. Будет о чем рассказать на суде. Только... не отбрасывай меня, Ви. Ай. Или, по крайней мере, объясняй, почему ты это делаешь. В противном случае я начинаю думать, что меня отвергли, и мной овладевают комплексы и всякие другие фрейдистские штучки.

– Договорились.

Я освободила свою руку и, обойдя стол, подошла к нему. Я не осуждаю мужчин за пристрастие к длинным волосам у женщин. Было что-то эротичное и успокаивающее в том, как я расчесывала длинную челку, которая постоянно падала Ферранту на глаза.

Иногда я даже чувствую, что мне хочется побаловать мужчину. Я поцеловала Роджера и ослабила галстук, и после того как мы несколько минут неловко повозились на стуле, я потащила его в спальню.

Мы провели несколько приятных часов и уснули около десяти. Если бы мы не легли так рано, мой самый крепкий сон продлился бы до половины четвертого утра. И дым не смог бы меня разбудить.

Я в раздражении села на кровати, думая, что снова живу со своим мужем, одной из невыносимых привычек которого было курение в постели. Но едкий запах не был похож на сигаретный дым.

– Роджер! – Я трясла его, шаря в темноте в поисках брюк. – Роджер! Просыпайся! Мы горим!

Должно быть, я оставила плиту включенной. Я бросилась на кухню в твердой решимости самой потушить огонь.

Кухня была объята пламенем. Так это описывается в газетах. Теперь я понимаю, что имеется в виду. Огненные языки ползли по стенам, длинные оранжевые ленты тянулись по полу, направляясь к столовой. Они потрескивали, гудели и изрыгали клубы дыма.

За мной оказался Роджер.

– Не смей, Ви. Ай! – закричал он, перекрывая треск бушующего пламени, и тут же сгреб меня в охапку, подталкивая к входной двери. Я схватилась за ручку, чтобы повернуть ее, и, обжегшись, отдернула руку. Потрогала двери. Они были огненные. Я тряхнула головой, стараясь прогнать панику.

– Дверь тоже горит! – воскликнула я. – Есть пожарный выход в спальне! Быстрее!

Снова в коридор, теперь уже забитый серым дымом. Дышать нечем. Ползем по полу. Мимо столовой. Мимо остатков праздника. Мимо красных венецианских бокалов матери, тайком вывезенных из Италии, спрятанных от фашистов, нашедших приют в опасных южных районах Чикаго. Я бросилась в гостиную и стала искать их в дыму, разбивая тарелки, разливая остатки шампанского, а Роджер, стоя в дверном проеме, кричал от ужаса.

Потом мы ввалились в спальню и завернулись в одеяла. Прежде, чем открыть окно, надо закрыть дверь, чтобы воздух не раздул пламя, которое поглощает кислород. Роджер никак не мог открыть окно. Его не открывали годами, и шпингалеты были замазаны белой краской. Он

потратил несколько драгоценных секунд, взясь с окном и, когда в комнате уже бушевал пожар, обернул руку одеялом и разбил стекло. Через оцетинившуюся осколками стекла раму я выскочила за ним в морозную январскую ночь.

Мы простояли несколько секунд, прижимаясь друг к другу и судорожно глотая воздух. Роджер связал в узел всю одежду, которую нашел на краю кровати, и теперь мы рассортировали эти жалкие остатки. Роджер нашарил брюки и стал их натягивать. На мне были джинсы. Рубашка осталась в квартире. Ботинки тоже. В кучу попал один шерстяной носок и пара домашних тапочек. Мороз вцепился мне в ступни, как будто прожигая их насквозь. Тапочки были изношенные, но кожа, отделанная кроличьим мехом, все-таки кое-как спасала от холода. Я завернулась в одеяло и стала спускаться по скользким заледеневшим перекладинам, вцепившись одной рукой в бокалы, а другой – в перила.

Роджер, в ботинках с незавязанными шнурками, в брюках и рубашке, лез следом за мной и, стуча зубами, говорил:

– Вик, возьми мою рубашку.

– Оставь, – бросила я через плечо. – Тебе и так холодно. У меня есть одеяло... Надо разбудить ребят на втором этаже. У тебя длинные ноги, может быть, ты сможешь повиснуть на конце лестницы – она кончается именно там – и прыгнуть вниз. Если ты возьмешь мои драгоценные бокалы, я влезу в окно и доберусь до студентов.

Он начал было спорить, рыцарство и все такое, но понял, что это совершенно бесполезно. Я не собиралась терять бокалы, и все тут. Схватившись за последнюю обледеневшую ступеньку пожарной лестницы голыми руками, он повис примерно в четырех футах от земли. Потом прыгнул и протянул длинную руку за бокалами. Я зацепилась ногами за одну из перекладин и повисла головой вниз. Наши кончики пальцев едва соприкоснулись.

– Даю тебе три минуты, Вик. Потом полезу доставать тебя.

Я кивнула и направилась к окну спальни на втором этаже.

Пока я расталкивала и поднимала двух перепуганных молодых студентов, спавших на полу на матрасе, мой мозг работал над вопросом: как это могло произойти? Огонь у входной двери, огонь на кухне. Допустим, я оставила включенной плиту, но пламя у входной двери? Почему горели только верхние этажи?

Студенты – парень и девчонка в спальне, и еще одна девушка в гостиной – растерялись и принялись собирать свои тетрадки. Я грубо приказала им одеться и уходить. Взяла из кучи вещей в спальне свитер, надела его и силком выгнала их из квартиры через окно на пожарную лестницу.

Когда мы наполовину съехали, наполовину прыгнули в сугроб под окном, к дому подъехали пожарные машины. На этот раз я была благодарна нашему управляющему за то, что он не чистит снег – это очень смягчило удар при падении.

Я обнаружила Роджера у входа в дом с моими соседями с первого этажа, пожилой супружеской четой из Японии по фамилии Такамоку. Он вытащил их через окно. Возле пожарных машин собралась толпа. Как забавно! Пожар среди ночи! В мигающих красных отблесках пожарных и синих отсветах полицейских машин я видела злорадствующие лица, наблюдающие, как гибнет мое маленькое гнездо.

Роджер протянул мне бокалы, и я прижала их к себе, дрожа от холода. Он обнял меня одной рукой. Я вспомнила об оставшихся пяти бокалах, запертых в моей квартире, в дыму и пламени.

О Габриела, – пробормотала я, – мне так жаль...

Глава 16

Счастье не вечно

На санитарных машинах нас отправили в больницу Святого Винсента. Молодой врач, кудрявый и изможденный, провел необходимое обследование. Никто серьезно не пострадал, хотя мы с Феррантом с удивлением обнаружили на руках ожоги и порезы – мы были слишком взвинчены, чтобы что-то замечать.

Такамоку пожар сильно напугал. Они были интернированы во время Второй мировой войны и тихо жили в Чикаго, гибель их крошечного островка спокойствия поразила их как гром среди ясного неба. Врач решил оставить стариков в больнице день-другой, пока дочь не прилетит из Лос-Анджелеса и не позаботится о них.

Студенты были крайне возбуждены, они без остановки болтали и кричали. Нервное потрясение, однако окружающим от этого не легче. Когда в шесть часов приехала полиция и стала нас опрашивать, они все время перебивали друг друга, стремясь по-своему рассказать происшедшее.

Доминик Ассуево из управления противопожарной безопасности был мужчиной бычьего телосложения – квадратная голова, толстая короткая шея, туловище, суживающееся книзу до удивительно маленьких бедер. Возможно, бывший боксер или футболист. С ним прибыли пожарник в форме и Бобби Мэллори.

Я сидела в оцепенении, потрясенная уничтожением моей квартиры, абсолютно не способная ни о чем думать. И неспособная двигаться. Взглянув на Бобби, я поняла, что надо собраться с силами. Я сделала глубокий вдох. Это не дало никакого результата.

Молодой врач устало разрешил задавать нам вопросы – всем, кроме Такамоку, которых уже перевели в больничную палату. Мы перешли в маленькую комнату возле кабинета оказания первой помощи, где хранились медикаменты, которая охранялась двумя сонными больничными служащими. Для восьмерых комнатка была маловата: полицейские и один из студентов стояли, остальные разместились на стульях.

Мэллори с отвращением взглянул на меня и сказал:

– Посмотрела бы ты сейчас на себя, Варшавски. Полуголая, грязная, и твой дружок не лучше. Никогда не думал, что доживу до того дня, когда буду радоваться смерти Тони, но сейчас я рад, что он тебя не видит.

Его слова подействовали на меня как тонизирующее средство. Умиравшая боевая лошадь поднялась на ноги, услышав зов трубы. Обвинения полицейских обычно пробуждают меня.

– Спасибо, Бобби. Я ценю твоё отношение.

Тут же вмешался Ассуево:

– Мне нужен полный отчет о том, что произошло этой ночью. Как вы узнали о пожаре, что делали потом.

– Я спала, – объяснила я. – Меня разбудил дым. Со мной был мистер Феррант. Мы поняли,

что горит кухня, попробовали выйти через входную дверь и обнаружили, что она тоже в огне. Мы выбрались по пожарной лестнице, я разбудила вот этих молодых людей, он позаботился о мистере и миссис Такамоку. Это все, что я знаю.

Роджер подтвердил мой рассказ. Мы оба поклялись, что, когда мы будили людей, они дрыхли без задних ног. Могли ли они притворяться, хотел знать Ассуево.

Феррант пожал плечами:

– Может быть, но мне показалось, что они крепко спали. Я не задумывался над этим, мистер Ассуево. Просто поднял их и помог выбраться.

Покончив с этим, Ассуево начал докапываться до нашего отношения к хозяину дома: был ли кто-нибудь им недоволен, какие у нас проблемы с квартирой и как он с нами обращался.

К моему облегчению, даже перевозбужденные студенты поняли, куда он клонил.

– Он же хозяин, зачем ему это? – сказала одна из девушек, худая с длинными волосами, которая спала в гостиной. Двое других с ней согласились. – Понимаете, квартира была чистая, а плата низкая. Ничего другого нам и не нужно.

Потолковав несколько минут в таком духе, Ассуево отозвал Бобби к двери, пошептался с ним и сказал студентам, что они свободны.

– Почему ты тоже не уходишь? – спросила я Роджера. – Тебе ведь надо ехать в «Аякс», разве не так?

Феррант положил руку мне на плечо:

– Не будь такой невыносимой, Ви. Ай. Я позвоню секретарше – сейчас только семь часов. Мы вместе разберемся в этом вопросе.

– Спасибо, мистер Феррант, – быстро проговорил Ассуево. – Так как во время пожара вы были в квартире, мы бы все равно попросили вас остаться.

– Почему бы вам не объяснить, откуда вы знаете друг друга и почему оказались вместе? – добавил Бобби.

Я холодно посмотрела на Мэллори:

– Я понимаю, куда ты клонишь, и мне это не нравится. Если ты намекаешь, что мистер Феррант или я знали что-то о пожаре, мы будем настаивать, чтобы нам было предъявлено обвинение, без этого мы отвечать на вопросы не будем. И я вызову своего адвоката.

Роджер почесал подбородок.

– Я готов ответить на любые вопросы, которые помогут разобраться в этом деле; полагаю, всем понятно, что квартиру подожгли, но если вы обвиняете меня в каком-то нарушении законов, я лучше позвоню британскому консулу.

– Ну-ну, полегче, вы оба. Мне нужно выяснить, что вы делали сегодня ночью.

Я усмехнулась.

– Не надо, Бобби. Тебе придется густо покраснеть.

Снова вмешался Ассуево.

– Кто-то пытался убить вас, мисс Варшавски. Чтобы проникнуть в дом, они сломали замок на парадной двери, облили вашу дверь керосином и подожгли ее. Если хотите знать мое мнение, вам повезло, что вы остались в живых. Теперь мы с лейтенантом хотим убедиться, мисс Варшавски, что около вас нет парня (он вскинул брови, чтобы дать мне понять, что слово «парень» имеет фигуральное значение), который подбирается к вам лично. А может быть, кто-то имеет зуб на хозяина дома, и вы тут лицо, случайно пострадавшее. Но, возможно, это был выпад против вас, понятно? А может, мистер Феррант (быстрый жест в сторону Ферранта) находится здесь, чтобы подтвердить, что ночью вы были в квартире. Так что не будьте такой сердитой дамой. Мы с лейтенантом просто выполняем свою работу. Стараемся вас защитить. Если, конечно, вы не инспирировали пожар сами, а?

Я взглянула на Роджера. Прежде, чем заговорить, он откинул со лба прядь волос и расправил несуществующий галстук.

– Я понимаю, вы хотите в этом разобраться, мистер Ассуево. Я принимал участие в расследованиях в связи со страхованием от пожара и знаю: вы должны проверить все версии. Но, возможно, в ходе этого мы могли бы попытаться выяснить, кто действительно совершил поджог. – Он повернулся ко мне. – Мисс Варшавски, вы не считаете, что это мог быть тот, кто бросил...

– Нет, – твердо сказала я, прерывая его, – я в этом уверена.

– Тогда кто? Если это не было направлено персонально... А не те ли это люди, что застрелили Агнес? – Роджер взглянул на Мэллори. – Понимаете, мисс Пасиорек была убита недавно, когда выясняла кое-что для меня. Теперь мисс Варшавски пытается закончить это расследование. Вот где вам действительно стоит покопаться.

Роджер, ты болван, подумала я. Как только это пришло тебе в голову? Мэллори и Ассуево заговорили одновременно.

– Бросил что? – требовательно спросил Бобби.

– Кто такая мисс Пасиорек? – поддержал его Ассуево.

Когда они успокоились, я сказала Бобби:

– Не хотите рассказать о мисс Пасиорек мистеру Ассуево, лейтенант?

– Не дави на меня, Варшавски, – предостерег он. – Мы ведь уже говорили об этом. Если у вас с мистером Феррантом есть убедительные доказательства, что Агнес Пасиорек была убита в связи с делами этой «Аякс», дайте их мне, и я доведу дело до конца. Но пока то, что вы сказали, не более как чувство вины, которое испытывают все родственники и друзья, – ее убили потому, что я не сделал того или этого, потому что я попросил ее задержаться на работе и тому подобное. Вы можете что-либо добавить к сказанному, мистер Феррант?

Роджер покачал головой:

– Но она сказала мне, что останется, чтобы поговорить с кем-то об акциях «Аякса».

Бобби вздохнул с преувеличенным терпением.

– Об этом-то я и говорю. Ты ведь училась в колледже, Вики. Объясни ему, что такое логика и логическая связь одного с другим. Она поздно работала над проблемой «Аякса», и ее застрелили. Где связь?

– А... – вставил Ассуево. – Это та женщина-брокер, которую убили. Племянница мужа моей сестры – двоюродная сестра ее секретарши... Вы полагаете, что это как-то связано с

пожаром, мисс Варшавски?

Я пожала плечами.

– Расскажите мне что-нибудь о поджоге. Вы не узнаете, чей это почерк?

– Это могло быть сделано любым профессионалом. Быстро, чисто, минимум горючего, никаких отпечатков – их и не должно быть в середине января. Никаких улик. Это было организовано, мисс Варшавски. Организовано. Мы хотим знать, кто вам угрожает. Может, враги мисс Пасиорек?

Мэллори задумчиво посмотрел, на меня:

– Я знаю тебя, Вики. Ты достаточно самонадеянна, чтобы влезть в эту историю, не сказав мне ни слова. Что ты обнаружила?

– Это не самонадеянность, Бобби. Ты выдвинул несколько действительно отвратительных обвинений в то утро после смерти Агнес. Полагаю, я не обязана тебе ничем. Ни одним именем, ни одной версией.

Его круглое лицо покраснело.

– Не говорите со мной в таком тоне, юная леди. Если вы будете препятствовать полиции в выполнении ею служебного долга, вас могут арестовать. Так что лучше говори: что ты обнаружила?

– Ничего. Знаю только имена чикагских брокеров, продавших за последние шесть-семь недель большие партии акций «Аякса». Можете узнать их имена от мистера Ферранта. Это все, что мне известно.

Он сузил глаза:

– Тебе знакома фирма «Тилфорд и Саттон»?

– Брокерская? Да, они есть в списке мистера Ферранта.

– Ты когда-нибудь была в их офисе?

– Мне нечего вкладывать в акции.

– А не ты ли была там две ночи назад, расследуя дело «Аякса»?

– Ночи? Брокеры работают днем. Даже я это знаю...

– Давай шути. Кто-то вломился в их офис. Я хочу знать, не ты ли.

– В списке мистера Ферранта было восемь или девять брокеров. Что, они все вломились туда?

Он грохнул кулаком по столу, сдерживая ругательства.

– Это была ты, ведь так?

– Почему я, Бобби? Ты же говоришь, там нечего расследовать. Так зачем мне взламывать офис и заниматься тем, чего не существует?

– Потому что ты упрямая, своевольная, избалованная девчонка. Я всегда говорил Тони и Габриеле, что им надо завести еще детей, – они ужасно тебя испортили.

– Теперь уже поздно сокрушаться об этом... Послушай, у меня была тяжелая ночь. Я хочу найти какое-нибудь местечко, чтобы отоспаться, а потом попытаться вернуть жизнь в привычную колею. Можно мне зайти в свою квартиру и посмотреть, не уцелело, ли там чего-нибудь?

Ассуево покачал головой:

– Нам еще многое нужно обсудить, мисс Варшавски. Я хочу знать, над чем вы работаете.

– О да, – вмешался Бобби, – Феррант начал спрашивать, не тот ли это человек, кто что-то бросил, но ты оборвала его. Так кто и что бросил?

– А, на днях какие-то ребята на Холстед бросили камнем в мою машину – обычный акт насилия в больших городах. Не думаю, что они подожгли мою квартиру только потому, что не попали в машину.

– Вы их преследовали? – настойчиво допрашивал Ассуево. – Вы их как-то обидели?

– Об этом ты даже и не думай, – заметил Бобби. – Это не в ее правилах. Детей она не преследует. Она воображает себя паладином или одиноким странником. Она задела кого-то достаточно значительного, чтобы нанять профессионала, и теперь разыгрывает из себя героиню и пытается замолчать это дело. – Он посмотрел на меня, его серые глаза были серьезны, губы твердо сжаты. – Понимаешь, Тони Варшавски был одним из моих лучших друзей. Если что-то с тобой произойдет, его дух и дух Габриелы будут преследовать меня До конца моих дней. Но с тобой невозможно разговаривать. С тех пор, как умерла Габриела, на этой планете не осталось человека, который смог бы заставить тебя сделать то, чего ты не хочешь делать.

Я промолчала. Мне нечего было сказать.

– Пошли, Доминик. Хватит. Я установлю слежку за нашей Жанной д'Арк. Это единственное, что мы можем сейчас сделать.

После его ухода усталость снова нахлынула на меня. Я поняла, что если сейчас не уйду, то усну прямо на стуле. Все еще завернутая в одеяло, я заставила себя подняться на ноги, с благодарностью приняв от Роджера руку помощи. В коридоре ко мне подошел Ассуево:

– Мисс Варшавски, если вы знаете что-то об этом поджоге и не говорите нам, вы подлежите судебному преследованию.

Разговаривая, он тыкал мне в грудь пальцем. Я слишком устала, чтобы разозлиться. Я молча стояла, держа в руках бокалы и глядя, как он быстро топает по коридору, догоняя Бобби.

Роджер обнял меня:

– Ты вся вымоталась, старушка. Поедем со мной в Хэнкок, примешь горячую ванну.

Когда мы подошли к двери, он пошарил в карманах.

– Я оставил бумажник у тебя. Денег нет даже на такси. А у тебя?

Я покачала головой. Он побежал через парковочную стоянку к Ассуево и Бобби, которые сидели в полицейскую машину. Я, шатаясь, брела за ним. Роджер попросил подбросить нас к моему дому, чтобы он мог поискать деньги. И, возможно, какую-нибудь одежду.

Путь до Холстед прошел в напряженной тишине. Когда мы добрались до обгоревших останков моего дома, Ассуево сказал:

– Хочу, чтобы вы поняли совершенно четко: находиться в этом здании небезопасно. Если с вами что-то приключится, пеняйте на себя.

– Спасибо, – устало ответила я, – мне известно: если что, ваши ребята всегда помогут.

Мы с Роджером пробирались мимо ледяных холмов, образовавшихся после тушения пожара. Это было похоже на ночной кошмар – все знакомо, но являет вид беспорядка. Парадная дверь, сломанная пожарниками, висела на петлях. По ступенькам, обледеневшим, почерневшим от копоти и заваленным кусками штукатурки, было невозможно идти.

На площадке второго этажа мы решили разделиться. Ступеньки и сам пол могли выдержать вес одного человека, но не двоих. Горя желанием добраться до оставшихся в квартире маминых бокалов, я позволила Роджеру идти вперед, а сама, держа спасенные бокалы, стояла в тапочках, завернувшись в одеяло, и дрожала.

Он ощупью пробрался на третий этаж. Я слышала, как он вошел в мою квартиру, как что-то упало – то ли кирпич, то ли кусок штукатурки, – но криков не было. Через несколько минут он вышел в коридор.

– Думаю, тебе можно подняться, Вик.

Я ухватилась за стену одной рукой и ступила на лед. Последние несколько ступенек мне пришлось преодолеть на руках и коленях: я подвигала бокалы вверх по ступенькам, потом поднималась сама и так добралась до лестничной площадки.

Передняя часть моей квартиры была основательно разрушена. Из коридора через дыры в стене можно было видеть гостиную. Стена вокруг входной двери обуглилась; попав в гостиную через пролом в стене, я остановилась, опираясь рукой на несущие балки.

Мебели, как таковой, больше не существовало. Обугленная от огня и размоченная водой, она не поддавалась восстановлению. Я попыталась извлечь звук из пианино, но услышала приглушенный всхлип. Закусила губу и решительно направилась в спальню. Так как спальня и столовая были по одну сторону коридора и, соответственно, в стороне от основной линии огня, следы разрухи были здесь не столь велики. Спать на этой постели уже нельзя, но из одежды, тщательно ее рассортировав, можно кое-что выбрать. Я надела сапоги, натянула пропахший дымом свитер и стала рыться в поисках костюма, который годился бы мне на сегодня.

Роджер помогал мне упаковывать то, что осталось, в два чемодана, с трудом открыв замерзшие замки.

– То, что мы сейчас не возьмем, можно забыть – вскоре вся округа сбежится сюда и заберет все подчистую.

Мы собрали вещи, но я медлила, не решаясь заглянуть в шкаф: слишком боялась того, что могу там увидеть. Наконец трясущимися пальцами я открыла покосившуюся дверцу. Бокалы были аккуратно завернуты в куски старых газет. Я медленно их развернула. Первый же бокал раскололся на две части. Я закусила нижнюю губу и развернула оставшиеся четыре. Они были целы. Я вынесла их на слабый утренний свет и повертела в руках. Никаких трещин или пузырьков.

Роджер молча наблюдал за мной. Теперь он направился ко мне через завалы в комнате.

– Все в порядке?

– Один раскололся. Но, наверное, его можно склеить – выпал один большой кусок.

Единственно ценными вещами в шкафу были еще сережки Габриелы с бриллиантовой крошкой и ожерелье. Я засунула их в карман, снова завернула бокалы, положила в чемодан и надела кобуру со своим «смит-и-вессоном». Больше не было ничего такого, что мне хотелось бы взять. В отличие от Питера Уимзи[8] я не собирала первых изданий, а кухонные принадлежности, которые были у меня, можно легко заменить.

Когда я протаскивала чемоданы в проем в стене гостиной, зазвонил телефон. Ошеломленные, мы с Роджером взглянули друг на друга. Нам и в голову не могло прийти, что пожарники оставили телефонную линию включенной. Мне удалось найти телефон, погребенный под штукатуркой.

– Слушаю.

Мисс Варшавски? – Это был мой сладкоголосый друг. – Вам повезло, мисс Варшавски. Но не забудьте: счастье невечно.

Глава 17

Сраженный рыцарь

Мы ехали в Хэнкок-Билдинг на моей «омега». Я высадила Роджера с чемоданами и поехала искать стоянку. Пока я, шатаюсь, брела к дому Роджера, я поняла, что не смогу больше ничего делать, пока не выплыву. Паскуале, Роза, Альберт, «Аякс»... – смутно проносилось у меня в голове, но думать я ни о чем не могла: все силы отнимала ходьба.

Роджер ввел меня в квартиру и протянул связку ключей. Он уже принял душ. Его лицо было серым от усталости, но он считал, что не может позволить себе выходной, когда ходит так много слухов об «Аяксе»; руководство ежедневно проводило совещания, намечая стратегию.

Он обнял меня и крепко притянул к себе.

– Я мало говорил в больнице, так как боялся, что помешаю твоим планам. Но, пожалуйста, Вик, пожалуйста, не делай сегодня никаких глупостей. Ты мне больше нравишься целиком, а не по частям.

– Единственное, что мне сейчас нужно, – это немного поспать, – сказала я. – Не беспокойся обо мне, Роджер. Спасибо за приют.

Я слишком устала, чтобы принимать ванну или раздеваться. Прежде, чем упасть в кровать, мне удалось сбросить с себя сапоги.

Был уже пятый час, когда я проснулась, – с тяжелой затуманенной головой, но готовая снова приняться за работу. Я с отвращением заметила, что от меня и моей одежды несет дымом. В небольшой комнатке рядом с ванной стояла стиральная машина. Я загрузила в нее джинсы, белье и все содержимое чемоданов, что не требовало сухой чистки. Потом – долгое блаженное лежание в ванне, и вот я снова человек.

Ожидая, пока высохнут джинсы, я позвонила и справилась о сообщениях на автоответчике. От доня Паскуале сообщений не было, зато звонил Фил Пасиорек и оставил номер, по которому его можно найти. Я позвонила, но он, видимо, был на операции. Я оставила в больнице номер телефона Ферранта и снова попробовала дозвониться до ресторана «Торфино». Тот же грубый голос продолжал утверждать, что ничего не знает о доне Паскуале.

В холле уже лежали дневные выпуски газет. Я устроилась в кафе с чашечкой кофе и бутербродом с сыром и принялась читать. Пожар занял в «Геральд стар» левый нижний угол первой страницы: «Поджог в Норт-Сайде». Интервью со студентами. Интервью с взволнованной дочерью Такамоку. Затем колонка под отдельным подзаголовком: «Ви. Ай. Варшавски, чья квартира стала очагом пожара, вела расследование по делу о фальшивых акциях в монастыре Святого Альберта в Мелроуз-парке. Мисс Варшавски, на которую две недели назад кто-то плеснул кислотой, не сделала никаких комментариев по поводу того, есть ли связь между этим расследованием и пожаром».

Я заскрежетала зубами. Ну спасибо, Мюррей. «Геральд стар» уже писала об истории с кислотой, а теперь полиция прочитает это и, будьте уверены, найдет связь. Я выпила еще чашку кофе, затем стала читать частные объявления. Мне адресовалось маленькое послание: «Дуб пустил корни». Мы с дядей Стефаном придумали такой сигнал, когда он согласился работать с моими акциями фирмы «Экорн». В последний раз я просматривала объявления в воскресенье, сегодня четверг. Интересно, как долго уже оно печатается?

Когда я вернулась, Роджер уже был дома. Он извиняющимся тоном сообщил, что полностью выдохся, и спросил, не могла бы я пообедать в одиночестве, пока он поспит.

– Нет проблем. Я спала весь день.

Я помогла ему лечь. Он заснул, когда я выходила из комнаты.

Я надела тёплое белье и как можно больше свитеров, затем отправилась обратно на Лейк-Шор-Драйв, чтобы забрать машину со стоянки. Ветер с озера пробирался под свитера и белье.

Завтра куплю себе в магазине военно-морского обмундирования теплую куртку. Это уж точно.

Интересно, как насчет слежки, которой грозился Бобби? Пока я шла к своей машине, хвоста не было. Посмотрев в зеркало заднего обзора, я не заметила никаких подозрительных машин. И, конечно, никто не будет слоняться по улице в такой ветер. Я решила: должно быть, это была пустая болтовня или кто-то воспротивился Бобби.

«Омега» завелась только после долгого ворчания. Мы сидели и обе тряслись от холода: машина отказывалась нагреваться. После пятиминутного разогревания в конце концов заработало сцепление.

Боковые улицы все еще были завалены снегом, но на Лейк-Шор-Драйв было чисто. Сделав несколько рывков, машина быстро поехала на север. На Монтроуз обогреватель наконец-то проснулся. На Эвансон я перестала дрожать и смогла, наконец, обратить внимание на поток машин и состояние дороги.

Ночь была ясной. Пробок на дорогах не было. Я повернула на Кроуфорд-авеню и к семи добралась до дома дяди Стефана. Прежде, чем выйти из машины, я засунула револьвер за пояс джинсов, где он врезался в живот, – надетые на мне свитера не позволяли держать кобуру под мышкой.

Насвистывая сквозь зубы, я нажала на звонок. Никакой реакции. Несколько минут я тряслась от холода у входа в дом, потом снова позвонила. Мне и в голову не приходило, что его может не быть дома. Конечно, я могла бы подождать в машине, но обогреватель плохо работал.

Я стала нажимать на другие звонки, пока кто-то не впустил меня – единственный человек в доме, не боящийся грабителей и насильников.

Квартира дяди Стефана находилась на четвертом этаже. Поднимаясь наверх, я встретила хорошенькую женщину, которая спускалась с ребенком в коляске. Она с любопытством взглянула на меня:

– Вы к мистеру Хершелю? Я все думала, не зайти ли к нему, – меня зовут Рут Сильверстейн, я живу на той же площадке. Когда я в четыре часа иду с Марком гулять, он обычно выходит из квартиры и дает нам какие-нибудь сладости. Но сегодня я его не видела.

– Может быть, он вышел?

В свете лестничной лампочки я увидела, что она покраснела.

– Видите ли, я сижу одна с ребенком, возможно, поэтому уделяю соседям больше внимания, чем следует. Обычно я слышу, когда он уходит, – он ходит с тростью, понимаете, и постукивает ею на лестнице.

– Спасибо, миссис Сильверстейн.

Нахмурившись, я преодолела последний лестничный пролет. У дяди Стефана хорошее здоровье, но ему восемьдесят два года. Имею ли я право вламываться к нему? А может быть, это мой долг и обязанность? Интересно, что бы сказала Лотти?

Я громко постучала в массивную дверь. Приложила к ней ухо. Ни звука. Нет, какой-то неясный шумок. Телевизор или радио. Черт возьми!

Перепрыгивая через две ступеньки, я спустилась вниз, заложила перчаткой входную дверь, чтобы она не закрылась, и пробежала по скользкой дорожке к «омега». В «бардачке» лежали мои отмычки.

Бросившись обратно к дому, заметила, что миссис Сильверстейн и Марк вошли в маленький овощной магазинчик в конце квартала. У меня было десять минут, чтобы открыть дверь.

Секрет открывания чужих дверей состоит в том, чтобы расслабиться и положиться на чутье. У дяди Стефана было два замка – один простой, второй автоматический. Сначала я приступила к простому замку. Он щелкнул, и я с раздражением поняла, что он был открыт. Теперь я только усложнила себе задачу. Стараясь дышать ровно, я решила начать по новой.

Однако как только замок вернулся в прежнее состояние, я услышала на лестнице шаги миссис Сильверстейн. По крайней мере, я определила по звукам, что это была она: кто-то разговаривал с ребенком о вкусном цыпленке, которого принесет папочка, когда придет вечером с собрания. Коляска гроыхала по направлению к четвертому этажу. Наконец нижний замок щелкнул, и я оказалась в квартире.

Я прошла мимо большого зонта, стоявшего в углу богато обставленной гостиной. В свете настольной лампы я увидела дядю Стефана лежащим на столе, зеленое покрытие которого окрасилось в бурый цвет от растекшейся крови.

– О Боже! – пробормотала я.

Щупая пульс, я думала лишь о том, как разозлится Лотти. Невероятно, но пульс еще бился. Опрокидывая стулья и подставочки для ног, я выбежала на лестницу и что есть силы забарабанила в дверь миссис Сильверстейн. Она открыла сразу же – на ней все еще было пальто, а ребенок сидел в коляске.

– Вызовите «Скорую помощь»! Как можно скорее! Он серьезно ранен.

Она деловито кивнула и пропала в глубине квартиры. Я вернулась к дяде Стефану. Сдернув

одеяла с аккуратно заправленной кровати в спальне напротив кухни, я завернула его, аккуратно уложила на пол и, подняв его ноги на резную кожаную подставку, стала ждать. Ждать.

Миссис Сильверстейн вызвала «Скорую помощь». Услышав о большой потере крови, они взяли с собой необходимые препараты – плазму и глюкозу. Сказав, что больного отправят в больницу «Бен-Гурион-Мемориал» и сообщат о происшедшем в полицию, меня вежливо попросили подождать в квартире.

Как только дядю Стефана увезли, я позвонила Лотти.

– Ты где? – сразу же набросилась она. – Я прочитала про пожар и пыталась до тебя дозвониться.

– Это может подождать. Я по поводу дяди Стефана. Он серьезно ранен. Не знаю, выживет ли. Его повезли в «Бен-Гурион».

Долгая пауза на другом конце, затем Лотти очень тихо спросила:

– Ранен? Из револьвера?

– Нет, мне кажется, ножевое ранение. Он потерял много крови, но сердце не задето. Когда я его нашла, пульс прощупывался.

– И когда это было?

– Около десяти минут назад... Я не звонила, чтобы сперва узнать, куда его повезут.

– Понятно. Поговорим позже.

Она повесила трубку, а я все еще таращилась на телефон. Потом, в ожидании полиции, начала слоняться по гостиной, стараясь ни до чего не дотрагиваться. Через несколько минут мое терпение иссякло. В ящике в спальне я разыскала пару перчаток. Они были на несколько размеров больше, чем надо, но зато я могла теперь спокойно работать, не боясь оставить отпечатки на бумагах, лежащих на столе. Я перерыла все, но не нашла вообще никаких акций – ни поддельных, ни настоящих.

Комната, заставленная мебелью, наверняка имела тайники. Поверхностный осмотр ничего не дал. Внезапно мне пришла в голову мысль, что если дядя Стефан сделал фальшивые акции, то где-то тут должны находиться предметы, которые полиции не следовало бы видеть. Я ускорила поиски и нашла в плите пергамент, формы и другие инструменты. Я завернула все в бумагу, положила в сумку и направилась к миссис Сильверстейн.

Она открыла дверь раскрасневшаяся, волосы растрепались от жары – видимо, что-то готовила.

– Простите, что снова вас беспокою. Мне придется подождать полицию, и потом я наверняка отправлюсь с ними в участок. Племянница мистера Хершеля приедет попозже, чтобы забрать кое-какие вещи. Вы не возражаете, если она зайдет к вам и заберет эту сумку?

Она была рада помочь.

– Как он? Что произошло?

Я покачала головой:

– Не знаю. Врачи «Скорой помощи» ничего не сказали. Но пульс ровный, хотя и слабый.

Будем надеяться на лучшее.

Она пригласила меня на чашечку кофе, но я подумала: лучше, если у полиции не будет возможности связать нас друг с другом, и решила подождать их на лестнице.

Наконец приехали двое мужчин средних лет, оба в форме с оружием наготове. Увидев меня, они приказали положить руки на стену и не двигаться.

– Это я позвонила вам. Я так же удивлена, как и вы.

– Вопросы будем задавать мы, милашка. – У говорящего был отвисший живот, который скрывал портупею. Он грубо обыскал меня и без труда обнаружил револьвер. – У тебя есть на него разрешение, мартышка?

– Конечно, – ответила я.

– Так давай посмотрим.

– Не возражаешь, если я уберу руки со стены? Так мне до него не дотянуться.

– Не остри. Быстро давай разрешение. – Это сказал второй полицейский, чуть стройнее, с рябой физиономией.

Мой бумажник лежал на полу у двери – я уронила его, когда увидела дядю Стефана, и забыла поднять. Я подняла его, вытащила лицензию частного детектива и разрешение на ношение оружия.

Жирный полицейский просмотрел документы:

– А, частный сыщик. Что ты здесь делаешь, красотка?

Я покачала головой. Ненавижу полицейских из пригородных районов.

– Да, полицейские в Чикаго ни в какое сравнение с вами не идут...

Толстяк выпучил глаза.

– Послушай, крошка, это не Чикаго. Но мы тебя отсюда выставим, не волнуйся. А теперь скажи, что ты здесь делала.

– Ждала вас, ребята. Явная ошибка с моей стороны.

Тот, что потоньше, ударил меня по лицу. Я знала, что нельзя давать сдачи – здесь сопротивление при аресте карается заключением и лишением лицензии.

– Ну давай, девчонка. Мой напарник задал тебе вопрос. Собираешься отвечать?

– Ребята, если вы хотите арестовать меня, то я звоню своему адвокату. Если нет, никаких вопросов.

Они переглянулись.

Лучше звони адвокату, малышка. Мы задержим тебя за ношение оружия. Это не женский револьвер.

Окружной прокурор пришел в бешенство. Но это меня не очень взволновало. Мэллори, прочитав в «Геральд стар» о кислоте, впал в ярость. К этому я давно привыкла. Роджер, узнав, что я провела ночь в загородном полицейском участке, сначала заволновался, потом обиделся. Он тоже перебьется. Но Лотти... Лотти и говорить со мной не станет. Это уже хуже.

Ночь была беспокойной. Покмарк и Фатсо арестовали меня в половине десятого. Я позвонила своему адвокату Фримэну Картеру, но его не было дома. К телефону подошла его тринадцатилетняя дочь. Она показалась мне уравновешенным и смысленным ребенком, но трудно было сказать, когда она передаст мое сообщение отцу.

Затем мы уселись для серьезного разговора. Я решила ничего не говорить, так как мне и в самом деле нечего было рассказывать. Правды я сказать не могла, а в том настроении, в каком пребывала Лотти, она могла бы неправильно истолковать любой факт, который я сообщила бы полиции.

Покмарк и Фатсо отвели меня к своему начальству еще задолго до темноты. Было около полуночи, когда приехал Чарлз Николсон из окружной прокуратуры. Я знала Чарлза. Он был заметной шишкой в судопроизводстве. Ему нравилось думать, что он наследник Кларенса Дэрроу[9], и он действительно внешне походил на него, по крайней мере лохматой головой и значительными размерами живота. Чарлз был из тех, кто любит подлавливать своих подчиненных, когда они ведут личные разговоры по телефону. Мы никогда не были, что называется, близки.

– Ну, ну, Варшавски. Совсем как в старые времена. Ты, я, несколько полицейских и между нами стол.

– Привет, Чарли, – спокойно парировала я. – Действительно, как в старые времена. Шестая пуговица на твоей рубашке так и не застегивается.

Он посмотрел на свое пузо и попытался стянуть полы рубашки, затем в ярости взглянул на меня.

– Все шутишь, да? Даже когда тебя обвиняют в убийстве.

– Если это обвинение в убийстве, то мне навесили его без моего ведома, – раздраженно ответила я. – А это ущемляет мои гражданские права. Лучше перечитай уголовный кодекс, освежи свои знания.

– Нет-нет, – проговорил он своим слащавым голосом, – ты права – это я просто так сказал. Тебя, обвиняют в том, что ты препятствуешь расследованию. Давай-ка поговорим о том, что ты делала в квартире старика, Варшавски.

Я покачала головой:

– Нет, пока у меня не будет адвоката; как я понимаю, все сказанное может быть использовано против меня. Я не знакома с тонкостями судопроизводства, так что мне нечем помочь в полицейском расследовании.

Это было последнее, что я сказала.

Пытаясь вызвать меня на разговор, Чарли испробовал различные приемы: оскорбления, дружеское участие, абстрактные рассуждения о преступности... Я принялась выполнять четырех-частное упражнение: поднимаю правую ногу, считаю до пяти, опускаю, поднимаю

левую. Счет помогал мне не обращать внимания на Чарли, а мое упражнение бесило его. Я дошла до семидесяти пяти, когда он сложил оружие.

Ситуация изменилась в половине, третьего, когда приехал Бобби Мэллори.

– Мы забираем тебя в город, – сообщил он мне. – У меня все это уже вот здесь сидит. – Он показал рукой на шею. – Куда ни погляди, везде твоя задница. А правду говоришь, только когда захочешь. Как ты посмела... как ты посмела сообщить эту историю с кислотой Райерсону и ничего не сказать нам тем утром? Несколько часов назад мы говорили с твоим дружкой Феррантом. Я не такой глухой, чтобы не заметить, как ты прервала его, когда он хотел спросить, не был ли это тот, кто бросил в тебя чем-то там. Оказывается, бросили в тебя... кислотой. Тебе пора в психиатрическую лечебницу. И прежде, чем наступит утро, ты либо все расскажешь, либо мы тебя туда отправим и больше не выпустим.

Пустые разговоры, и Бобби это знал. Он злился на меня частично за укрывательство фактов, частично потому, что я была дочерью Тони и он боялся за меня.

Я поднялась:

– О'кей. Договорились. Хотя добавить мне нечего: Мюррей написал об этой истории с кислотой сразу после того, как это произошло. А теперь увезите меня отсюда подальше, и от Чарли тоже, тогда я начну говорить.

– Только правду, Варшавски. Попробуй хоть что-нибудь скрыть, что-нибудь, и мы упечем тебя за решетку. Мне наплевать, я притяну тебя хоть за употребление наркотиков.

– Я не наркоманка, Бобби. И наркотиков вы у меня дома не найдете, если сами их не подбросили. Впрочем, дома у меня тоже нет.

Его крупное лицо побагровело.

– Мне все равно, Варшавски. От психушки тебя отделяет всего ничего. Так что никакого хамства, никаких уверток. Понятно?

– Понятно.

Бобби заставил полицейских снять обвинение и увез меня к себе в участок. Юридически я не была арестована и не могла ехать с ним. Не была я и одурманена наркотиками.

Водитель оказался приятным молодым человеком, который был не прочь поболтать. Я спросила его, как он думает, отпустит ли команда «Кабс» Рика Сатклиффа. Ведь теперь, после участия в игре «Все звезды», он требует пять-шесть миллионов долларов. Но Бобби грубо оборвал его, так что мне пришлось развивать эту тему в одиночестве.

Когда мы приехали на Одиннадцатую улицу, Бобби быстро провел меня в комнату для допросов. Детектив Финчли, молодой негр-полицейский, который был в форме, когда я впервые его увидела, присоединился к нам и стал записывать.

Бобби попросил принести кофе, закрыл дверь и сел за свой стол.

– Хватит разговоров о Сатклиффе. Только факты.

Я сообщила ему факты. Рассказала о Розе и акциях, об угрожающих звонках. О нападении на лестнице и о предположении Мюррея насчет Уолтера Новика, О звонке сегодня утром, когда я вернулась за вещами: «Счастье невечно».

– А как насчет Стефана Хершеля? Что ты делала у него в квартире в тот день, когда его

ранили?

– Это совпадение. Как он?

– Не надо, Варшавски. Сегодня задаю вопросы я. Что ты делала в его доме?

– Он дядя моей подруги. Ты знаешь доктора Хершель... Он очень интересный старик, и ему одиноко. Он пригласил меня на чай.

– Чай? И поэтому ты взломала дверь?

– Когда я приехала туда, дверь была открыта, это меня обеспокоило.

– А соседка по площадке говорит, что дверь была заперта, и это ее тоже обеспокоило.

– Она не была распахнута, просто незаперта. Бобби вытащил мою связку отмычек.

– Ты случайно не пользовалась ими? Я покачала головой:

– Я даже не знаю, как с ними обращаться. Это подарок одного из моих бывших клиентов – еще когда я была общественным защитником.

– И ты восемь лет носишь их с собой из чистой сентиментальности? Ну давай выкладывай.

– Я уже все сказала, Бобби. Про кислоту, про Новика, про Розу. Почему бы тебе не поговорить с Дерексом Хэтфилдом? Мне очень интересно, кто заставил ФБР отказаться от этого дела с подложными акциями.

– Сейчас я говорю с тобой. А что касается Хэтфилда, ты не знаешь, почему его имя оказалось в списке посетителей фондовой биржи в ту ночь, когда кто-то вломился в офис «Тилфорд и Саттон»?

– Спроси Хэтфилда, что он там делал.

– Он сказал, что его там не было. Я пожала плечами:

– Фэбээровцы никогда ничего не говорят. Ты же знаешь.

– Так же, как и ты. Только у них есть на это право, а у тебя нет. Зачем ты поехала к Стефану Хершелю?

– Он пригласил меня.

– Ну да. Прошлой ночью сожгли твою квартиру, и ты чувствовала себя так погано, что решила съездить на чай в пригород. Черт бы тебя побрал, Вики, честное слово!

Мэллори действительно был расстроен. Обычно он не ругается на женщин. У Финчли был озабоченный вид, я тоже забеспокоилась, но не могла же я подставить Стефана под удар. Из-за этих поддельных акций старика чуть не убили. Не хватало еще, чтобы его арестовали.

В пять часов Бобби вынес мне обвинение в уклонении от дачи показаний. У меня взяли отпечатки пальцев, сфотографировали и отправили на Двадцать шестую улицу в камеру к довольно неприятным проституткам. На большинстве из них были короткие юбки и туфли на высоких каблуках – я подумала, что ночью в тюрьме теплее, чем на Раш и Оук, где они работают. Поначалу они проявляли ко мне некоторую враждебность, пытаюсь выяснить, не промышляю ли я на их территории.

– Простите, леди, на мне обвинение в убийстве.

Да, убит мой сожитель, объяснила я. Да, сукин сын бил меня. Но когда он попытался спалить меня заживо – это стало последней каплей. Я показала им ожоги на руках. Разразилась буря сочувственных возгласов:

– О дорогая, ты правильно поступила... Случись такое со мной, я спустила бы с него шкуру...

– Помню, Фредди попытался меня зарезать, так я вылила на него кипяток...

Они скоро забыли о моем существовании, каждая старалась переплюнуть другую, рассказывая о мужском насилии и хвастаясь тем, как она выходит из положения. Эти истории заставили меня содрогнуться. Однако в восемь, когда Фредди и Слимсы приехали вывозить их из тюрьмы, девочки изобразили бурную радость. Я подумала, что сейчас эти парни повезут их к себе домой.

В девять за мной пришел Фримэн Картер. Он – партнер в фирме «Кроуфорд», высокопрестижной фирме моего бывшего мужа, – занимается там криминальными расследованиями. Фримэн – постоянный раздражитель для Дика, моего бывшего мужа, потому что всегда принимал мою работу всерьез. Он не только приятный, на свой англосаксонский манер, человек, но и хорошо ко мне относится.

– Привет, Фримэн. Все проститутки уехали со своими сутенерами час назад, одна я осталась. Похоже, я не очень-то ценная шлюха.

– Привет, Вик. Будь у тебя зеркало, ты бы поняла, почему твоя цена так упала. В одиннадцать состоится слушание твоего дела в женском суде. Простая формальность, тебя отпустят под честное слово.

Честное слово – это значит: «я-торжественно-клянусь-прийти-на-судебное-разбирательство»; оно дается людьми, которых суд считает ответственными гражданами. Такими, как я. Фримэн одолжил мне расческу, и я по возможности привела себя в порядок.

Мы прошли по коридору в маленькую комнату для заседаний. Фримэн выглядел, как всегда, великолепно: элегантный, светлые волосы коротко подстрижены, чисто выбрит, прекрасно сшитый синий костюм облегал худое тело. Если я хотя бы наполовину выглядела так же поганно, как чувствовала себя, то вид у меня, должно быть, и вправду был отвратительный. Фримэн взглянул на часы.

– Хочешь поговорить? Они задержали тебя, потому что чувствуют: ты утаиваешь факты касательно Стефана Хершеля.

– Это правда, – призналась я. – Как он?

– По пути сюда я позвонил в больницу. Он в отделении интенсивной терапии, но похоже, его состояние стабилизируется.

– Понятно. – Я уже чувствовала себя намного лучше. – Ты знаешь, что в пятидесятые он занимался подделкой ценных бумаг и документов? Боюсь, кто-то ранил его, потому что он разыгрывал из себя детектива в связи с подлогом каких-нибудь ценных бумаг. Но я не могу сказать об этом Бобби Мэллори, пока не поговорю со стариком. Просто не хочу, чтобы у него были неприятности с полицией и ФБР.

Фримэн сделал кислое лицо:

– Если бы я был твоим сутенером, я бы отлупил тебя вешалкой. Но пока я твой адвокат, могу ли я попросить тебя рассказать Мэллори все, что ты знаешь? Он хороший коп и не будет сажать в тюрьму восьмидесятилетнего старика.

– Он-то нет, но Дерек Хэтфилд посадит через тридцать секунд. Даже быстрее. А если фэбээровцы зашевелиятся, то ни я, ни Бобби, ни ты ничего не сможем сделать.

Фримэн так и не согласился со мной, даже после того как я рассказала ему о фальшивых акциях и роли дяди Стефана в этой истории, но с апломбом протащил меня через судебное слушание. Он высадил меня на остановке окружной железной дороги на шоссе Рузвельта, поцеловал на прощание и сказал:

– Этот поцелуй – доказательство моей преданности, Вик.

Тебе следует немедленно принять ванну.

Я доехала на электричке до Ховард-стрит, пересела на экспресс, потом прошла несколько кварталов до своей машины. Ванна, сон, Роджер, Лотти и дядя Стефан... Лучше бы все это было в обратном порядке, но прежде, чем с кем-то разговаривать, надо вымыться.

И все-таки намеченная последовательность несколько нарушилась – когда я вернулась на Хэнкок, меня ждал Роджер. Он разговаривал по телефону, очевидно с «Аяксом». Я помахала ему рукой и проследовала в ванную. Он вошел через десять минут после того, как я улеглась в ванну. Точнее, попыталась улечься. Это было одно из тех новомодных сооружений, в которых колени надо прижимать к подбородку. В моей квартире была прекрасная ванна тридцатых годов, достаточно длинная, чтобы в ней мог свободно разлечься высокий человек. Роджер закрыл крышку унитаза и сел на него.

– Полиция разбудила меня в час ночи, чтобы расспросить насчет твоего кислотного ожога. Я рассказал все, что знал, то есть чертовски мало. Я представления не имел, где ты была, что делала, какая тебе грозила опасность. Вчера утром я умолял тебя не выкидывать никаких глупостей. Но когда я просыпаюсь в час ночи, тебя нет рядом и никакой записки... Черт возьми, Вики, почему ты так поступаешь?

Я села в ванне.

– У меня был напряженный вечер. Сначала я спасала жизнь старику, затем пять часов проторчала в тюрьме Северного округа, потом четыре часа в городской тюрьме. У меня было право на один телефонный звонок – я использовала его, чтобы позвонить адвокату. Так как дома была только его дочка, я не могла ничего передать друзьям или родственникам.

– Но, черт побери, Вик, ты же знаешь, как я волнуюсь за тебя и из-за всех этих дел. – Он махнул рукой, изображая отчаяние. – Почему, черт возьми, ты не оставила хотя бы записку?

Я покачала головой:

– Я не думала, что отлучаюсь надолго. Господи, Роджер, если бы я знала, что меня ждет, я бы написала целый роман.

– Вик, ты прекрасно понимаешь, в чем дело. Мы говорили об этом прошлой ночью, то есть две ночи назад, когда сгорела твоя квартира. Ты не можешь вот так исчезать и оставлять всех с раскрытыми ртами.

Я тоже начала раздражаться.

– Я не твоя собственность, Феррант. И если мое присутствие здесь заставляет тебя думать по-другому, я тут же уйду. Я детектив. Мне платят за мою работу. Если бы я каждой собаке докладывала, что собираюсь сделать, то не только мои клиенты потеряли бы ко мне доверие – мне были бы перекрыты все дороги. Ты рассказал полицейским все, что знал. Если бы ты знал все, что знаю я, бедный, старик был бы арестован с такой же быстротой, с какой его поместили в интенсивную терапию.

Роджер уныло посмотрел на меня, его лицо побледнело.

– Возможно, тебе следует уйти, Вик. У меня больше не хватит сил еще для одной такой ночи, как эта. Но позволь мне сказать тебе одну вещь, чудо-женщина: если бы ты делилась со мной тем, что ты делаешь, мне не нужно было бы говорить все полицейским, я бы знал, что ты не нуждаешься в их помощи. Я просил их не перекрывать тебе кислород, а защитить тебя.

Гнев перехватил мне горло.

– Никто не защитит меня, Роджер. Я живу в своем мире. Так же как ты – в своем. Я бы не стала советовать тебе бросить все дела, потому что вокруг слишком много опасных и нечестных людей. Ты хочешь поговорить со мной о своей работе, я тебя слушаю и что-то предлагаю. Если хочешь, прими эти предложения. Но я не буду пытаться защитить тебя. – Я вылезла из ванны. – Так что окажи мне такую же любезность. Только из-за того, что люди, с которыми я имею дело, играют пулями, а не деньгами, я не нуждаюсь в защите и не хочу ее. Если бы меня нужно было все время защищать, как бы я жила все эти годы?

Я сжимала и разжимала кулаки, пытаюсь сдержать ярость. Защита. Детская мечта. Мой отец защитил Габриелу в баре на Милуоки-авеню. Она отплатила ему верностью и тем, что посвятила свою неуправляемую творческую энергию созданию домашнего очага в многоквартирном доме в южном Чикаго.

Роджер взял полотенце и начал спокойно вытирать мне спину. Потом завернул меня в полотенце и обнял. Я старалась расслабиться, но не могла.

– Вик, мне надо ехать по делам. Ты права. Если бы ты вмешалась в мои дела и нарушила какие-то планы или сделала еще что-нибудь в этом роде, я бы разозлился... Я не считаю, что ты принадлежишь мне. Но чем больше ты меня сторонись, тем сильнее мне хочется удержать тебя.

– Понимаю. – Я повернулась. – И все-таки, мне кажется, для нас обоих будет легче, если я найду другое пристанище. Но я... постараюсь держать тебя в курсе дела.

Я встала на цыпочки и нежно его поцеловала. Зазвонил телефон. Я подошла к сушилке и вытащила джинсы и рубашку. Роджер взял трубку в ванной:

– Это тебя, Вик.

Я подняла трубку в спальне. Роджер попрощался со мной и ушел. Звонил Фил Пасиорек.

– Тебе все еще нужен мужчина, говорящий без акцента? Сегодня вечером в отеле «Ганновер-Хаус» Фарбер дает обед в честь О'Фаолина. Так как мама выкладывает церкви миллион или около того в год, то пригласили и нас. Там будет большинство тех, кого ты видела на похоронах. Хочешь поехать со мной?

Обед у архиепископа. Как волнующе! Правда, это означает платье и колготки. Что, в свою очередь, означает поездку по магазинам: все более или – менее подходящее для такого случая еще лежало в чемодане и воняло дымом. Так как Фил не мог уехать из больницы раньше семи, он спросил, не смогу ли я встретиться с ним сразу в отеле – он постарается быть там по возможности около половины восьмого.

– Я уже звонил в епархию. Если меня еще не будет, просто назови свое имя женщине в приемной.

После разговора я попыталась заснуть, но не могла. Лотти, дядя Стефан, дон Паскуале – все они вертелись в моем мозгу. А с ними Роза, Альберт, Агнес...

В полдень я отказалась от попытки уснуть и попыталась дозвониться до Лотти. Трубку взяла Кэрол Альварардо, медсестра в клинике Норт-Сайда. Она пошла позвать доктора, но, вернувшись, сказала, что Лотти сейчас занята и не может подойти к телефону.

Я прошла до Уотер-Тауэр и на распродаже в магазине «Лорд и Тэйлор» нашла строгое шерстяное платье бордового цвета. Спереди был небольшой вырез, сзади разрез походил на латинскую букву «V» и оканчивался прямо над застежкой бюстгалтера. Я надену к нему мамины серьги с бриллиантами и буду королевой бала.

Вернувшись в Хэнкок-Билдинг, я снова попыталась связаться с Лотти. Она опять не могла подойти. Я купила утреннюю газету и просмотрела объявления о сдаче меблированных квартир. Прозвонив целый час, я нашла, наконец, квартиру в районе Расин и Монтроуз, которую сдавали на два месяца. Я снова собрала чемодан, смешав выстиранные вещи с пропахшими дымом, и оставила длинную записку Роджеру, объясняя, куда я направляюсь, что буду делать днем, пообещав в конце держать с ним связь. В последний раз позвонила Лотти. Она все еще была занята.

Беллерофон видел лучшие времена, но все-таки неплохо сохранился. За двести пятьдесят в месяц у меня появилась гостиная с кроватью, удобным креслом, маленьким телевизором и солидным столом. На кухне маленький холодильник и две газовые горелки, духовки не было, зато ванная что надо. Сойдет. В комнате были телефонные розетки. Если местные вандалы не унесли с собой телефоны из моей квартиры, я, возможно, сумею обеспечить себя связью. Я дала миссис Климзек чек за первый месяц и уехала.

В лучах зимнего солнца мой старый дом выглядел заброшенным и унылым: разбитые окна, цветные занавески Такамоку развеваются на ветру. Пробравшись сквозь хаос на лестнице, я через дыру в стене пролезла в гостиную. Пианино все еще стояло на месте – слишком трудно утащить, – а вот диван и кофейный столик исчезли. Всюду разбросаны обгоревшие страницы «Форбс» и «Уолл-стрит джорнэл». Телефон в гостиной украден вместе с розеткой. Из столовой кто-то утащил весь ликер. Нормально. Большая часть тарелок также исчезла. Хорошо, что у меня никогда не было денег на дорогой фарфор.

Телефон в спальне оказался на месте, погребенный под слоем обвалившейся штукатурки. Я выдернула его из розетки и ушла. По дороге остановилась у почты на Линкольн-парк, чтобы оставить адрес и взять то, что пришло после пожара. Затем, стиснув зубы, направилась на север в сторону Шеффилд, в клинику Лотти.

Приемная была заполнена женщинами с маленькими детьми. Пронзительные крики на испанском, корейском и арабском делали небольшое помещение еще меньше. Дети ползали по полу, зажав в кулачках погремушки.

Медсестра Лотти, шестидесятилетняя женщина, сама вырастила семерых детей. Ее основной обязанностью было поддержание порядка в приемной и наблюдение за тем, чтобы больные проходили в кабинет либо в зависимости от тяжести случая, либо в порядке очередности. Она никогда не выходила из себя, но знала свою клиентуру, как хороший бармен, и так же умело поддерживала порядок.

– Мисс Варшавски, рада вас видеть. У нас сегодня сумасшедший дом: огромное количество случаев простуды и гриппа. Доктор Хершель ждет вас?

Миссис Колтрейн никого не называла по имени. После нескольких лет уговоров мы с Лотти сдались.

– Нет, миссис Колтрейн. Я приехала узнать, как там ее дядя и могу ли я навестить его.

Миссис Колтрейн ушла в глубь клиники. Через несколько минут она появилась с Кэрол

Альварадо, которая сказала, что у Лотти пациент, но, если я подожду в ее кабинете, она уделит мне несколько минут.

Кабинет Лотти, как и приемная, был обустроен так, чтобы успокаивающе действовать на встревоженных матерей и детей. Лотти говорила, что ей не нужен стол, – миссис Колтрейн держит все истории болезни в приемной. Но зато здесь было несколько удобных стульев, картины, толстый ковер и макеты высотных домов – от этого комната выглядела очень уютной. Однако сегодня она не оказала на меня благотворного действия.

Лотти заставила меня ждать полчаса. Я листала журнал «Родовспомогательные операции», барабанила пальцами по столу рядом с моим стулом, закидывала ногу на ногу и все такое прочее.

В четыре часа тихо вошла Лотти. Ее лицо было неумолимым.

– Вик, вообще-то я слишком зла на тебя, чтобы разговаривать. К счастью, дядя выжил. И, насколько я знаю, этим он обязан тебе. Но тебе же он обязан и тем, что чуть не умер.

Я слишком устала, чтобы спорить. Я провела рукой по волосам, пытаюсь привести в порядок свои мысли.

– Лотти, можешь ничего не говорить: я виновата. Нельзя было втягивать его в такое сумасшедшее, опасное дело. Одно могу сказать: я уже получила по заслугам. Если бы я знала, что произойдет, то сделала бы все, чтобы оградить его от нападения. – Я невесело рассмеялась. – Несколько часов назад я сражалась с Роджером Феррантом – он жаждет защищать меня от поджигателей и всех остальных. Теперь ты нападаешь на меня за то, что я не защитила твоего дядю.

Лотти не улыбнулась.

– Он хочет поговорить с тобой. Я пыталась воспрепятствовать этому – ему вредно сейчас любое напряжение или волнение, но, похоже, для него будет большим стрессом, если я не разрешу ему поговорить с тобой. Полиция хочет допросить его, но он отказывается, пока не увидит тебя.

– Лотти, он старый, но здравомыслящий человек. Это был его собственный выбор. Ты не думаешь, что именно поэтому на него и злишься? А еще потому, что сама помогла мне втянуть его в это. Я изо всех сил стараюсь помочь моим клиентам, но не могу защитить их всех, по крайней мере, не на сто процентов.

– Его лечащий врач – доктор Метцингер. Я позвоню, что ты приедешь. Когда?

Я решила не спорить и взглянула на часы. Если я поеду сейчас, то успею переодеться к обеду.

– Через полчаса.

Она кивнула и вышла.

Глава 19

Праздничный обед

Больница «Бен-Гурион» расположена недалеко от Иденс. Ее видно с шоссе, и туда легко добраться. Было почти пять, когда я вылезла из машины на стоянке больницы, успев перед этим купить теплую куртку в «Амветс». Мне всегда казалось, что платные больничные стоянки можно воспринять только как оскорбление. Ваших друзей или родственников помещают в палаты, которые стоят шестьсот – семьсот долларов в день, а потом еще заставляют платить за визит к больному. Я положила в карман квитанцию за оплату стоянки, стараясь относиться к этому с юмором, и вошла в вестибюль. Женщина в регистратуре позвонила медсестре в отделение интенсивной терапии и сказала, что меня ждут.

Пять часов – самое спокойное время в больнице. Все операции и процедуры закончены. Вечерние посетители еще не приехали. Я проследовала вдоль красной стрелки, нарисованной на полу опустевших коридоров, поднялась на два лестничных пролета и оказалась в отделении интенсивной терапии.

У двери в бокс сидел полицейский. Медсестра объяснила, что он охраняет дядю Стефана. Не могла бы я показать удостоверение и дать себя обыскать? Я полностью одобрила эту предосторожность. В подсознании крутилась мысль, что тот, кто напал на старика, может вернуться, чтобы завершить свою работу.

Полицейский остался доволен. Соблюдая требования гигиены, я надела стерильную маску, бесформенный халат и взглянула на себя в зеркало – на меня смотрела незнакомка: осовевшие от усталости серые глаза, растрепанные ветром волосы, маска, скрывающая лицо. Надеюсь, я не напугаю старого, больного дядю Стефана.

Когда я вышла из комнаты, где переодевалась, меня ждал доктор Метцингер. Это был лысый мужчина под пятьдесят, в кожаных мокасинах, с тяжелым золотым браслетом на левом запястье. Похоже, с деньгами у него в порядке, подумала я.

– Мистер Хершель так настаивал на разговоре с вами, что мы решили: лучше вам с ним повидаться, – сказал он очень тихо, будто дядя Стефан мог услышать его и проснуться. – Но прошу вас быть очень осторожной. Он потерял много крови, у него очень серьезная рана. Я не хочу, чтобы вы сказали что-то, что может вызвать ухудшение.

Сегодня я была не в силах спорить. Поэтому просто кивнула и сказала, что все поняла. Он открыл дверь в палату и пропустил меня вперед. Я чувствовала себя так, будто меня допустили в покои королевской особы. Для дяди Стефана в отделении интенсивной терапии была выделена отдельная комната. Увидев, что Метцингер идет за мной, я остановилась.

– Мне кажется, то, что хочет сказать мистер Хершель, совершенно конфиденциально. Если вы хотите наблюдать за ним, нельзя ли делать это через дверь?

Идея ему не понравилась, и он настоял на том, чтобы войти вместе со мной. У меня появилось искушение сломать ему руку – других возможностей остановить его я не видела.

Вид бедного дяди Стефана, такого крошечного, лежащего на кровати в окружении различных аппаратов, капельниц, кислородной подушки, заставил мой желудок взбунтоваться. Он спал и выглядел сейчас гораздо ближе к смерти, чем у себя дома прошлым вечером.

Доктор слегка дотронулся до его плеча. Он открыл простодушные карие глаза, несколько секунд в недоумении смотрел на меня, потом слабо улыбнулся.

– Мисс Варшавски, моя дорогая юная леди. Как я хотел увидеть вас. Лотти рассказала, как вы спасли мне жизнь. Идите сюда, и дайте я вас поцелую – не обращайтесь внимания на эти ужасные механизмы.

Я присела на кровать и обняла его. Метцингер коротко велел мне не дотрагиваться до

больного. Халат и маска надеваются для того, чтобы предохранять больного от микробов. Я встала.

Дядя Стефан посмотрел на доктора.

– Доктор, вы мой ангел-хранитель. Прогоните всех микробов и поставите меня на ноги, а? Но я хотел бы сказать мисс Варшавски несколько слов наедине. Могу ли я попросить вас выйти?

Я усердно избегала взгляда Метцингера, когда он, демонстрируя свою воспитанность, уходил из палаты.

– У вас пятнадцать минут, мисс Варшавски, и помните: не дотрагивайтесь до больного.

– Не буду, доктор.

Когда он обиженно хлопнул дверью, я придвинула к постели стул.

– Дядя Стефан... то есть мистер Хершель, мне так жаль, что я втянула вас в это. Лотти в ярости, и я не виню ее – это было глупо с моей стороны. Лучше бы я была на вашем месте.

Озорная усмешка, появившаяся у него на лице, сделала его очень похожим на Лотти.

– Пожалуйста, называй меня дядя Стефан. Мне так нравится. И не надо подвергать опасности свое прекрасное тело, моя новая племянница Виктория. Я же говорил тебе, что не боюсь смерти. И это действительно так. Ты дала мне возможность позабавиться, и я совсем не жалею об этом. Не расстраивайся и не злись. Но будь осторожна. Вот почему я хотел тебя увидеть. Тот, кто напал на меня, очень и очень опасен.

– Что произошло? Я не знала о вашем объявлении до вчерашнего дня – у меня самой была сумасшедшая неделя. Вы все-таки сделали фальшивую акцию?

Он хихикнул.

– И очень неплохую, если можно так сказать. Акции «Ай-Би-Эм». Хорошая, солидная компания. Сто штук. Так вот, в прошлую среду я ее... нет, их... закончил. Извините, из-за ранения я плохо говорю по-английски.

Он замолчал, закрыл глаза и с минуту тяжело дышал. Жаль, что нельзя взять его за руку. Дружеское прикосновение принесло бы ему гораздо больше пользы, чем изоляция и стерильность.

Но вот пергаментные веки снова раскрылись.

– Затем, значит, я звоню одному знакомому. Кто это, тебе лучше не знать, моя дорогая племянка. А он звонит своему знакомому, и так далее. И через неделю, в среду днем, звонят мне. Кто-то интересуется. Покупатель. Он приедет в четверг днем. Я быстро даю объявление в газете. Вот, а в четверг появляется этот человек. Я сразу определяю, что это не главный. По манерам видно – подчиненный. Как это у вас называется, «шестерка»?

– Да, «шестерка». Как он выглядел?

– Бандит. – Дядя Стефан с гордостью произнес это слово. – Около сорока. Крупный, но не жирный, понимаете? По национальности, похоже, хорват: тяжелая челюсть, густые брови. Он с тебя ростом, но не так красив. Может, на сто фунтов тяжелее.

Он снова остановился, чтобы отдышаться, и на мгновение закрыл глаза. Я исподтишка посмотрела на часы. Еще пять минут. Я не торопила его: это лишь сбило бы ход его мысли.

– Ну, тебя со мной не было, и я... и мне пришлось превратиться в хитрого детектива. Я ему говорю, что знаю о фальшивых акциях в монастыре и хочу пристроиться к этому дельцу.

Но мне надо знать, кто платит. Кто хозяин. Мы начинаем...э-э... драться. Он вырывает мои акции «Ай-Би-Эм», вашу акцию «Экорн» и говорит: «Ты слишком много знаешь для своего возраста!», достает нож, который я сразу заметил. А у меня под рукой была кислота, для вытравливания, понимаешь? Я плеснул ею, поэтому он чуть-чуть промахнулся, когда напал на меня.

Я засмеялась:

– Прекрасно. Когда выздоровеете, может, поступите в мое детективное агентство? Я никогда не нуждалась в партнере, но вы будете вносить в расследование некий шарм.

На его лице появилась слабая улыбка, он снова прикрыл глаза.

– Хорошая сделка, дорогая Виктория.

Мне пришлось напрячься, чтобы услышать его последние слова.

Ворвался доктор Метцингер:

– Вам пора уходить, мисс Варшавски.

Я поднялась:

– Когда будете говорить с полицией, опишите этого мужчину. Больше ничего не рассказывайте. Возможно, это обычное ограбление – ведь у вас в доме много серебра. И замолвите за меня словечко Лотти – она готова четвертовать меня.

Его глаза открылись, и он слабо подмигнул:

– Лотти всегда была своевольной, невыносимой девчонкой. Когда ей было шесть...

Доктор Метцингер прервал его:

– Теперь вам нужно отдохнуть. Расскажете об этом мисс Варшавски потом.

– А, очень хорошо. Только спроси ее о пони и маленьком замке на Клайнзее, – проговорил он, когда Метцингер выводил меня из палаты.

В коридоре меня остановил полицейский:

– Мне нужен полный отчет о вашем разговоре.

– Для чего? Для ваших мемуаров?

Полицейский схватил меня за руку.

– Мне приказано, если с ним кто-то будет разговаривать, выяснить, что он сказал.

Я вырвала руку.

– Хорошо. Он сказал, что в четверг днем сидел дома, когда к нему постучался мужчина. Он впустил его. Мистер Хершель старый одинокий человек и охотно принимает посетителей, ни в чем их не подозревая. У него в квартире много ценных вещей, и это, видимо, не секрет. Во всяком случае, между ними началось что-то вроде борьбы – насколько восьмидесятидвухлетний старик может бороться с головорезом. У него на столе был

очиститель для ювелирных изделий, что-то вроде кислоты, он плеснул ею в нападавшего, а затем получил удар ножом в грудь. Думаю, детали он может сообщить вам сам.

– Зачем он хотел вас видеть? – вставил Метцингер.

Мне очень хотелось домой, поэтому я не стала спорить.

– Я подруга его племянницы, доктора Хершель. Он знает меня через нее, знает, что я частный детектив. Пожилой человек предпочитает говорить о своих проблемах со знакомым, чем проходить через формальные полицейские допросы.

Полицейский, прежде чем отпустить меня, настоял на том, чтобы я записала все, что ему рассказала, и подписалась под этим.

– И ваш телефон, пожалуйста. Номер, по которому вас можно найти.

Это напомнило мне, что я еще не связалась с телефонной компанией. Я дала рабочий телефон и ушла. * * *

Когда я добралась до Иденс, движение уже стало оживленным. Значит, на пересечении с шоссе Кеннеди будет пробка. Я выехала на Петерсон и направила машину на юг по тихим улочкам в сторону Монтроуз. Было четверть седьмого, когда я оказалась, наконец, в своей квартире. Поставила будильник на семь, бросила у стены матрас и тут же заснула.

Когда зазвонил будильник, я долго не могла проснуться. Сначала мне показалось, что сейчас утро и я нахожусь в своей старой квартире на Холстед. Я выключила будильник и решила еще поспать. Тем не менее я успела обратить внимание на отсутствие журнального столика: чтобы выключить будильник, мне пришлось дотянуться до пола. Это окончательно разбудило меня, я поняла, где нахожусь и зачем мне надо вставать.

Я влетела в ванную, встала под прохладный душ и быстро надела новое бордовое платье. Переложив из чемодана в сумочку свою косметику, – натянула колготки и надела сапоги, сунула под мышку модельные туфли и помчалась к машине. У меня был выбор между курткой, которую я недавно купила, и чем-то, пропахшим дымом, – я выбрала куртку, по крайней мере, проверю, на что она годится.

Я опоздала в «Ганновер-Хаус» на двадцать минут и приехала одновременно с Филом. Он был слишком хорошо воспитан, чтобы косо посмотреть на мой наряд. Поцеловав меня в щеку, он взял меня под руку и повел в отель. Затем принял мою куртку и сапоги. Настоящий джентльмен.

Я нарисовалась во время остановок на светофорах и, прежде чем выйти из машины, провела расческой по волосам. Вспомнив великого Бо Бруммела[10], который сказал, что только неуверенные в себе люди прихорашиваются, приехав на вечеринку, я подавила желание поглядеться в огромные, от пола до потолка, зеркала в холле.

Стол был сервирован в Тридент-зале на четвертом этаже. Он вмещал двести человек, каждый из которых выложил сто долларов за удовольствие отобедать с архиепископом. У входа в зал высокая женщина в черном проверяла пригласительные билеты. Она приветствовала Фила по имени, ее худое кислое лицо расплылось в улыбке.

– Доктор Пасиорек, не так ли? Как, должно быть, гордятся вами ваши родители. А это ваша счастливая избранница?

Фил покраснел, неожиданно став действительно очень молодым.

– Нет-нет, Соня... Где наш столик?

Нас усадили за пятым столиком, в начале зала. Доктор и миссис Пасиорек сидели за главным столом вместе с О'Фаолином, Фарбером и другими именитыми католиками. Сесилия и ее муж Моррис оказались вместе с нами. Она была в черном вечернем платье, которое подчеркивало ее лишние двадцать фунтов веса и дряблые мышцы.

– Привет, Сесилия. Привет, Моррис, рада тебя видеть, – весело сказала я.

Сесилия холодно взглянула на меня, а Моррис встал, чтобы пожать мне руку. Безобидный брокер по продаже металлов, он не разделял семейной вражды по отношению к Агнес и ее друзьям.

За сто долларов нам подали похлебку из рыбы, моллюсков и овощей с томатным соусом. Наши соседи уже приступили к еде. Пока нам с Филом подавали еду, я изучала программу вечера. Собранные от обеда взносы пойдут на поддержку Ватикана, чье благосостояние пошатнулось из-за очередного экономического кризиса и падения лиры. Архиепископ О'Фаолин, глава финансового комитета Ватикана, собирался лично поблагодарить всех присутствующих за проявленную щедрость. После обеда и речей Фарбера и О'Фаолина, а также миссис Пасиорек, которая любезно согласилась организовать обед, будет прием с крепкими напитками в салоне Георга IV, примыкающем к нашему залу.

Толстый мужчина слева от меня взял второе пирожное из корзинки, но не предложил мне ни одного: приберегал для себя. Я спросила его, чем он занимается. Прежде, чем отправить в рот половину пирожного, мужчина коротко бросил:

– Страхованием.

– Невероятно! – воскликнула я. – Брокер или владелец компании?

Его жена, тощая, возбужденная женщина с гирляндой бриллиантов на шее, привалилась к нему.

– Гарольд – глава фирмы «Берхоп и Календс» в Чикаго.

– Как интересно! – воскликнула я.

«Берхоп и Календс» была крупной национальной брокерской фирмой, второй по значению после «Марш и Макленнан».

– А я сейчас работаю на страховую компанию. «Аякс». Как, по-вашему, если кто-то завладеет компанией, это отразится на делах?

– Не отразится, – пробормотал мужчина, наваливаясь дорогостоящим костюмом на только что принесенный салат.

Фил сжал мне локоть.

– Вик, не надо строить из себя бойскаута из предместья только потому, что я пригласил тебя на обед. Расскажи лучше, как ты жила все это время.

Я рассказала ему о пожаре. Он сморщился.

– Я был занят почти всю неделю. Даже газет не читал. Иногда мне кажется, если произойдет атомный взрыв, я узнаю об этом только по количеству раненых, поступающих в клинику.

– Но тебе нравится, чем ты занимаешься?

Его лицо прояснилось.

– Очень. Особенно исследовательская работа. Я занимаюсь эпилептиками в послеоперационный период – пытаюсь построить карту их нейронной деятельности.

Все-таки он еще слишком молод, чтобы увлечь необразованную аудиторию. Я слушала как можно внимательнее, больше увлеченная его энтузиазмом, чем тем, что он рассказывал. Поглощение жаркого из палтуса сопровождалось повествованием о том, как реагируют больные после операции на мозге, рыбу Фил проигнорировал – он чертил ручкой на салфетке какую-то диаграмму.

Сесилия несколько раз пыталась поймать его взгляд – она понимала, что рассказы о крови и операциях не очень подходящая тема для обеда, хотя большинство гостей обсуждали свои собственные проблемы: детей или только что приобретенные снегоочистительные машины.

Когда официанты убрали тарелки, вместе с несъеденными пирожными Фила, в зале воцарилась тишина, нарушаемая только голосом Фила.

– Вот что имеется в виду под физиологической программой, – убежденно говорил он. Взрыв смеха заставил его покраснеть и прерваться на полужае. Это привлекло к нему внимание главного стола.

Миссис Пасиорек была слишком занята, развлекая архиепископа, чтобы обращать внимание на своих детей. Когда мы пришли, обед был в полном разгаре, поэтому она не заметила ни меня, ни Фила. Его эмоциональное выступление и смех в зале заставили ее немного повернуть голову, чтобы узнать, в чем дело. Она увидела его, затем меня. Она нахмурилась, маска доброжелательности медленно сползла с ее лица. Затем она строго взглянула на Сесилию, которая сделала беспомощный жест рукой.

Миссис Пасиорек подтолкнула локтем архиепископа О'Фаолина и что-то прошептала ему на ухо. Он посмотрел в нашу сторону, мы сидели всего в пятнадцати футах от них – и тоже тихонько сказал что-то миссис Пасиорек. Возможно, давал инструкции, чтобы его швейцарские телохранители вышвырнули меня[11].

Фил яростно наливал сливки в кофе. Он был еще слишком молод, чтобы спокойно реагировать на смех окружающих. И все же, когда гости стали вставать, чтобы получить послеобеденное благословение кардинала Фарбера, я успокаивающе потрепала его по руке и под шум отодвигаемых стульев изрекла:

– Помни: единственный грех – это обращать внимание на то, что думают о тебе другие.

Фарбер быстро благословил обед, которым мы только что насладились, и начал говорить о том, что царство Божие упрочается земными делами, что Господь дал нам для этого телесную оболочку и что деятельность церкви поддерживается только материальными дарами паствы. Быть архиепископом Чикаго – особая честь, ибо это не только самая крупная в мире, но и самая любящая и самая щедрая епархия. Он поблагодарил за то, что Чикаго столь активно откликнулся на жгучие потребности Ватикана, и предоставил слово для личной благодарности его святейшеству Ксавиру О'Фаолину, архиепископу Сиудад-Изабеллы и главе финансового управления Ватикана.

Довольные его похвалой, гости энергично зааплодировали. О'Фаолин взошел на подиум, возвышавшийся в передней части комнаты, и сначала обратился к Господу по-латински, а потом начал речь. И снова его испанский акцент оказался таким сильным, что практически невозможно было ничего понять. Сначала люди напряженно вслушивались, потом зашевелились и стали перешептываться.

Фил покачал головой:

– Не понимаю, что с ним сегодня такое. Обычно он прекрасно говорит по-английски. Должно быть, мама вывела его из равновесия.

Я снова подумала, о чем же, интересно, переговаривались миссис Пасиорек и О'Фаолин. Так как следить за ходом мыслей панамского архиепископа было невозможно, я позволила себе отвлечься. Аплодисменты вывели меня из оцепенения, и я тряхнула головой, стараясь полностью прийти в себя.

Фил пошутил по поводу того, что я заснула, и затем добавил:

– А теперь наступает самая интересная часть вечера. Ты будешь обходить салон, попытаюсь узнать своего таинственного абонента, а я буду наблюдать за тобой.

– Прекрасно. Возможно, это пригодится тебе для очередной статьи о влиянии исследовательской и тому подобной практики на деятельность мозга.

Когда мы поднялись, чтобы присоединиться к толпе, направляющейся в зал Георга IV, миссис Пасиорек проложила себе путь сквозь поток гостей и подошла к нам.

– Что ты здесь делаешь? – требовательно спросила она, обращаясь ко мне.

Фил взял меня под руку:

– Это я пригласил ее, мама. Я подумал, что не смогу выдержать Плэттенсов и Карутерсов без моральной поддержки.

Она стояла, пламенея от гнева, цвет лица менялся с ужасающей быстротой, но у нее хватило здравого смысла понять, что ей не удастся выпроводить меня из отеля. Наконец она повернулась к Сесилии и Моррису.

– Постарайтесь держать ее подальше от архиепископа Фарбера. Не хватало еще, чтобы она его оскорбила, – бросила миссис Пасиорек через плечо.

Фил сделал кислую мину.

– Прости, Ви. Ай. Хочешь, я пойду с тобой? Тогда никто не будет тебе грубить.

Я была приятно удивлена и тронута.

– Как хочешь, мой друг. Но если мне кто-нибудь будет слишком грубить, я сломаю ему шею или что-нибудь еще, а ты потом его залатаешь и станешь героем дня.

Фил отошел, чтобы принести мне бренди, а я отправилась бродить, по залу, останавливаясь у небольших групп людей, представляясь, болтая, чтобы каждый успел сказать мне несколько слов, а затем направляясь дальше. На полпути я наткнулась на отца Пелли с Сесилией и незнакомыми мне людьми.

– Отец Пелли! Рада вас видеть.

Он выдавил из себя улыбку:

– Мисс Варшавски! Не думал, что вы тоже поддерживаете епархию.

Я усмехнулась:

– И правильно думали. Меня пригласил Фил Пасиорек. А как насчет вас? Не думала, что монастырь может себе позволить такое развлечение.

– Мы и не можем. Меня пригласил Ксавир О'Фаолин. Я работал у него секретарем до того, как десять лет назад его направили в Ватикан.

– Значит, вы остались друзьями. Замечательно! И каждый раз, приезжая в город, он, конечно, бывает в монастыре? – небрежно спросила я.

– Он проведет у нас три дня перед тем, как вернуться обратно в Рим.

– Замечательно! – повторила я, и под испепеляющим взглядом Сесилии отправилась дальше.

Фил догнал меня, когда я приближалась к группе, собравшейся вокруг О'Фаолина.

– Ни один вечер со стариками не проходит без того, чтобы я снова не почувствовал себя в детском саду, – пожаловался Фил. – Каждый третий вспоминает, как я разбил окно в церкви из рогатки.

Он представлял меня различным людям, а я медленно продвигалась к О'Фаолину. Как раз тогда, когда я, наконец, добралась до цели, кто-то распрощался с архиепископом за руку и отошел, так что я смогла приблизиться к нему.

– Архиепископ, это мисс Варшавски. Возможно, вы помните ее со дня похорон моей сестры, – сказал Фил.

Великий человек удостоил меня величественного кивка головы... Одет он был в красную епископскую мантию поверх черного костюма из дорогой шерсти. У него были зеленые глаза – от отца ирландца. Раньше я этого не замечала.

– Может, архиепископ предпочтет говорить по-итальянски? – вежливо спросила я, обращаясь к нему на этом языке.

– Вы говорите по-итальянски?

Как и английский, его итальянский имел налет испанского, но не такой сильный. Его голос показался мне знакомым. Я пыталась вспомнить, не видела ли О'Фаолина я когда-нибудь по телевизору, и спросила его об этом.

– Эн-би-си любезно согласилось взять у меня небольшое интервью. Люди считают Ватикан очень богатой организацией, поэтому нам трудно говорить о нашей бедности и просить помощи у верующих. К тому же они и без того всегда добры к нам.

Я кивнула. Эн-би-си в Чикаго активно поддерживало крупных католических деятелей и с пониманием относилось к их проблемам.

– Да. Здешние газеты много писали о финансовых делах Ватикана. Особенно после неожиданной смерти Кальви прошлым летом. (Мне показалось или он действительно слегка вздрогнул?) А ваша работа в финансовом управлении Ватикана как-то связана с банком Амброзиано?

– Синьор Кальви был истовым католиком. К сожалению, его рвение заставило его преступить границы допустимого.

Он снова перешел на английский с сильным акцентом. Я сделала еще одну-две попытки продолжить разговор, но было ясно, что интервью окончено.

Мы с Филом сели на маленькую кушетку. Мне нужно было передохнуть, перед тем как приняться за другую половину зала.

– Что это ты говорила насчет Кальви и банка Амброзиано? – спросил Фил. – Я достаточно хорошо владею испанским, чтобы уловить кое-что на итальянском... Должно быть, ты вывела его из себя, раз его английский опять стал таким плохим.

– Возможно. Он явно не хотел говорить насчет Амброзиано.

Несколько минут мы сидели молча. Я собиралась с силами, чтобы наброситься на оставшихся гостей. Вдруг прямо за собой услышала голос... Тот самый голос!

– Большое спасибо, миссис Эддингтон. Его святейшество будет молиться за всех преданных католиков Чикаго.

Я вскочила на ноги, расплескав бренди на новое бордовое платье.

Фил, встревоженный, встал.

– В чем дело, Вик?

– Это тот самый человек, который звонил мне. Кто он?

– О ком ты спрашиваешь?

– Ты разве не слышал? Кто-то только что обещал всем благословение папы. Кто это?

Фил был в смятении.

– Это же архиепископ О'Фаолин. Неужели это он тебе звонил?

– Не обращай на меня внимания. Хотя... ничего странного, что тебя удивил его акцент.

У О'Фаолина была интонация человека, который старательно выучил английский и избегает всякого акцента. Ирландского, испанского – любого. Я присоединилась к группе, что окружала архиепископа. Увидев меня, он замолк на полуслове.

– Не обращайтесь на меня внимания, – сказала я. – И не надо снова возвращаться к испанскому акценту. Я знаю, кто вы. Чего я не понимаю, так это вашей связи с мафией.

Я почувствовала, что с трудом держусь на ногах – так сильно меня трясло. Вот человек, который хотел меня ослепить. Хорошо, что у меня хватило самообладания и я не набросилась на него тут же на месте.

– Вы меня с кем-то путаете, юная леди. – О'Фаолин проговорил это ледяным тоном, но своим обычным бесцветным голосом.

Окружавшие его застыли, словно камни Стонхенджа[12]. Откуда-то появилась миссис Пасиорек.

– Дорогой архиепископ, – сказала она, – кардинал Фарбер собирается уезжать.

– А, да. Сейчас иду. Я должен поблагодарить его за гостеприимство.

Когда он уходил, я холодно бросила:

– Только запомните, архиепископ: счастье невечно.

Фил помог мне добраться до кушетки.

– Вик, что случилось? Что тебе сделал О'Фаолин? Ты же его не знаешь:

Я покачала головой:

– Мне показалось, что я его знаю. Но, наверное, он прав: должно быть, я его с кем-то перепутала.

Хотя я не сомневалась, что это не так. Нельзя забыть голос того, кто собирается плеснуть тебе в глаза кислотой.

Фил предложил отвезти меня домой, принести бренди, сделать что-нибудь еще. Я благодарно ему улыбнулась.

– Со мной все в порядке. Просто шок от пожара и всего остального. Да и спала я мало. Еще немного посижу и поеду домой. Или как там можно назвать мое теперешнее пристанище.

Фил сел рядом. Он держал меня за руку и говорил о посторонних вещах. Очень симпатичный молодой человек. Я снова подивилась тому, как миссис Пасиорек смогла произвести на свет таких милых детей, как Агнес, Фил и Барбара.

– Единственной победой твоей матери была Сесилия, – неожиданно сказала я.

Он улыбнулся:

– Ты видишь маму только с плохой стороны. А она во многих отношениях хороший человек. Сколько добра, например, она делает! Она унаследовала огромное состояние Сэвиджей и, вместо того чтобы превратиться в Глорию Вандербилт или Барбару Пост, почти все потратила на благотворительность. Она выделила капитал нам, детям, чтобы уберечь нас от нужды. Оплатила, например, мое медицинское образование. Но основная часть наследства идет на благотворительность. Особенно на церковь.

– Не на «Корпус Кристи» случайно? Он пристально посмотрел на меня.

– Откуда ты об этом знаешь?

– О, даже члены секретных обществ умеют говорить, – туманно ответила я. – Твоя мать, наверное, принимает активное участие во всех этих делах?

Он покачал головой:

– Нам не разрешается рассказывать об этом. Она объяснила это каждому из нас, когда нам исполнилось по двадцати одному году – чтобы мы знали, почему у нас не будет большого наследства. Только Барбара еще не знает. Мы не обсуждаем это даже между собой, хотя Сесилия и член общества.

– А ты нет?

Он печально улыбнулся.

– Я не похож на Агнес: я не утратил веры и не повернулся спиной к церкви. Просто, в связи с деятельностью мамы, у меня была масса возможностей увидеть продажность этой организации. Я не удивляюсь такому положению вещей: в конце концов епископы и священники обыкновенные люди, как и все, подверженные соблазну. Но я не хочу, чтобы они распорядились за меня моими деньгами.

– Например, кто-нибудь вроде О'Фаолина, который промотал деньги верующих. Он член «Корпуса Кристи»?

Фил пожал плечами:

– А отец Пелли – да, – сказала я с полной убежденностью.

– Пелли – хороший парень. Он вспыльчив, но такой же фанатик, как моя мать. Думаю, никто не сможет обвинить его в том, что он преследует личные интересы.

Комната стала расплываться передо мной. Переизбыток информации, ярость, усталость... Мне показалось, что я вот-вот упаду в обморок.

После отъезда О'Фаолина и Фарбера комната начала пустеть. Поднялась и я.

– Нужно ехать домой.

Фил снова изъявил готовность отвезти меня.

– Вик, ты не в таком состоянии, чтобы садиться за руль. В травматологическом отделении я вижу слишком много сломанных черепов и шей. Давай я отвезу тебя.

Я твердо отказалась:

– На воздухе мне станет лучше. Я всегда пристегиваюсь и осторожно вожу машину.

Мне надо было о многом подумать, побыть одной.

Фил принес мою куртку и сапоги и с трогательной озабоченностью помог мне одеться. Потом проводил меня до входа в гараж и настоял на том, чтобы оплатить стоянку. Я была тронута его заботой и не стала возражать.

– Сделай одолжение, – сказал он, – позвони мне, когда приедешь. Я поеду в Саут-Сайд поездом, буду дома через час. Просто хотелось бы знать, что ты цела и невредима.

– Конечно, Фил, – бросила я и вошла в гараж.

«Омега» была припаркована на третьем этаже. Я поднялась на лифте, проследив за тем, чтобы рядом не оказался какой-нибудь бродяга. Лифты по вечерам – весьма неприятное место.

Когда я наклонилась, чтобы открыть дверцу машины, кто-то схватил меня за руку. Я вывернулась и ударила как можно сильнее. Мой сапог угодил по голени, человек вскрикнул от боли и отскочил.

– Варшавски, стой! Ты на мушке. Не пытайся сопротивляться.

Голос слышался из тени позади машины. Фонарь осветил металл. Я с сожалением вспомнила, что полицейские отобрали у меня револьвер. Но что теперь об этом думать!

– Хорошо, сдаюсь, – спокойно ответила я. Положила на пол свои парадные туфли и прикинула расстояние. Пожалуй, в темноте меня трудно будет убить, но ударить – запросто.

– Я мог бы убить тебя, когда ты открывала машину, – сказал мужчина, как будто читал мои мысли; он вышел из темноты, держа револьвер наготове. Голос у него был низкий, хриплый.

– Но я пришел сюда не для этого. С тобой хочет говорить дон Паскуале. Мой напарник простит тебе этот удар – нечего ему было хватать тебя за руку. Нам говорили, что ты здорово дерешься.

– Спасибо, – мрачно поблагодарила я. – В моей машине или в вашей?

– В нашей. Мы завяжем тебе глаза.

Я подняла туфли и пошла за мужчинами к «кадиллаку», который стоял в дальнем углу. Сопротивляться не было никакого смысла. Мне завязали глаза широким черным шелковым шарфом. Я чувствовала себя преступником, ожидающим команды: «Огонь!»

Хриплый Голос сел со мной рядом на заднее сиденье, я ощущала прикосновение его оружия к своему боку.

– Можете убрать, я не собираюсь набрасываться на вас, – устало проговорила я.

Оружие убрали. Я откинулась на мягком плюшевом сиденье и задремала. Должно быть, я заснула по-настоящему, потому что, когда машина остановилась, Хриплый Голос тряхнул меня, чтобы разбудить.

– Шарф снимем, когда войдем.

Он быстро, но не грубо повел меня по каменной дорожке, затем мы поднялись на один лестничный пролет, он обменялся приветствием с охранником, и вот мы уже идем по устланному ковром полу. Резкий стук в дверь. Слабый голос приказал ему войти. – Ждите здесь, – распорядился Хриплый Голос.

Я прислонилась к стене и стала ждать. Через минуту дверь открылась.

– Входите, – сказал Хриплый Голос.

Я последовала за ним и почувствовала запах сигары и тепло огня. Мой проводник развязал шарф. Я поморгала, привыкая к свету, и огляделась. Я находилась в большой комнате, где ковер, обои и стулья, обтянутые вельветом и шерстяной тканью, – все было бордового цвета, что создавало эффект пышности, но не безвкусицы.

В кресле у большого камина сидел дон Паскуале. Я видела его однажды в суде и потому сразу же узнала, хотя теперь он выглядел гораздо старше и вид у него был довольно болезненный. Это был худой, с седыми волосами старик лет семидесяти, а возможно и больше, в очках с роговой оправой, одетый в дымчато-красный бархатный смокинг. В левой руке он держал невероятных размеров сигару.

– Итак, мисс Варшавски, вы хотели поговорить со мной.

Я подошла к огню и села напротив него. Я чувствовала себя как Дороти в стране Оз[13], когда она встретила говорящую голову.

– Вы очень храбрая молодая леди, мисс Варшавски. – Старческий голос скрипел, как пергамент. – Никто еще не засыпал, когда его везли ко мне.

– Вы меня вымотали, дон Паскуале. Ваши люди сожгли мою квартиру. Уолтер Новик пытался лишиться меня зрения. Кто-то ранил бедного мистера Хершеля. Поэтому я мало сплю и пытаюсь прикорнуть, когда есть возможность.

Он кивнул:

Очень разумно. Кто-то мне сказал, что вы говорите по-итальянски. Не могли бы мы перейти на этот язык?

– Конечно, – тут же отозвалась я по-итальянски. – У меня есть тетя, старая женщина. Роза Вигнелли. Она позвонила мне две недели назад в глубоком отчаянии. В сейфе Монастыря Святого Альберта, за который она несла ответственность, нашли фальшивые акции.

Я выучила итальянский до пятнадцати лет, когда еще жива была Габриела. Поэтому мне

приходилось подбирать слова, особенно когда я описывала подлог. Иногда дон Паскуале помогал мне.

– Теперь из-за фашистов и нацистов у моей тети почти не осталось семьи. Фактически только ее сын и я. Поэтому она обратилась за помощью ко мне. Что вполне естественно. – Дон Паскуале кивнул. В итальянских семьях прежде всего просят помощи друг у друга. Даже если семья – это Роза и я. – Вскоре после этого кто-то позвонил мне и, угрожая кислотой, приказал держаться подальше от монастыря. В конце концов, этот кто-то действительно плеснул мне в лицо кислотой. Очевидно, Уолтер Новик. – Последующие слова я подбирала с особой осторожностью. – Конечно, после этого я заинтересовалась этими фальшивыми акциями. Но, по правде говоря, если кто и может заняться этим делом и раскрыть его, то только ФБР. У меня нет ни денег, ни сил на такую работу. – Я посмотрела прямо в лицо Паскуале. Его выражение вежливого внимания ничуть не изменилось. – Моя главная забота – тетя, хотя она и довольно несносная старуха. Понимаете, обещала матери, когда она умирала, помогать ей. Но теперь, когда кто-то нападает на меня, затронута и моя честь.

Надеюсь, я не переборщила.

Дон Паскуале посмотрел на свою сигару, проверяя количество пепла. Потом несколько раз затыкнулся и осторожно сбросил пепел в бронзовую пепельницу, стоящую по левую руку.

– Сочувствую вашей истории, мисс Варшавски. Но все-таки: какое это имеет отношение ко мне?

– Уолтер Новик... хвастался... что он под вашей защитой. Я не уверена, но думаю, это он пытался убить Стефана Хершеля два дня назад. Так как этот человек стар и так как он помогал мне, я обязана выследить его убийцу. Вот два моих обвинения против Уолтера Новика. Если станет ясно, что он не под вашей защитой, я бы с чистой совестью обращалась с ним только как с бандитом, напавшим на мистера Хершеля. И забыла бы нападение на меня. И перестала бы интересоваться акциями – если не будет снова замешано имя моей тети.

Паскуале слегка улыбнулся:

– Вы – единственная женщина, которая работает в одиночку. Вы очень храбры, но вы – одна. Что вы хотите мне предложить?

– ФБР перестало заниматься этим делом. Но если бы они знали, в каком направлении искать, их интерес мог бы опять пробудиться.

– Если вы не покинете этот дом, ФБР никогда ничего не узнает. – Пергаментный голос был мягким, но у меня по спине поползли мурашки. Я посмотрела на его руки. Они были удивительно маленькие и хрупкие.

– Это игра, дон Паскуале. Я знаю теперь, кто запугивал меня по телефону, – сказала я. – Если ваши интересы совпадают, тогда мое дело безнадежно. Тогда кто-то из вас двоих убьет меня. Я не смогу вечно выбираться из горящих квартир или ломать челюсти нападающим. Конечно, я буду бороться до конца, но результат борьбы очевиден. Но если это всего лишь деловое знакомство, тогда ситуация немного меняется. Вы правы – мне нечего вам предложить. «Геральд стар», чикагская полиция, ФБР – все будут в поте лица расследовать мое убийство. Или даже историю с фальшивыми акциями, ту, что я рассказала вам. Но сколько судебных приговоров вы уже избежали? – Я пожала плечами. – Я взываю лишь к вашей чести, к чести семьи и прошу вас понять, почему я сделала то, что сделала, и почему я хочу того, чего хочу. – Я обращаюсь к чести мафии, подумала я. К мифу о чести. Но многим из них хотелось бы в него верить. Я надеялась только на то, что у Паскуале было высокое представление о самом себе и своей репутации.

Прежде, чем он заговорил, на его сигаре вырос длинный столбик пепла.

– Сейчас Эрнесто отвезет вас домой, мисс Варшавски. Вы получите мой ответ через несколько дней.

Пока мы разговаривали, Хриплый Голос, или Эрнесто, тихо стоял у двери. Теперь он подошел ко мне с шарфом.

– Не стоит, Эрнесто, – мягко проговорил Паскуале. – Если мисс Варшавски захочет рассказать о том, что узнала, она не сможет этого сделать.

По спине снова поползли мурашки. Я сжала пальцы ног, чтобы унять дрожь в коленях. Стараясь говорить ровным голосом, я пожелала дону спокойной ночи.

Я попросила Эрнесто отвезти меня в Беллерофон. Сейчас Фил Пасиорек был бы прав. Я не могла вести машину. Напряжение от разговора с Паскуале, не говоря о других стрессах дня, лишило меня последних сил. Что из того, что Эрнесто узнает, где я живу? Если Паскуале захочет меня найти, это сократит его поиски на день-другой, не больше.

Я спала всю обратную дорогу. Приехав в Беллерофон, я, шатаясь, добралась до четвертого этажа, сбросила сапоги, скинула на пол новое платье и упала на кровать.

Глава 20

Чистка одежды

В половине двенадцатого я проснулась и некоторое время лежала, испытывая приятное чувство покоя и пытаюсь вспомнить сон, который снился мне в середине ночи. Ко мне пришла Габриела, не измученная, как в последние дни болезни, а полная жизни. Она знала, что я в опасности, и хотела завернуть меня в белую простыню, чтобы спасти.

У меня появилось острое ощущение, что во сне мне был дан ключ к решению моих проблем, но как ухватиться за него? Нужно было за очень короткое время извлечь что-то из своего подсознания. Дон Паскуале сказал, что свяжется со мной через несколько дней. Это означало, что у меня есть, вероятно, сорок восемь часов, чтобы привести мои дела в такое состояние, когда любые его действия против меня оказались бы бесполезными.

Я выбралась из постели и быстро приняла душ. Ожоги на руках заживали хорошо. Я могла бы снова заняться бегом, но была не в состоянии заставить себя надеть свитер и выйти на холод. Пожар в моей квартире расстроил меня больше, чем я хотела показать Роджеру. Мне нужно хоть какое-то ощущение безопасности, бег по зимним улицам его не давал.

Я вынула из чемодана одежду. Выстиранные вещи пропахли дымом. Я положила их в выдвижной ящик в постели. – Машины бокалы поставила на небольшой обеденный стол. Ну все, теперь я окончательно переселилась.

Связав в узел оставшиеся вещи, чтобы отнести их в химчистку, я спустилась вниз. Когда я выходила из двери, меня окликнула миссис Климзэк, управляющая, худая нервная женщина, которой, казалось, всегда не хватает воздуха.

Она вышла из-за столика в холле и поспешила ко мне с коричневым бумажным пакетом в руках.

– Кто-то оставил для вас этим утром, – задыхаясь, сказала она.

Я неуверенно взяла пакет, опасаясь худшего. Но внутри оказались мои красные туфли, которые я забыла в лимузине дона Паскуале прошлой ночью.

Записки не было. Что ж, жест, по крайней мере, был дружеский.

После долгих разговоров о том, что мне лучше подняться на четвертый этаж и потом еще раз спуститься вниз, миссис Климзэк согласилась наконец до моего возвращения оставить туфли у себя. Когда я пошла к дверям, она побежала за мной, чтобы добавить:

– Если собираетесь в химчистку, есть хорошая за углом, на Расина.

Женщина в химчистке с восторгом сообщила мне, что избавление от запаха дыма будет стоить дополнительной оплаты. Она устроила целое представление, осматривая каждую вещь, кудахча над ней и записывая на листок бумаги каждый предмет со старательностью полицейского, выписывающего штраф.

Потеряв терпение, я сгребла одежду и ушла.

Вторая химчистка, несколькими кварталами дальше, делившая мрачное помещение с ателье, понравилась мне больше. Женщина за прилавком без комментариев приняла все вещи, быстро выписала квитанцию и направила меня к стойке, где подавали домашний суп и фаршированную капусту. Не очень подходящий набор блюд для завтрака, но огненный свежий суп был великолепен.

На сдачу я позвонила в контору, чтобы узнать о сообщениях на автоответчике, и выяснила, что несколько раз звонил Фил Пасиорек (я совсем о нем забыла), а также Мюррей Райерсон и детектив Финчли.

Я позвонила в телефонную компанию и объяснила им ситуацию. Они согласились переключить мой номер на Беллеро-фон, а также взять компенсацию за украденный телефон. Затем я позвонила Фримэну Картеру и сказала, что видела дядю Стефана и готова сделать заявление в полицию, если они с меня снимут обвинение. Он согласился уладить это дело. После этого я сделала еще один звонок – Филу в больницу: оставила для него сообщение, что перезвоню ему. Мюррея и полицию я отложила на потом.

Приехав в город, я забрала машину и направилась к Палтиней-Билдинг. Перед дверями моего офиса лежала гора корреспонденции. Я быстро просмотрела ее, выбрала квитанции и письма, а остальное выбросила. Никаких счетов, пока моя жизнь хоть немного не стабилизируется. Я с удовольствием осмотрелась вокруг. Голо, но зато мое. Можно перенести сюда матрас, оборудовать маленькую раковину и плиту и некоторое время пожить здесь.

Стол был покрыт слоем пыли. Через мое окно просачивались все виды загрязнений от железной дороги. Я вышла в коридор, налила из питьевого фонтанчика чашку воды и протерла стол моющим средством. Сойдет и так.

Воспользовавшись только что открытым конвертом, я составила на нем план действий:

1. Просмотреть финансовые дела и личные бумаги миссис Пасиорек.
2. То же – О'Фаолин.
3. То же – Пелли.
4. Выяснить, действительно ли на дядю Стефана напал Уолтер Новик.

5. Если да, арестовать его.

Я не представляла себе, что делать с первыми тремя пунктами. Но четвертый выполнить довольно легко. Так же и пятый. Я позвонила Мюррею в «Геральд стар».

– Ви. Ай., ты еще жива? – приветствовал он меня.

– Пока жива, – ответила я. – Мне нужны кой-какие фотографии.

– Прекрасно. Институт искусств как раз выставил кое-что на продажу. Я пытался дозвониться тебе вчера вечером. Нам хотелось бы сострять статью о Стефане Хершеле и твоём аресте.

– А зачем тебе для этого я? Возьми и напиши. Как несколько дней назад.

– Мне нужны твои фотографии. А чьи фотографии нужны тебе?

– Уолтера Новика.

– Ты думаешь, это он напал на Хершеля?

– Просто хочу знать, как он выглядит, если вдруг опять заявится ко мне.

– Хорошо, хорошо. Я принесу фотографии в «Голден глоу» около четырех. А ты уделишь мне полчаса.

– Только помни, что ты не Бобби Мэллори. И я не обязана ничего тебе рассказывать, – раздраженно сказала я.

– Насколько я знаю, ты и Мэллори ничего не рассказываешь. – Он повесил трубку.

Я посмотрела на часы. Два. Достаточно времени, чтобы обдумать, как добраться до нужных документов. Можно, например, переодеться странствующим членом «Корпуса Кристи» и постучаться в дверь миссис Пасиорек. Пока она будет молиться, я найду ее сейф, взломаю замок и...

И... Но ведь я действительно могла бы переодеться. Только не для миссис Пасиорек, а для посещения монастыря. Если О'Фаолина не будет, возможно, я смогу осмотреть его вещи, а заодно и порыться в бумагах Пелли. Конечно, если маскарад удастся. Сумасшедшая идея, но ничего лучшего мне в голову не приходило.

Когда идешь по Джексон-стрит к реке, проходишь мимо нескольких магазинов тканей. В магазине «Хоффманштальс», на углу Джексон и Уэллс-стрит, я нашла рулон мягкой белой шерсти. Меня спросили, сколько мне надо. Я не знала, что ответить, и сделала набросок одежды. Мы остановились на десяти ярдах. Восемь долларов за ярд – не очень дорого. Поясов у них не оказалось, поэтому я с час обходила магазины кожаных изделий и мужской одежды, чтобы найти солидный черный пояс. В магазине религиозных товаров рядом с остановкой «Юнион» я купила недостающие аксессуары.

Когда я возвращалась по скользким улицам к «Голден глоу», мое внимание привлек магазин печатной продукции. Повинуясь какому-то импульсу, я вошла. У них были фотографии бывших чикагских гангстеров. Я купила шесть штук, чтобы перемешать их с фотографиями Новика, которые должен был дать мне Мюррей.

Было почти четыре – времени на то, чтобы заглянуть в маленькое ателье на улице Монтроуз, не оставалось. Но если я не сделаю этого сегодня, придется все отложить до понедельника, а это уже слишком поздно. Но ничего, Мюррей может поехать со мной и поговорить в машине.

Он согласился с трудом. Когда я вошла, он с удовольствием поглощал вторую кружку пива, сняв ботинки и развесив свои носки на каминной решетке рядом с баром из красного дерева в форме подковы. Пока он, громко стелая, надевал мокрые ботинки, я взяла со стойки папку. Там лежали две фотографии Новика, не слишком четкие, но достаточно хорошие, чтобы его можно было узнать. Обе были сделаны в суде, когда Новик привлекался по статьям о непредумышленном убийстве и вооруженном ограблении. Но так и не был осужден. Друзья Паскуале редко попадали в тюрьму.

Я облегченно вздохнула. Я боялась, что им окажется тот мужчина, которого я лягнула вчера вечером; если он настолько близок к Паскуале, то шансов у меня маловато.

Я быстро потащила Мюррея к машине.

– Черт возьми, Ви. Ай., притормози. Я весь день работал и только что выпил пива.

– Если тебе нужен мой рассказ, поторапливайся, Райерсон.

Он сел на переднее сиденье, ворча, что машина слишком для него мала. Я включила зажигание и направилась в сторону Лейк-Шор-Драйв.

– Как так случилось, что ты оказалась у Стефана Хершеля в тот день, когда на него напали? И что он сам говорит об этом нападении? Понимаешь, проклятые врачи не разрешили поговорить с ним, поэтому я пристаю к тебе, хотя и знаю, что получу только половину истории. Мой осведомитель в полиции сказал, что тебя арестовали. За сокрытие доказательств при расследовании преступления. Какого преступления?

– Все это буйные фантазии лейтенанта Мэллори. Ему не понравилось, что я оказалась в квартире Стефана Хершеля и спасла ему жизнь. Он должен был в чем-нибудь меня обвинить.

Мюррей опять пожелал узнать, что я делала в квартире дяди Стефана. Я рассказала ему свою стереотипную версию: дядя Стефан одинокий пожилой человек, и я случайно заглянула к нему.

– И когда я увидела его в больнице...

– Ты говорила с ним! – Мюррей взревел так, что задрожали стекла моей маленькой машины. – Что он сказал? Ты едешь туда? На него напал Новик?

– Нет, я еду не туда. И не знаю, кто на него напал. Версия полиции такова, что это случайная квартирная кража. Новик работает на мафию, не думаю, что он занимается подобными делами, если, конечно, не имеет еще и собственного интереса. Не знаю...

Я рассказала о коллекции серебра и о том, как дядя Стефан любит угощать людей пирожными и шоколадом.

– Когда кто-то позвонил в дверь, он просто подумал, что это соседские дети, и впустил их. Может, это и были дети. Бедный старик... – Вдруг меня осенило. – Знаешь, тебе стоит поговорить с соседкой, миссис Сильверстейн. Она часто общалась с ним. Клянусь, она много чего порасскажет.

Мюррей сделал пометку.

– И все-таки я тебе не верю, Ви. Ай. Очень уж кстати ты там оказалась.

Я пожала плечами и остановилась перед ателье.

– Это все. Хочешь – ешь, а хочешь – плюй, и оставь меня в покое.

Так мы проделали весь этот путь ради этого ателье? Это твоя «крайняя необходимость»? Ты хоть бы подумала теперь, как доставить меня к окружной дороге.

– Эта «крайняя необходимость» самой мне не до конца понятна.

Я взяла сверток с тканью и вошла в маленький магазинчик. Ателье занимало часть магазина и представляло собой скопление беспорядочно разбросанных катушек и ниток, швейную машинку «Зингер», производства начала века, и массу обрывков и лоскутков.

В углу, положив ногу на ногу, сидел, склонившись над коричневым костюмом, мужчина – тоже, должно быть, образца 1900 года. Он покосился на меня и продолжал шить. Закончив свою работу, мужчина аккуратно сложил изделие, положил на заваленный тканью стол слева и, взглянув на меня, спросил:

– Да? – У него был сильный акцент.

– Могли бы вы сшить мне кое-что без выкройки?

– Конечно, юная леди. Не сомневайтесь. Когда я был молодой, я шил маршалу Филду и Чарлзу Стивенсу. Это было еще до вашего рождения, они заказывали одежду прямо здесь, в магазине. Я целыми днями кроил и все без выкроек. А вы что хотите?

Я показала ему свой набросок, развернула коричневую упаковку и показала ткань. Он с минуту изучал рисунок, потом воззрился на меня:

– Нет проблем. Никаких проблем.

– А могу я получить заказ к... понедельник?

– К понедельнику? Юная леди торопится? – Он махнул рукой на горы ткани. – Посмотрите на все эти заказы. Их сделали заранее. Они принесли свою ткань за несколько недель до вас. Понедельник, моя дорогая леди!

Я уселась на стул и стала торговаться. Наконец он согласился выполнить заказ за двойную цену, уплаченную вперед:

– Сорок долларов. И не пенни меньше.

Я напустила на себя недоверчивый вид, будто сомневалась, не обманывают ли меня. Но я-то знала, что только ткань стоила в два раза больше. Наконец я вытасила из бумажника две двадцатки. Он велел заехать в понедельник в обед.

– Но в следующий раз не торопитесь, – напутствовал он меня.

Мюррей оставил под стеклом записку, что он поехал в центр на такси и я должна ему шестнадцать долларов. Я выбросила записку и поехала в сторону Скоки.

В тот день дядю Стефана перевели в обычную палату. Это означало, что мне не надо проходить нудную процедуру с медсестрами и Метцингером, чтобы встретиться с ним. Но убрали и полицейскую охрану – если его нападающие были обычными грабителями, то, по мнению полиции, опасаться ему нечего. Я закусила губу. Вот и попалась в сети собственной лжи. Пока я не расскажу все о фальшивых акциях и мафии, мне не удастся убедить полицию, что дяде Стефану нужна охрана.

Старик был рад меня видеть. Лотти заезжала к нему утром, но больше никто его не навещал.

Я вытащила фотографии и показала их ему. Он спокойно кивнул:

– Прямо как в сериале «Полицейские с Хилл-стрит». Так ты спрашиваешь, узнаю ли я этого типа? – Он без колебания выбрал фотографию Новика. – Такое лицо нелегко забыть. Снимок не очень четкий, но у меня нет сомнений и нет вопросов. Это человек с ножом.

Я некоторое время поговорила с ним, мысленно прокручивая различные варианты его защиты. Можно просто передать полиции фотографию Новика... да, но если Паскуале не собирается выпускать его из своих рук, тогда он без всякого труда и без всяких сожалений уберет и меня и дядю Стефана.

Я резко прервала свои размышления.

– Извините, я не могу оставить вас здесь без охраны. В больницу может легко войти и выйти любой. Если я вызову сюда кого-нибудь из службы охраны, того, кому я доверяю, вы скажете доктору Метцингеру, что это ваше желание? Возможно, он подумает, что вы старый параноик, но охрану оставит, чего не сделает, если это будет исходить от меня.

Дядя Стефан изображал из себя героя до тех пор, пока я не сказала ему, что те же люди охотятся и за мной.

– Если они убьют меня и будете мертвы вы, то кто тогда обратится в полицию? Да и наше детективное агентство погибнет.

Словом, я взывала к его рыцарским чувствам, и моя идея прошла.

Я позвонила в службу под названием «Всю ночь все в порядке». Вообще-то в этой фирме работали непрофессионалы, что видно уже по ее названию. Трое огромных братьев и двое их друзей – вот и весь штат, и брались они только за ту работу, которая им нравилась. Однажды я воспользовалась их услугами, когда возвращала афганскому эмигранту партию редких монет.

К телефону подошел Тим Стритер. Когда я объяснила ему ситуацию, он согласился прислать через пару часов кого-нибудь из своих ребят.

– Сейчас мальчики перевозят мебель (один из их побочных заработков), когда вернутся, я отправлю к тебе Тома.

Дядя Стефан послушно позвонил ночной сестре и рассказал ей про свои опасения. Сначала она отнеслась к этому иронически, но я пробормотала что-то насчет безопасности больницы и разгулявшейся преступности, и она пообещала «сказать доктору».

Дядя Стефан одобрительно кивнул мне:

– Ну и деловая же вы, юная леди. Знай я вас тридцать лет назад, ФБР ни за что не схватило бы меня.

В сувенирном магазинчике в холле я купила игральные карты, и мы играли в покер до половины девятого, пока не появился Том Стритер. Это был, крупный, спокойный и вежливый мужчина. Увидев его, я поняла, что одну дыру залатала. По крайней мере, на ближайшее время.

Я поцеловала дядю Стефана, пожелала ему доброй ночи и ушла, внимательно осматривая по дороге каждый угол и смешавшись у выхода с большой семьей, покидающей больницу. Прежде, чем открыть дверцу машины, я проверила, не начини – ли ли ее динамитом. Кажется, все было в порядке.

По пути к Иденс я старалась разобраться: есть ли связь между О'Фаолином и поддельными акциями? Он нанимает у Паскуале Новика. Но откуда он знает Паскуале? Что между ними общего? Однако, как бы там ни было, он нанимает Новика, чтобы убрать меня из дела о подложных акциях. Но для чего? Может быть, это как-то объясняется его долгой дружбой с Пелли? Но тогда Пелли несет ответственность за подлог, а это уже лишено всякого смысла. Ответ должен быть в монастыре, надо только пережить воскресенье, и тогда я смогу все выяснить.

Вернувшись в Беллерофон, я воткнула телефон в розетку. Вроде бы работает. Автоответчик сообщил, что несколько раз звонил Феррант, а также детектив Финчли.

Сначала я позвонила Роджеру. Он был подавлен.

– Опасения насчет скачка акций оправдались. Хотя, возможно, это и к лучшему. Кто-то сообщил Комиссии по контролю за ценными бумагами, что приобрел пять процентов акций «Аякс».

По этому поводу он целый день вел переговоры с директорами «Аякса». Завтра прилетает еще один специалист из «Скап-перфилд и Плаудер». Роджер хотел бы поужинать со мной и выслушать мои соображения, если таковые имеются.

Я согласилась. Коль уж нет ничего другого, это займет мои мысли до понедельника.

Пока в ванну набиралась вода, я сделала еще один звонок. Детектив Финчли уже ушел, но Мэллори был на месте.

– Твой адвокат сказал, что ты готова сделать заявление на счет Стефана Хершеля, – пробурчал он.

Я предложила встретиться по этому делу в понедельник утром.

– А что хочет от меня детектив Финчли?

Я могу получить свой револьвер, недовольно проворчал Бобби. Полиция Скоки прислала им его. Они конфисковали только отмычки. Бобби было физически неприятно говорить со мной об оружии. Он не хотел, чтобы я его носила, не хотел, чтобы я была детективом, он представлял меня где-то в районе Бриджпорт или Мелроуз-парк с шестью детьми и, вероятно, мужем.

Глава 21

У Последней Черты

Роджер угрюмо тыкал вилкой в кусок говядины.

– Кстати, спасибо за записку, которую ты вчера оставила. Ну как обед у архиепископа?

– Архиепископов там было двое. Один лицемерный, другой отвратительный. Лучше расскажи об «Аяксе».

Я встретила с ним в ресторане «Филигри». Вид у него был усталый, замученный. Он с трудом ворочал языком. Мы немного выпили перед ужином. Роджер устало потирал лоб.

– Я сбит с толку. Полностью и абсолютно. Размышляю над этим весь день и все равно не

могу ничего понять... Дело вот в чем. Если ты держишь пять или более процентов акций компании, то обязан связаться с Комиссией по ценным бумагам и сообщить, как ты собираешься распорядиться этими акциями. Помнишь, примерно неделю тому назад ты спрашивала меня насчет компании «Вуд-Сейдж»? Так это они набрали пять процентов. И сообщили об этом только вчера вечером, чтобы не отвечать на многочисленные вопросы, не давать информацию в «Джорнэл» или куда там еще. Но, конечно, наши адвокаты докопались до сути. Все, как мы и ожидали. «Вуд-Сейдж» – это не корпорация, которая что-либо производит. Просто группа людей, которые покупают и продают акции ради взаимной выгоды; очевидно, они полагают, что, действуя сообща, выиграют больше, чем в одиночку, что не столь уж необычно. Они утверждают, что купили так много акций «Аякса» потому, что считают эту компанию наиболее преуспевающей. Проблема в том, что мы никак не можем дознаться, кто стоит за «Вуд-Сейдж».

Он провел рукой по волосам и отодвинул тарелку, не доев мясо.

– Разве в комиссию не должны сообщаться и имена владельцев компаний?

Он пожал плечами:

– Владельцы – это те же держатели акций. Там есть совет директоров, который, кажется, состоит из брокеров, включая Тилфорда и Саттона.

– Тогда у них должен быть список клиентов. – Я вспомнила свой обыск в офисе «Тилфорд и Саттон». – У меня нет списка всех их клиентов. И я не знаю, скажут ли тебе что-нибудь эти имена. Но есть тут одна странность – они все связаны с «Корпусом Кристи». Прошлой осенью «Корпус Кристи» купил не сколько миллионов акций. Очевидно, через «Вуд-Сейдж».

Роджер никогда не слышал о «Корпусе Кристи».

– И неудивительно. Эта организация не афиширует себя. – Я рассказала ему то, что узнала из «Джорнэл». – А так как они действуют скрытно, то, естественно, молчат и о том, что владеют такой компанией, как «Вуд-Сейдж»... Кэтрин Пасиорек – член организации. Это мне случайно сказал ее сын.

Роджер крутил в руках бокал.

– Я хочу тебя кое о чем попросить, – сказал он наконец. – Для меня это непросто, так как у нас с тобой возникли трудности из-за твоей работы и моего отношения к этому. Но, видишь ли, я хотел бы нанять тебя от имени фирмы «Скапперфилд и Плаудер». Мне бы хотелось, чтобы ты выяснила, кто стоит за «Вуд-Сейдж». А это дело с «Корпусом Кристи» и миссис Пасиорек не идет вразрез с твоим расследованием.

– Роджер, у комиссии и ФБР есть все средства для такого рода расследований. У меня их нет. Во вторник или среду у них уже будет интересующая тебя информация. Вскоре она станет достоянием общественности.

– Возможно, но тогда будет уже слишком поздно. Мы делаем все, что можем: посылаем письма держателям акций с просьбами поддержать руководство, наши юристы работают не покладая рук. Но пока никаких результатов. – Он подался вперед и взял меня за руку, вид у него был очень серьезный. – Послушай, я знаю, что прошу о многом. Но ты знакома с миссис Пасиорек. Не могла бы ты поговорить с ней, выяснить, связан ли вообще «Корпус Кристи» с «Вуд-Сейдж»?

– Роджер, эта дамочка не желает со мной разговаривать. Я даже не знаю, как заставить ее принять меня.

Он печально взглянул на меня.

– Я прошу тебя не об одолжении. Я нанимаю тебя. Каков бы ни был твой обычный гонорар, «Скапперфилд и Плаудер» удваивает его. Я просто не могу пренебречь ничем, что может как-то прояснить ситуацию. Если бы мы знали, кто такие эти владельцы и почему они пытаются купить компанию, это увеличило бы наши шансы удержать «Аякс».

Я вспомнила о трех долларах в кошельке, о новой мебели, которую собиралась купить, о гонораре братьям Стритер за охрану дяди Стефана и... сдалась. По моей вине дядя Стефан лежит в больнице и нуждается в защите. После двух недель работы над делом о подлоге я ничего не добилась, разве что потеряла квартиру и все свое имущество. Лотти, моя подруга, не желает со мной разговаривать. Никогда еще, за все годы работы в качестве детектива, я не чувствовала себя такой подавленной. Я неловко попыталась выразить свои чувства. Роджер сжал мою руку.

– Я понимаю тебя. – Он улыбнулся. – Несколько недель назад я чувствовал себя таким всезнайкой, приехавшим показать, как надо работать. Теперь фирма борется за выживание. Я понимаю, это не моя вина, но все равно чувствую себя беспомощным и загнанным в угол, и ничего не могу с этим поделать.

Я сморщилась, но не пожалала его руку.

– Ну что, так мы и будем лелеять друг в друге чувство вины? На следующей неделе тебе придется пойти в ФБР и комиссию. Организуй для меня встречу с ними. В противном случае они не станут со мной разговаривать. А я, пока ты будешь заниматься этим малоперспективным делом, подумаю, как заставить Кэтрин Пасиорек встретиться со мной.

Он благодарно улыбнулся.

– Ты не представляешь, какое это для меня облегчение, Вик. Просто тот факт, что рядом со мной будет кто-то, кому я полностью доверяю. Ты можешь в понедельник встретиться с советом директоров? Юристы предоставят тебе всю известную им информацию. Трех часов, мне кажется, будет достаточно.

– Понедельник у меня забит. Давай во вторник.

Он согласился. В восемь утра. Я слегка опешила, но послушно записала время в ежедневник.

Мы ушли из ресторана в девять и пошли в кино. Оттуда я позвонила в больницу, чтобы справиться о дяде Стефане. Там все было в порядке. Хорошо бы, кто-нибудь позаботился о моей безопасности и нанял парочку огромных телохранителей присматривать за мной. Конечно, крутой детектив никогда ничего не боится. Поэтому то, что я чувствую, – это не страх, а, возможно, нервное возбуждение – острая приправа к моей жизни. И все же, когда Роджер осторожно спросил, не согласилась бы я провести ночь у него в Хэнкок, я не раздумывая согласилась.

Утренние выпуски «Геральд стар» и «Трибюн» напечатали сообщение о «Вуд-Сейдж» в разделе воскресного-бизнеса. Никто из команды «Аякса» не мог прокомментировать ситуацию. Пэт Коллар, обозреватель «Геральд стар» по финансовым вопросам, объяснял, зачем кому-то может понадобиться завладеть страховой компанией. Больше о «Вуд-Сейдж» сказать было нечего.

Роджер мрачно читал газеты. Он ушел в два, чтобы встретить своего партнера, который прилетает самолетом.

– Он привезет «Файненшиал тайме» и «Гардиан», а я по дороге куплю еще «Нью-Йорк тайме». Так что у нас будет полное представление о том, какой печальный резонанс получили эти события. Хочешь остаться и познакомиться с ним?

Я покачала головой. Годфри Энсти будет спать во второй спальне. Двое – компания, но трое – что-то непонятное.

После того как Роджер ушел, я задержалась на несколько минут, чтобы позвонить в свой офис. Около полудня несколько раз звонила Филлис Лординг. Удивленная, я тут же набрала ее номер.

Высокий, несколько пискливый голос Филлис звучал более взволнованно, чем обычно.

– О Вик, привет. Ты не могла бы заглянуть ко мне сегодня днем?

– А в чем дело?

Она нервно засмеялась:

– Возможно, ни в чем. Хотя по телефону объяснить трудно.

Я пожала плечами и согласилась. Она встретила меня в дверях – еще более худая, чем всегда. Небрежно собранные каштановые волосы заколоты на затылке. Лебединая шея казалась ужасающе тонкой по сравнению с пышной гривой волос, черты лица обострились. В широкой рубашке и облегающих джинсах она выглядела необычайно хрупкой.

Она провела меня в гостиную, где по полу были разбросаны сегодняшние газеты. Как и Агнес, она много курила, в комнате висела голубоватая дымка. Я невольно чихнула.

Она предложила мне кофе из кофейника, стоявшего на полу рядом с переполненной пепельницей. Мне показалось, что у него солоноватый вкус, и я попросила сливок.

– Посмотри в холодильнике, – неуверенно сказала она, – не думаю, что у меня они есть.

В огромном холодильнике не было ничего, кроме нескольких приправ и бутылки пива. Я вернулась в гостиную.

– Филлис! Что ты ешь?

Она закурила.

– Я не голодна, Вик. Сначала я пыталась готовить, но мне делается плохо, когда я ем. Я просто не голодна.

Я села на корточки рядом с ней и взяла ее за руку.

– Так дело не пойдет, Фил. Это не лучший способ увековечивания памяти Агнес.

Она заморгала от попавшего в глаза дыма.

– Я чувствую себя такой одинокой, Вик. У нас с Агнес было мало общих друзей: мои знакомые – все из университета, а ее – брокеры и инвесторы. Семья Пасиореков не будет со мной общаться...

Ее голос задрожал, она обхватила свои худые плечи.

– Младшая сестра Агнес с удовольствием поговорит с тобой. Почему ты ей не позвонишь? Она на двадцать лет моложе Агнес и знала ее не очень хорошо, но искренне любила сестру и

восхищалась ею. Она еще мала и стесняется позвонить первой, особенно после того, что устроила ее мать.

Она с минуту молчала. Затем натянуто улыбнулась и кивнула:

– О'кей. Я позвоню ей.

– И начнешь питаться? Она снова кивнула:

– Попробую, Вик.

Мы немного поговорили о ее занятиях. Я спросила, не мог бы кто-нибудь заменить ее на недельку, чтобы она съездила на юг и позагорала. Она обещала подумать и перешла к тому, ради чего позвонила мне.

– Видишь ли, мы с Агнес подписывались на «Нью-Йорк тайме». – Филлис болезненно улыбнулась и снова закурила – пятую сигарету со времени моего приезда, сорок минут назад. – Она сразу же углублялась в раздел бизнеса, а я просматривала литературные рецензии. Она... она еще подтрунивала надо мной из-за этого. Чувство юмора у меня развито плохо. А у Агнес оно было, и это меня немного задевало... Когда она умерла, я, я... – она закусила губу и отвернулась, чтобы скрыть слезы, бегущие по лицу, – я начала читать колонку бизнеса. Так... так мне кажется, что я все еще как-то с ней связана.

Последние слова она произнесла шепотом, и мне пришлось напрячь слух, чтобы разобрать их.

– Я не думаю, что это глупо, Фил. У меня такое чувство, что умри ты, Агнес с таким же рвением погрузилась бы в чтение Пруста[14].

Она снова повернулась ко мне.

– В чем-то ты была ближе Агнес, чем я. Вы с ней очень похожи. Смешно. Я любила ее, любила отчаянно, но не очень хорошо понимала... И всегда немного ревновала к тебе, потому что ты понимала ее.

Я кивнула:

– Мы с Агнес были старыми друзьями. Но случалось иногда, что я ревновала ее к тебе.

Она отложила сигарету и, похоже, немного расслабилась. Плечи вернулись в нормальное положение.

– Как это великодушно с твоей стороны, Вик. Спасибо... Так вот, сегодня утром в «Тайме» я увидела статью насчет каких-то махинаций с «Аякс». Знаешь, большая страховая компания в центре города?

– Знаю. Агнес занималась этим вопросом перед смертью, и я тоже.

– Ее секретарша, Алисия Варгас, прислала мне ее личные бумаги. Все, что было написано от руки и не относилось к делам компании. Я просмотрела их. Особенно ее последнюю записную книжку. Она хранила их – как Джонатан Эдварде или Пруст.

Филлис встала и направилась к кофейному столику, где между книгами я увидела несколько тетрадей – в таких мы когда-то записывали лекции. Я подумала, что они принадлежат Филлис.

Она взяла верхнюю тетрадь, быстро пролистала ее, перегнула и показала мне страницу.

Размашистый почерк Агнес с трудом поддавался расшифровке. Запись гласила: «1/12» и далее: «Р. Ф.», «Аякс». Понять это было нетрудно. Она впервые разговаривала с Феррантом об «Аяксе» 12 января. Остальные сокращения на той неделе, по-видимому, относились ко всяким делам, над которыми она работала или о которых думала. Одно из сокращений, например: пойти на лекцию Филлис о поэзии. Затем восемнадцатого – тот день, когда она умерла, – была сделана жирно обведенная запись: «12 миллионов долларов», «К. К.» для «Вуд-Сейдж».

Филлис пристально смотрела на меня.

– Понимаешь, сами по себе слова «Вуд-Сейдж» для меня ничего не значили. Но после того как я прочла сегодня в газете... И еще «К. К.»... Агнес рассказывала мне о «Корпусе Кристи».

Я не могла не подумать...

– И я тоже. Где, черт возьми, она достала эту информацию? Филлис пожала плечами:

– Она знала многих брокеров и юристов.

– Можно воспользоваться твоим телефоном? – резко спросила я.

Она подвела меня к телефону – фарфоровая копия первых аппаратов, инкрустирована золотом. Я набрала номер Пасиорек. Подошла Барбара. Она рада слышать меня и с удовольствием поговорит с Филлис. Да, мама дома. Через несколько секунд она вернулась и с очевидным смущением сказала, что миссис Пасиорек отказалась со мной разговаривать.

– Передай ей, я позвонила, чтобы сказать: на следующей неделе в «Геральд стар» появится статья о том, что «Корпус Кристи» является собственником «Вуд-Сейдж».

– Корпус Кристи? – переспросила она.

– Именно.

Прошло пять минут. Я прочитала в «Тайме» статью об «Аяксе» – слов больше, а сказано меньше, чем в чикагских газетах. Пробежала глазами болтовню о судебном процессе над компанией «Эй-Ти энд Ти». Заглянула в раздел: «Требуются». Возможно, найду себе работу получше. «У сезонных рабочих нет проблем». Это означает, что кто-то будет усердно работать за низкую плату. Ты-то какое отношение имеешь к сезонным рабочим?

Наконец миссис Пасиорек соизволила взять трубку.

– Барбара передала мне какое-то странное сообщение, – сдержанно сказала она.

– А сообщение вот какое, миссис Пасиорек: Комиссии по ценным бумагам известно, конечно, что «Вуд-Сейдж» приобрела пять процентов акций «Аякса». А вот чего она не знает, так это того, что большинство денег поступило от «Корпуса Кристи», а большинство денег «Корпуса Кристи» получено от вас. Вы передали им состояние Сэвиджей. Законодательство по ценным бумагам не моя специальность, но если «Корпус Кристи» вложил деньги в «Вуд-Сейдж», чтобы скупить акции «Аякса», комиссия, я думаю, не обрадуется, узнав, что вы это скрыли в своем отчете.

– Не понимаю, о чем ты говоришь.

– Вам придется хорошенько продумать свои ответы. Газетчиков на мякине не проведешь.

– Может, какая-то организация под названием «Корпус Кристи» и скупает акции «Аякса», мне об этом ничего не известно.

– Допустим, – заметила я, – но после смерти Агнес – вашей дочери, понимаете? – остались записи, касающиеся связи «Корпуса Кристи» с «Вуд-Сейдж». Если ФБР, с моей подачи, обратится к вашим адвокатам, уверена, оно может раскопать имя брокера, который управляет портфелем ценных бумаг «Корпуса Кристи». Очевидно, отсюда Агнес и получила свою информацию. Вдобавок – так, между прочим, – ФБР, вероятно, заинтересуется и ролью Престона Тилфорда в этой истории.

На другом конце воцарилась тишина – миссис Пасиорек? выстраивала линию защиты. Бесплезно рассчитывать на то, что такая волевая женщина от страха сболтнет, что-нибудь лишнее. Наконец она сказала:

– Я не сомневаюсь, что мои адвокаты сумеют отместить любые обвинения, даже самые чудовищные. Меня это не касается.

– Посмотрим. Не исключено также, что полиция захочет задать несколько вопросов и вам. Возможно, они захотят узнать, как далеко вы могли бы зайти, чтобы помешать Агнес обнародовать свою информацию насчет попытки «Корпуса Кристи» завладеть компанией «Аякс».

После долгой паузы она ответила:

– Виктория, ты, очевидно, не в себе. Но если ты думаешь, что знаешь что-то о смерти моей дочери, я, возможно, увидаюсь с тобой.

Я начала было что-то говорить, но потом задумалась. Она хочет поговорить со мной? Хорошо. Пока что больше мне от нее ничего не нужно. Сегодня она занята, но может встретиться со мной у себя дома завтра в восемь вечера.

Мои нервы опять взбунтовались, и мне не захотелось возвращаться в Беллерофон. Я рассказала Филлис о пожаре и моих трудностях, и она тут же предложила мне свою пустующую спальню. Потом она отвезла меня к дяде Стефану, который чувствовал себя настолько хорошо, что уже заскучал в больнице. К моему облегчению, доктора решили поддержать его еще несколько дней – дома за ним некому присматривать.

Когда мы приехали, с ним был Роберт Стритер, младший брат. Он рассказал, что около полуночи кто-то пытался проникнуть в палату. Джим, бывший в это время на посту благоразумно не преследовал этого типа, так как тогда пришлось бы оставить дядю Стефана одного. К тому времени, когда он поднял больничную охрану, преступник успел скрыться.

Я беспомощно покачала головой. Еще одна проблема, с которой я не могу справиться. Когда мы уезжали, приехала Лотти. При виде Филлис ее густые темные брови поползли вверх.

– Вот как! Вик и тебя втянула в свою игру?

– Лотти, нам надо поговорить! – резко сказала я. Она оценивающе посмотрела на меня.

– Не возражаю... Вся эта канитель с охраной – твоя или его идея?

– Позвони, когда придешь в себя! – бросила я и вышла.

Филлис была слишком воспитанна, чтобы поинтересоваться, в чем дело. Мы говорили мало, но прежде, чем вернуться на Честнат-стрит, неплохо поужинали в маленьком ресторанчике на Ирвинг-парк-роуд.

Табачный дым пропитал постельное белье. Этот запах да еще нервное напряжение полностью лишили меня сна. В три я встала и начала читать, а потом обнаружила, что Филлис сидит в гостиной с биографией Маргарет Фуллер[15] в руках. Мы дружески

проболтали несколько часов, после чего я заснула и спала до тех пор, пока не вошла Филлис, чтобы попрощаться со мной, – она отправлялась на занятия к половине девятого. Филлис пригласила меня снова остаться на ночь. Несмотря на спертый воздух, я с благодарностью согласилась.

Я подумала, что безопаснее будет взять машину напрокат, так как моя уже известна каждому чикагскому бандиту. По пути к полицейскому участку я заехала в прокат машин, где мне дали «тойоту», которой пользовалась, наверное, американская команда тяжелоатлетов при подготовке к Олимпийским играм. Мне сказали, что ничего более подходящего по размеру у них нет и потому либо я беру эту, либо оставляю их в покое. Я, ворча, согласилась – у меня не было времени возиться с машинами.

Когда я приехала на Рузвельт-роуд, лейтенанта Мэллори на месте не оказалось. Я сделала свое заявление детективу Финчли. Не обремененный, в отличие от Бобби, никакой предысторией наших отношений, он спокойно записал все, что я сообщила, и вернул револьвер. Фримэн Картер, сопровождавший меня, сказал, что официальное слушание дела состоится сегодня утром и что моя характеристика безупречна – ни одного акта насилия за последние три года.

В поддень я добралась до древнего портного на Монтроуз. Он закончил мое одеяние. Сидело оно великолепно: нормальные рукава, не жмет в плечах. Я горячо поблагодарила его, но он только проворчал что-то насчет молодых леди, которые ничего не могут планировать заранее, – из-за меня он работал все воскресенье.

Потом мне пришлось заехать в Беллерофон, чтобы забрать остальные аксессуары. Миссис Климмэк, задыхаясь, появилась из-за конторки с моими туфлями. Она бы никогда не взяла их, если бы знала, что ей придется нести за них ответственность в течение целых двух дней. И если я и дальше буду столь же безответственной, она не уверена, долго ли сможет терпеть мое присутствие. И уж конечно, она не позволит мне развлекать по ночам мужчин.

Я было повернулась, чтобы идти наверх, но последнее обвинение носило весьма конкретный характер и потому заинтересовало меня.

– Каких еще мужчин?

– О, не пытайтесь изобразить невинность, мисс Варшавски. Соседи услышали шум и позвонили ночному дежурному. Он вызвал полицию, и ваш приятель ушел. Не притворяйтесь, что не помните этого.

Не дослушав ее, я галопом понеслась вверх по лестнице. У меня еще не было времени привести в беспорядок мою маленькую обшарпанную квартиру. Кто-то сделал это за меня. К счастью, разбрасывать было особенно нечего. Никаких книг, кроме Библии. Никакой еды. Только одежда, спальная матрас «Мерфи» и кастрюли на кухне. У меня перехватило дыхание, когда я бросилась к венецианским бокалам. Но кто бы здесь ни побывал, он не был законченным вандалом! Бокалы стояли нетронутые на маленьком столике.

– О черт! – закричала я. – Оставьте меня, наконец, в покое!

Я кое-как привела в порядок свои вещи. И если говорить честно, дело не только в том, что у меня не было времени – просто мне не хотелось убираться. Что мне действительно хотелось, так это на неделю улечься в постель. Хотя постели у меня тоже не было, по крайней мере – своей.

Я втащила тяжелый матрас обратно на кровать и улеглась на него. Трещины на потолке образовывали сложные переплетения, точь-в-точь мои бессвязные мысли. С четверть часа я мрачно смотрела вверх, пытаюсь справиться с жалостью к себе и обрести способность

думать. Вероятнее всего искали документы, подтверждающие то, что я сказала вчера Кэтрин Пасиорек. Неудивительно, что она не хотела встретиться со мной в тот же день. Она приказала кому-то выследить меня и найти те бумаги, которые оставила Агнес. Очень хорошо. Это поможет мне заставить ее разговориться, когда я увижусь с ней сегодня вечером.

Я перестала думать о Кэтрин и обыске. Теперь, когда я снова начала мыслить, мне это удалось. Переодевшись в джинсы и ботинки, я положила свое одеяние в пакет с остальными маскарадными принадлежностями, которые обнаружила в разных углах комнаты.

Я засунула кобуру под ящик в платяном шкафу и теперь никак не могла отыскать ее. На это ушло чуть ли не полчаса. Я нервно поглядывала на часы, не зная точно, сколько времени мне отпущено, и боясь, что осталось его очень немного. А мне еще надо остановиться, чтобы купить патроны – в моем положении, вещь совершенно необходимая. Пока все эти неприятности не рассосутся, я даже в ванную не войду без оружия.

Глава 22

Странствующий монах

В магазине на Линкольнсвуд мне продали три дюжины патронов за двадцать пять долларов. Что бы ни думали противники оружия, не так уж дешево убивать людей. Кроме того, это отнимает еще и уйму времени. Было почти три. На ленч времени не оставалось, если я намеревалась попасть в монастырь к началу службы. Притормозив у овощного магазинчика на углу, я купила яблоко и съела его за рулем.

Яркое зимнее солнце, отражаясь от снежной поверхности, разбивалось на тысячи многоцветных бриллиантов, слепящих глаза. Мои темные очки, неожиданно вспомнила я, остались в ящике платяного шкафа на старой квартире. Без сомнения, они превратились в комок пластмассы. Я постаралась прикрыть глаза солнцезащитным щитком и левой рукой.

Оказавшись в Мелроуз-парке, я ездил по улицам, ища, куда бы приткнуться. Наконец, свернув с основной дороги, я остановилась, сняла куртку и прямо поверх джинсов и рубашки напялила белую мантию, стянув ее посередине черным кожаным поясом. Справа прикрепила к поясу четки. Вид не очень-то естественный, но в полумраке церкви сойдет.

К тому времени, когда я подъехала к монастырю и припарковала машину позади основного здания, было почти половина пятого, время вечерних молитв и мессы. Я подождала до тридцати пяти минут пятого и вошла в холл.

Аскетичный молодой человек был погружен в свое обычное занятие. Он бросил на меня быстрый взгляд, а когда я направилась к лестнице вместо часовни, заметил:

– Ты опаздываешь на вечерню, брат мой, – и снова углубился в чтение.

Сердце неистово билось, когда я добралась до широкой площадки, откуда мраморная лестница вела в личные покои монахов. Здесь уже начиналась территория, закрытая для посторонних, и у меня появилось такое чувство, будто я совершаю святотатство.

Я рисовала в воображении длинное открытое помещение, словно в больницах девятнадцатого века. А вместо этого попала в тихий коридор с дверями по обеим сторонам, совсем как в гостинице. Двери были закрыты, но не заперты. Рядом с каждой дверью – маленькая табличка с аккуратно напечатанным именем, что значительно облегчало мою

задачу. У каждого монаха была своя комната.

Просматривая по очереди все таблички, я натолкнулась на одну, где имени не было. Осторожно постучала и открыла дверь. В комнате была лишь узкая кровать и распятие. В дальнем конце коридора я нашла еще одну безымянную комнату и тоже обследовала ее. Это было временное пристанище О'Фаолина.

Кроме кровати и распятия, в комнате был небольшой туалетный столик и письменный стол с ящиком посередине. В нем лежал панамский паспорт О'Фаолина и билет на самолет: на среду, на десять вечера, рейс «Алitalia». Итак, сорок восемь часов. Но до чего?

В ящиках туалетного стола лежали стопки прекрасного льняного белья, сшитые на заказ рубашки и великолепный набор шелковых носков. Хоть Ватикан и беден, его слуги живут отнюдь не в нищете.

Наконец я нашла под кроватью запертый дипломат. Жаль, что у меня нет отмычек. Используя дуло револьвера, я взломала замки. Очень грубая работа, но ничего не поделаешь. Время у меня ограничено.

Кейс был забит бумагами, в основном на итальянском, иногда на испанском языках. Я посмотрела на часы. Пять. Еще полчаса. Я стала рыться в дипломате. Несколько документов с печатью Ватикана – вот они, ключи к власти! – касались поездки О'Фаолина в Америку для сбора пожертвований. И вдруг мне на глаза попалось слово «Аякс», я стала медленно просматривать все документы, пока не нашла еще три-четыре бумаги, относящиеся к этой страховой компании. Я читаю по-итальянски не так быстро, как по-английски, но, судя по всему, это были чисто технические документы: из финансового комитета касательно собственности компании, внешней задолженности, числа акций, а также имена членов правления совета директоров и сроки истечения их полномочий.

Наиболее интересным документом в этой коллекции оказалось письмо, подколотое к конверту, содержащему годовой отчет «Аякса» за 1983 год. Оно было написано на испанском и адресовано О'Фаолину кем-то по имени Рауль Диас Фигуэредо. В самом верху страницы, украшенной какой-то замысловатой надписью, Фигуэредо значился как президент итало-панамской экспортно-импортной компании. Испанский довольно похож на итальянский, поэтому я смогла уловить суть дела: оценив финансовое состояние многих американских компаний, Фигуэредо обращал внимание О'Фаолина на фирму «Аякс». Самый легкий объект – или цель? – для приобретения. Фонды банка Амброзиано спокойно – нет, надежно – хранятся в панамских и багамских банках. И все-таки было бы разумнее, как правильно заметил его святейшество, пустить их в оборот.

Я сидела на корточках и вдумчиво изучала документ. Вот оно, объяснение того, что происходит с «Аяксом». Но как «Вуд-Сейдж» связана с «Корпусом Кристи»? Я нервно взглянула на часы. Время еще есть. Я открепилась письмо и сунула его в карман джинсов под мантию. Сложив бумаги как можно аккуратнее, прикрыла кейс и засунула обратно под кровать.

В коридоре было пустынно. Придется сделать еще одну остановку. Ради письма Фигуэредо стоит рискнуть.

Комната отца Пелли располагалась в другом конце коридора, – рядом с лестницей. Я наострила уши. Внизу было тихо. Должно быть, служба еще не кончилась. Я отворила дверь.

Комната, такая же скромная, как и другие, носила отпечаток личности того человека, который долго в ней жил. На письменном столе стояли фотографии родственников, книжный шкаф был забит книгами.

То, что я искала, обнаружилось в нижнем ящике платяного шкафа. Список членов «Корпуса Кристи» чикагского отделения с адресами и телефонами. Я быстро пробежала лист глазами, нервно прислушиваясь к звукам в коридоре. На худой конец можно удрать через окно. Комната находится всего лишь на втором этаже. Окно хоть и узкое, но протиснуться через него можно.

В списке была Сесилия Пасиорек-Глизон и, конечно, Кэтрин Пасиорек. И почти в конце – Роза Вигнелли. Дона Паскуале в списке не было. Похоже, ему достаточно одной тайной организации.

Я засунула список обратно в ящик и собралась уходить, когда в коридоре послышались голоса и кто-то взялся за ручку двери. Через окно уже не уйти. В отчаянии оглядываясь по сторонам, я бросилась под кровать, четки стукнули об пол, когда я подбирала под себя мантию.

Сердце билось так сильно, что мое тело вибрировало. Стараясь унять дрожь, я сделала глубокий медленный вдох. Перед моим левым глазом появились черные ботинки. Затем Пелли сбросил их и лег на кровать. Матрас и пружины были старые, прогнувшись под его весом, пружины почти коснулись моего носа.

Мы пролежали таким образом с четверть часа, я с трудом сдерживалась, чтобы не чихнуть, Пелли чуть слышно дышал надо мной. Потом кто-то постучал в дверь. Пелли поднялся:

– Войдите.

– Гас, кто-то был в моей комнате и взломал дипломат. О'Фаолин. Его голос я буду помнить до конца моей жизни.

Молчание. Затем голос Пелли:

– Когда вы в последний раз заглядывали туда?

– Сегодня утром. Мне понадобился адрес, чтобы написать письмо. Трудно поверить, что на такое мог решиться кто-то из ваших братьев. Но тогда кто же? Не исключено, что это Вашавски.

(Конечно, не исключено, подумала я.).

Пелли встревоженно спросил, не пропало ли что-нибудь.

– Как будто нет. Да там и не было ничего компрометирующего. Вот только письмо Фигуэредо, адресованное мне.

– Если это дело рук Варшавски... – начал Пелли.

– Если это дело рук Варшавски, то тогда это не имеет значения, – перебил О'Фаолин. – После сегодняшнего вечера она уже не проблема. Но если она успела показать кому-то письмо, придется начинать все сначала. Не нужно мне было взваливать все дело на тебя одного. Сначала эта безумная идея с подделкой акций, а вот теперь... – Он осекся. – Ладно, сделанного не воротишь. Давай лучше посмотрим, действительно ли письмо пропало.

Он быстро повернулся и вышел. Пелли надел ботинки и последовал за ним. Не теряя времени, я вылезла из-под кровати, как можно глубже надвинула капюшон и приоткрыла дверь, чтобы проверить, вошел ли Пелли в комнату О'Фаолина. Затем, стараясь сохранять спокойствие, спустилась вниз, втянув голову в плечи. По пути пара братьев поздоровались со мной, я пробормотала что-то в ответ. Внизу Кэрролл сказал мне: «Добрый вечер». Я промямлила ответное приветствие и направилась к входной двери. Кэрролл строго окликнул

меня:

– Брат! – Затем, обращаясь к кому-то, произнес: – Кто это? Я его не узнаю.

Снаружи я прибавила ходу и побежала к задней стороне здания, завела «тойоту» и рванула вперед, направляясь к центру Мелроуз-парка. Остановившись у химчистки, быстро сбросила мантию и сдала ее на имя Августина Пелли.

Усевшись в машину, я несколько минут хохотала, затем стала размышлять: что мне удалось найти и как это использовать?

Письмо Фигуэредо, похоже, означает, что они решили овладеть фирмой «Аякс», чтобы отмывать деньги банка Амброзиано. Идея весьма своеобразная. А может, и нет. Банк или страховая компания – хорошее прикрытие для того, чтобы пустить в оборот сомнительный капитал. Конечно, если удастся миновать множество проверяющих... Я вспомнила о Майкле Синдоне и Национальном банке Фрэнклина. Некоторые думали, что в эту историю был замешан Ватикан. Связь банка Фрэнклина с банком Амброзиано была доказана и вполне понятна: Ватикан был одним из владельцев панамского филиала банка Амброзиано. Так что же странного в том, что глава финансового управления Ватикана заинтересовался размещением активов банка Амброзиано?

О'Фаолин – старый друг Китти Пасиорёк. Огромное состояние миссис Пасиорек передано в «Корпус Кристи». Следовательно... Она ждет меня у себя дома через несколько часов. Есть все основания предполагать, что именно ей очень хотелось обыскать мою квартиру в Беллерофоне. Обыск напрямую связывает ее с «Вуд-Сейдж» и «Корпусом Кристи», но достаточно ли у меня доказательств, чтобы заставить ее заговорить?

Мысли о миссис Пасиорёк напомнили мне о последнем замечании О'Фаолина: после сегодняшнего вечера я уже не проблема. Тошнота, которая в последнее время стала постоянным явлением, снова подкатила к горлу. Он, правда, мог иметь в виду, что к вечеру «Аякс» уже будет у них в руках. Но гораздо вероятнее другое: в Лейк-Форест меня поджидает Уолтер Новик. Миссис Пасиорёк без зазрения совести окажет такую услугу своему старому другу, хотя, возможно, и не решится убить меня на глазах мужа и Барбары. Что же меня ждет? Засада у входа?

Между Мелроуз-парк и Элмвуд-парк Северная авеню образует скопление закусочных, фабрик, стоянок для подержанных машин и дешевых маленьких магазинчиков. Я остановилась там и нашла телефон-автомат. Трубку взяла миссис Пасиорек. Гнусавя, как истинная жительница южного Чикаго, я попросила к телефону Барбару. Она уехала на вечеринку к друзьям, ответила миссис Пасиорёк и требовательно спросила, кто говорит.

– Люси ван Пелт. – И я бросила трубку.

Интересно, куда она отправила мужа и слуг?

На пересечении Джуел и Оско я воспользовалась услугами общественного ксерокса и сделала несколько серовато-грязных копий письма Фигуэредо к О'Фаолину. Купила в автомате пачку дешевых конвертов и марок и отправила оригинал в свой офис. Подумала минуту и нацарапала записку Мюррею, в которой просила его забрать почту из моего офиса, если меня выловят в озере Мичиган. Сложив эту записку втрое, я вложила ее в конверт, адресовав письмо в «Геральд стар». Что касается Лотти и Роджера, то, что я хотела им сказать, трудно было уместить в конверте.

Было почти семь, слишком мало времени для хорошего ужина. Яблоко я съела в три – единственное подкрепление после завтрака, а перед возможной схваткой с миссис Пасиорек следовало что-то бросить в желудок. Я купила на Джуел большую плитку шоколада «Херши»

с миндалем, потом остановилась у «Венди» и купила салат. Не очень-то удобно есть салат и одновременно вести машину. Я поняла это, свернув на пригородное шоссе, когда салат заляпал мне рубашку. Если миссис Пасиорёк собирается натравить на меня немецких овчарок, им будет легко найти меня по запаху острого перца.

Выехав на Хаф-Дэй-роуд, я оказалась, насколько мне помнится, во владениях Пасиорексов. Если на меня действительно организована засада, ее поставят либо у входной двери, либо у въезда в гараж. За домом лежали остатки сваленного леса. Иногда мы с Агнес брали с собой бутерброды, приходили туда и ели их, сидя на бревнах около воды и подкармливая озеро Мичиган.

Позади дома владения Пасиорексов заканчивались за полмили, или около того, от довольно обрывистого берега озера. Летом при свете дня можно было бы залезть на этот обрыв, но сейчас, зимним вечером, об этом нечего и думать – внизу яростно ревели волны. Придется подбираться к дому с другой стороны – через соседские владения. И да пошлет мне судьба удачу.

Я остановила «тойоту» на боковой улице, примыкающей к Арбор-роуд. Лейк-Форест лежал в темноте. Уличных фонарей не было, фонарик я с собой не взяла. К счастью, ночь была довольно ясная – снегопад свел бы мои шансы на успех к нулю.

Низко пригнувшись, одетая в свою военно-морскую куртку, я тихонько кралась за домом, направляясь к углу здания. Толстый слой снега заглушал звук моих шагов, одновременно затрудняя движение. Достигнув ограды, отделявшей задний двор от соседнего владения, я услышала, как где-то слева залаяла собака. Вскоре к ней присоединились другие, мне показалось, что все собаки в округе разом почувствовали мое приближение. Я перелезла через ограду и двинулась восточнее, прочь от лая, надеясь, что смогу попасть в дом Пасиорексов, обойдя его сзади.

Третье владение было по площади примерно таким же, как у Пасиорексов. Когда я углубилась в лесистую часть участка, собаки наконец успокоились. Теперь я слышала перед собой злое бормотание озера Мичиган. Равномерные, сердитые удары волн о скалистый берег невольно заставляли меня ежиться от холода.

Не зная, куда идти, я двигалась наугад, наталкивалась на деревья, спотыкалась о гнилые бревна, то и дело попадая в какие-то ямы. Неожиданно я наткнулась на маленькую скамеечку и упала в снег. Пытаясь подняться, я упала снова и только тут поняла, что нахожусь недалеко от озера, на берегу, и если пойду прочь от ревуших волн, то окажусь, если повезет, у задней части дома Пасиорексов.

Через несколько минут деревья кончились. Впереди, черной дырой в окружающем мраке, маячил дом. Мы с Агнес обычно пробирались через кухню, которая располагалась в левом крыле вместе с комнатами для прислуги. Там не светилось ни одного огонька. Если слуги и находились в доме, они ничем не выдавали своего присутствия. Передо мной были французские окна, ведущие в оранжерею-музыкально-библиотечную комнату.

Мои пальцы онемели от холода. Несколько долгих минут я расстегивала куртку и снимала ее. Потом с трудом извлекла из кобуры револьвер, приложила куртку к стеклу рядом со щекоткой и окоченевшей рукой ударила дулом через ткань по стеклу. Оно завибрировало. Подождала с минуту. Сигнализация не сработала. Затаив дыхание, осторожно выдавила стекло, просунула руку в образовавшуюся щель и открыла окно.

Попав внутрь, я сразу же нашла батарею. Сняв ботинки и перчатки, отогрела замерзшие конечности. Доела шоколад. Покосилась на фосфоресцирующие стрелки часов – полдесятого. Миссис Пасиорек, должно быть, уже нервничает.

Через четверть часа я, можно сказать, пришла в себя, пора встретиться с хозяйкой дома. Натягивая на ноги мокрые ботинки, я поморщилась – ощущение не из приятных, но зато холод привел мои мысли в порядок – от усталости и тепла они уже начали было разбегаться.

Выйдя из оранжереи, я увидела свет, исходящий откуда-то из глубины дома. Идя на него по длинным мраморным коридорам, добралась до «семейной» комнаты, где разговаривала с миссис Пасиорек пару недель назад. Как я и думала, она сидела перед камином, держа на коленях кружево, но руки ее не двигались. На красивом злом лице застыло выражение напряженного ожидания: когда же раздастся, наконец, выстрел – знак того, что меня больше не существует.

Глава 23

Вечеринка в Лейк-Форест

«Смит-и-вессон» я держала наготове, но она явно была одна. Я сунула оружие в кобуру и вошла в комнату.

– Добрый вечер, Кэтрин. Кажется, слуг сегодня нет, поэтому я вошла без доклада.

Она в ужасе уставилась на меня. Сейчас ее хватит удар, подумала я. Но она обрела дар речи:

– Что ты здесь делаешь?

Я села у огня лицом к ней.

– Ты же меня пригласила. Помнишь? Я пыталась прийти в восемь, но заблудилась в темноте, прости за опоздание.

– Кто? Как?.. – Она осеклась и подозрительно посмотрела в сторону коридора.

– Позволь, я тебе помогу, – мягко сказала я. – Ты хочешь знать, как я пробралась мимо Уолтера Новика, или кого ты там поставила перед дверями, не так ли?

– Не понимаю, о чем ты говоришь, – с ненавистью произнесла она.

– Тогда пойдем и посмотрим! – Я поднялась, подошла к ней сзади, схватила ее под мышки и поставила на ноги. Она была не намного тяжелей меня и, уж точно, не умела драться. Я легко сломила попытку сопротивления и дотащила Кэтрин да парадной двери.

– А теперь не хочешь ли ты позвать того, кто там снаружи? Да не забудь: у меня в правой руке заряженный револьвер, он легко может выстрелить.

Она со злостью открыла дверь и, бросив на меня яростный взгляд, вышла на крыльцо. Две тени появились из темноты около подъездного пути и направились к ней.

– Уходите! – завопила она. – Уходите! Она вошла сзади.

С минуту обе тени стояли не двигаясь. Я направила револьвер на ближайшего по правую руку от меня и закричала:

– Бросай оружие! Бросай оружие и выходи на свет!

Они оба выстрелили на мой голос. Я толкнула миссис Пасиорек в снег и стала отстреливаться. Мужчина справа пошатнулся, упал и растянулся на снегу. Второй побежал прочь. Послышался звук закрываемой дверцы и визг тормозов.

– Подойди ко мне, Кэтрин, посмотрим, в каком он состоянии. Не хочу оставлять тебя наедине с телефоном.

Она молчала, пока я волокла ее, обутую в лакированные туфельки, по снегу. Лежащий на земле человек направил на нас пистолет.

– Не стреляй, ты, придурок! – закричала я. – Застрелишь свою хозяйку!

Когда он отказался опустить оружие, я бросила миссис Пасиорек и прыгнула ему на руку. Пистолет выстрелил, пуля бесцельно ушла в ночь. Я выбила пистолет из руки и наклонилась взглянуть на стрелявшего.

В свете огней, освещавших подъездной путь, я различила массивную славянскую челюсть.

– Уолтер Новик! – фыркнула я. Мне было трудно совладать с голосом. – Пора бы нам уже прекратить эти встречи в темноте.

Насколько я могла определить, у него была прострелена правая нога выше колена. Рана довольно серьезная, двигаться он не мог, но, все еще достаточно сильный и к тому же испуганный, попытался отползти от меня по снегу. Я схватила его правую руку и вывернула ее за спину.

Миссис Пасиорек повернулась и направилась к двери.

– Кэтрин! – крикнула я. – Лучше вызови «Скорую помощь», помоги своему дружку. О'Фаолин все равно не успеет прислать подкрепление и убить меня, даже если ты сейчас позвонишь ему.

Должно быть, она услышала меня, но виду не подавала. Через несколько секунд входная дверь захлопнулась. Новик громко и грубо ругался, его голос звучал приглушенно – из-за скоб, соединяющих его челюсть. Мне не хотелось оставлять его одного, но, с другой стороны, я опасалась, что миссис Пасиорек вызовет подмогу. Подхватив Новика под мышки, я поволокла его к дому. Он закричал от боли.

Я опустила его на землю и снова склонилась над ним.

– Нам надо поговорить, Уолтер, – проговорила я, переводя дыхание. – И я от тебя не отстану. Иначе ты, чего доброго, доползешь до дороги и твой дружок подберет тебя. Хотя похоже, он уже за границей округа.

Новик попытался ударить меня, но холод и кровотечение ослабили его. Удар пришелся мне по плечу, не причинив вреда.

– Твоя деятельность закончена, Уолтер. Даже если врачи залатают тебе ногу, ты загремишь в тюрьму, и надолго. Так что давай лучше договоримся. Если тебе не хватит слов, я помогу.

– Мне нечего сказать, – хрипло проговорил он. – Мне еще ни разу... не предъявляли обвинения... И сейчас... не предъявят.

– Ошибаешься, Уолтер. Стефан Хершель будет свидетельствовать против тебя. Твоя песенка спета. Ты не убил его. Он жив. И опознал тебя по фотографии.

Ему удалось презрительно пожать плечами:

– Мои... мои друзья докажут... что он лжет.

Гнев, усталость, обвинения Лотти, покушение на мои глаза... На меня нахлынула волна глости. Я тряхнула его с такой силой, что боль отозвалась в раненой ноге и он завопил.

– Твои друзья! – с чувством злобной радости заорала я на него. Ты имеешь в виду дона Паскуале? Но разве он послал тебя сюда, а?

Новик ничего не ответил, я подхватила его за плечи и снова поволокла к дому.

– Стой! – закричал он. – Нет, нет, не дон. Это... это был кто-то другой.

Я склонилась над ним:

– Кто, Новик?

– Не знаю.

Я опять схватила его под мышки.

– Ладно! – завизжал он. – Только оставь меня в покое. Я не знаю, как его зовут. Он... он позвонил мне...

– Ты когда-нибудь встречался с ним лично?

В свете подъездных огней я увидела, что он слабо кивнул. Человек средних лет. Он видел его только один раз. В тот день, когда напал на дядю Стефана. Этот мужчина заходил с ним в квартиру. Нет, дядя Стефан не должен был его видеть – он ждал в коридоре. Затем зашел, чтобы забрать фальшивые акции. Ему лет пятьдесят, а может быть, больше – шестьдесят. Зеленые глаза. Седые волосы. Но Новик особенно запомнился его голос: он узнал бы его даже в аду.

О'Фаолин. Я присела на корточки и уставилась на свою жертву. Во рту появилась горечь. Подавляя желание убить Новика на месте, взяла горсть снега, проглотила, взяла другую горсть.

– Уолтер, ты счастливчик. Паскуале плевать, жив ты или мертв. И мне тоже. Но ты будешь жить. Разве это не прекрасно? И если ты поклянешься в суде, что человек, который сегодня послал тебя сюда, стоял и за нападением на Хершеля, я подумаю, как облегчить твою участь. Забуду о кислоте. Даже о пожаре. Ну как?

– Дон не бросит меня, – чуть слышно сказал он.

Чтобы расслышать это, мне пришлось чуть ли не приложить ухо к его мерзкой роже.

– Конечно, он не бросит тебя, Уолтер, Ты думаешь, он позволит втянуть себя в историю с фальшивыми акциями? И согласится на то, чтобы Комиссия по ценным бумагам и ФБР прислали ему повестку в суд? Да он знать тебя больше не захочет!

Он ничего не ответил. Я вытасила из-за пояса револьвер.

– Если я прострелю коленную чашечку на твоей левой ноге, ты ни за что не сможешь доказать, что это случилось не тогда, когда ты напал на меня у двери.

– Ты этого не сделаешь, – задыхаясь, прошипел он.

Вероятно, он был прав. Меня и так тошнило. Ну кто может, сидя на корточках на снегу, угрожать прострелить ногу раненому человеку? Не хотела бы я познакомиться с таким. Тем

не менее я громким щелчком взвела курок и направила револьвер на его левое колено.

– Нет! – закричал он. – Не надо! Я сделаю все, что ты скажешь. Только вызови доктора. – И он жалобно всхлипнул. Вот тебе и крутой мафиози.

Я отвела револьвер.

– Молодец, Уолтер. Ты не пожалеешь об этом. А теперь – еще несколько вопросов, и мы вызовем «Скорую помощь». Китти Пасиорек, кажется, забыла о тебе.

Новик старательно рассказал то небольшое, что знал. Миссис Пасиорек он никогда раньше не видел. Вчера позвонил человек со странным голосом, приказал ему приехать сюда в семь, убедиться, что никто его не видел, и убить меня, когда я буду идти к дому. Да, это был голос того самого человека, который нанял его плеснуть в меня кислотой.

– Откуда он тебя знает, Уолтер? Как он вышел с тобой на связь?

– Должно быть, мой телефон дал ему дон. Больше мне ничего не приходит в голову. Наверное, он сказал дону, что ему нужен надежный человек, и тот направил его ко мне.

– Да, ты очень надежный человек, Уолтер. Паскуале, наверное, гордится тобой. Ты трижды покушался на мою жизнь, а все, что получил, – это сломанная челюсть и простреленная нога... Пойду вызову тебе «Скорую помощь». А ты пока помолись, чтобы твой крестный отец забыл о тебе, я слышала, он не очень-то любит неудачников.

Я накрыла его своей курткой и направилась к парадному входу. Когда я поставила ногу на первую ступеньку, к дому подъехала машина. Не «Скорая помощь». Я застыла, затем спрыгнула с темного крыльца и укрылась в вечнозеленом кустарнике, протянувшемся от дома к гаражу. Туда же, где, судя по следам, прятался Новик.

Электронные двери гаража раскрылись, машина въехала и остановилась. Я высунулась из-за дерева. Темно-синий «мерседес». Доктор Пасиорек. Интересно, что он знает о ночном происшествии? Самое время выяснить. Я шагнула в гараж.

Закрыв дверь машины, он с удивлением воззрился на меня.

– Виктория! Что ты здесь делаешь?

– Я приехала повидаться с вашей женой. У меня были некоторые записи Агнес, которые она хотела увидеть. Кто-то ждал у входа и выстрелил в нее. Я ранила его в ногу, теперь надо вызвать к нему «Скорую помощь».

Он подозрительно посмотрел на меня.

– Виктория? Это что, твои обычные шутки?

– Идите и взгляните сами.

Он последовал за мной. Завидев его, Новик пополз к дороге, но, не имея сил, успел продвинуться футов на десять или около того.

– Эй! – закричал Пасиорек. – Стой!

Новик продолжал ползти. Мы быстро нагнали его. Доктор Пасиорек передал мне дипломат и, став на колени, начал осматривать раненого. Новик попытался сопротивляться, но Пасиореку не потребовалась моя помощь – он сам справился с ним. Несколько минут он ощупывал его ногу – при этом Новик громко ругался, – затем коротко бросил:

– Кость сломана и сильное охлаждение, больше ничего серьезного. Я вызову «Скорую помощь» и позвоню в полицию. Ты не побудешь с ним?

Меня начало трясти от холода.

– Побуду. Но не могли бы вы одолжить мне ваше пальто?

Я отдала ему свою куртку.

Он удивленно посмотрел на меня, затем снял кашемировое пальто и набросил мне на плечи. После того как грузное тело доктора исчезло в дверях, я под села к Новичку.

– Прежде, чем ты отключишься, давай продумаем нашу версию.

К приезду полиции мы договорились, что он заблудился и в поисках помощи подошел к двери. Миссис Пасиорек пришла в ужас и закричала. Тут на сцене появилась я с оружием в руках. Уолтер перепугался и выстрелил в меня. Я – в него. Не очень-то правдоподобно, но, будь я проклята, если миссис Пасиорек станет опровергать эту версию.

В отдалении слышались звуки сирен. Новик, наконец, отключился, а я отступила назад, чтобы его могли подобрать.

У меня кружилась голова, я сама была близка к обмороку. Устала до смерти. Собственная злость вызывала отвращение. Я действовала как мясник: пытки, угрозы... Я не считаю, что цель оправдывает средства. Просто на меня накатил вдруг волна неистовой ярости.

Пока все новые и новые полицейские допрашивали меня, я дремала, просыпалась, собиралась с силами и опять пересказывала одну и ту же версию, затем снова засыпала. Был час ночи, когда они, наконец, закончили и ушли.

Доктор Пасиорек запретил допрашивать жену. Не знаю, что она ему сказала, но он отослал ее в постель. Власти не возражали. С такими деньгами не поспоришь.

Доктор Пасиорек разрешил полиции использовать свой кабинет как комнату для допросов. После их ухода он вошел и сел в кожаное вращающееся кресло у стола. Я распростерлась в кожаном кресле, почти окончательно заснув.

– Не хочешь выпить?

Я протерла глаза и слегка выпрямилась.

– От бренди не отказалась бы.

Он открыл бар у себя за спиной, достал бутылку «Гордон блю» и наполнил два больших бокала.

– Что ты делала здесь сегодня вечером? – резко спросил он.

– Миссис Пасиорек хотела меня видеть. Она просила прийти около восьми.

– А она говорит, что ты появилась неожиданно. – Он сказал это ровным, спокойным тоном. – Вечерами по понедельникам собирается медицинское общество нашего округа. Обычно я туда не хожу. Но сегодня Кэтрин попросила меня оставить ее одну, потому что собиралась встретиться со своей религиозной группой – она знает, что меня это не интересует. Она говорит, что ты явилась сюда с этим человеком и начала ей угрожать. Она стала бороться с тобой, твой револьвер случайно выстрелил, и пуля попала в него.

– А куда же делись ее религиозные друзья?

– Она говорит, они разошлись до твоего появления.

– Вы много знаете об организации «Корпус Кристи», к которой она принадлежит?

С минуту он смотрел в свой бокал, затем одним глотком выпил его и налил еще. Я протянула свой, он автоматически налил и мне.

– «Корпус Кристи»? – наконец отозвался он. – Когда я женился на Кэтрин, ее родители назвали меня охотником за приданым. Она была единственным ребенком, а их состояние доходило до пятидесяти миллионов. Деньги меня не очень интересовали. Интересовали, конечно, но не сильно. Я встретился с ней в Панаме – ее отец был там послом, а я отработывал свой заем у дяди Сэма.

Она была идеалисткой, много работала в общинах для бедных. Ксавир О'Фаолин был священником в одном из таких бедняцких поселений. Он и заинтересовал ее организацией «Корпуса Кристи». Я встретился с ней, когда боролся в том поселке с эпидемией дезинтерии и массой других столь же приятных болезней. Безнадежное дело, честно говоря.

Он отпил еще бренди.

– Затем мы вернулись в Чикаго. Ее отец построил этот дом. Когда он умер, мы переехали сюда. Большую часть состояния Кэтрин отдала в «Корпус Кристи». Я добился успехов в области сердечной хирургии. О'Фаолин уехал в Ватикан. Кэтрин искренне верила в свои идеалы, но О'Фаолин был обыкновенным шарлатаном. Он умел всегда хорошо выглядеть и производить благоприятное впечатление. В Ватикан его пригласил папа Иоанн Двадцать третий – он считал его истинным проповедником слова Божия. После смерти папы О'Фаолин; быстро переметнулся туда, где были деньги и власть.

Мы молча пили в течение нескольких минут. Мало что пьется так хорошо, как бренди.

– Мне надо было больше времени проводить дома. – Он невесело улыбнулся. – Стенания неразумного отца. Сначала Кэтрин нравилось, что я провожу в больнице двадцать часов в день – кроме всего прочего, это доказывало, что я разделяю ее высокие идеалы. Но через какое-то время она разочаровалась в провинциальной жизни. Возможно, ей следовало делать свою собственную карьеру. Но это не состыковывалось с ее идеалами матери-католички. К тому времени, когда я заметил, какой злобной она сделалась, Агнес училась в колледже и было уже поздно что-то исправлять. То время, которое я должен был отдавать Агнес и Сесилии, я проводил теперь с Филом и Барбарой, но Кэтрин помочь уже не мог.

Он поднес бутылку к настольной лампе:

– Хватит на два бокала.

Он разделил оставшееся по-братски и бросил бутылку в кожаную корзину для ненужных бумаг.

– Я знаю, она винила тебя за Агнес, за ее образ жизни. И сейчас мне нужно знать, могла ли она нанять кого-то, чтобы подстрелить тебя?

До него это дошло только после половины бутылки хорошего бренди.

– Нет, – сказала я, – боюсь, что все не так просто. У меня есть доказательства, что «Корпус Кристи» пытается перекупить одну местную страховую компанию. Миссис Пасиорек опасается, что эта информация станет достоянием общественности. У меня были основания думать, что перед домом меня могут поджидать, поэтому влезла через окно в оранжерею. Полиция не осматривала заднюю часть дома, а то бы она так просто не уехала.

– Понимаю. – Он внезапно показался старым и съежившимся в своем хорошо сшитом синем костюме. – Что ты собираешься делать дальше?

– Думаю, дать знать ФБР и Комиссии по ценным бумагам о вмешательстве в это дело «Корпуса Кристи». Но насчет сегодняшней засады говорить не собираюсь, если это вас как-то утешит.

Я не могла заставить себя рассказать ему о записи Агнес. Если она была убита в связи с вмешательством в дела «Корпуса Кристи», то ее мать так или иначе несет ответственность за ее смерть. Не нужно слышать об этом доктору Пасиореку сегодня.

Он с горечью уставился на крышку стола. Когда он поднял глаза, то казалось, удивился, увидев меня. Не знаю, о чем он думал, но мысли его были далеко.

– Спасибо, Виктория. Ты оказалась более великодушной, чем я мог ожидать.

Я в смущении допила бренди.

– Не благодарите меня. Чем бы все это ни кончилось, вас и ваших детей ничего хорошего не ждет. Когда я заинтересовалась О'Фаолином, выяснилось, что ваша жена сильно втянута в «Корпус Кристи». А их деньги используются для овладения страховой компанией «Аякс». Когда это выльется наружу, она окажется прямо на линии огня.

– А разве нельзя доказать, что Кэтрин была всего лишь марионеткой в руках О'Фаолина? – Он горько улыбнулся. – Чем она и была со времени их первой встречи в Панаме.

Я посмотрела на него с неподдельной жалостью.

– Доктор Пасиорек, позвольте мне обрисовать ситуацию так, как я ее понимаю. Из банка Амброзиано исчезли миллиарды долларов, просто уплыли в неизвестные панамские компании. Судя по письму, адресованному О'Фаолину каким-то панамцем по имени Фигуэредо, О'Фаолин знает, где находятся эти деньги. Он что-то вроде связующего звена. Но пока они не пущены в оборот, никто не знает, где их искать. Воспользуйся он ими – и игра сразу будет закончена. О'Фаолин не марионетка и хорошо это понимает. Как и-то, что если он завладеет какой-нибудь финансовой компанией, например страховой, и поставит ее под свой контроль, то сможет через нее отмыть эти деньги и использовать их как угодно. Майкл Синдона попытался проделать то же самое в интересах мафии в Национальном банке Фрэнклина, но оказался настолько глуп, что просто стянул банковские активы, поэтому загорает теперь в федеральной тюрьме.

Чикагское отделение «Корпуса Кристи» благодаря миссис Пасиорек имеет огромные вклады. О'Фаолин – член организации и вовлек в нее вашу жену. Далее, они вместе создают подставную организацию, называют ее «Вуд-Сейдж» и используют для того, чтобы скупить акции «Аякса». Как только обнаружится, что «Корпус Кристи» связан с перекупкой «Аякса» – а это обнаружится, можете не сомневаться, – комиссия вцепится в это дело, и ваша жена окажется на первых полосах газет. Особенно здесь, в Чикаго.

– Но это не преступление, – заметил доктор.

Я с грустью посмотрела на него, помолчала и потом сказала:

– Видите ли, я не хотела об этом говорить. По крайней мере, сегодня, у вас уже был шок. Но, понимаете, речь идет о смерти Агнес.

– И что же? – Его голос стал хриплым.

– Она собирала информацию о перекупке «Аякса» для одного из ее служащих... И

обнаружила, что замешан «Корпус Кристи». Ее убили в ту ночь, когда она собиралась встретиться с кем-то, чтобы обсудить это дело.

Его побледневшее лицо казалось открытой раной. И мне нечего было сказать, чтобы облегчить боль. Наконец он поднял глаза и страдальчески улыбнулся.

– Да, понимаю. Даже если Ксавир главная фигура, Кэтрин не может не нести ответственности за смерть своей дочери. Неудивительно, что она была так... – Его голос замер.

Я поднялась.

– Мне бы хотелось сказать вам что-нибудь утешительное. Но сказать нечего. Если вам понадобится моя помощь, пожалуйста, позвоните мне. Мой автоответчик принимает сообщения двадцать четыре часа в сутки.

Я положила перед ним на стол свою визитную карточку и вышла.

Ноги меня не держали. Хорошо бы улечься в «семейной» комнате перед камином и отключиться, но я повлекла свое ноющее тело вниз по лестнице и дальше на улицу. Если идти по дороге, то до машины всего пять минут ходу, не то что полчасовое лазанье по пересеченной местности.

На моих часах было три, когда я направила свою громоздкую «тойоту» в обратный путь. На первой же развилке, ведущей в южном направлении, я остановилась у какого-то мотеля, зарегистрировалась и упала на кровать, даже не потрудившись раздеться.

Глава 24

Приманка

Проснулась я в первом часу. Болел каждый мускул. Вспомнила: прежде чем уснуть, успела отложить «смит-и-вессон», но кобуру снять забыла. И теперь болела левая сторона, то место, куда она давила всю ночь. От одежды разлило потом. В этой рубашке я боролась с Уолтером Новиком, лазила по окрестностям вокруг дома Пасиореков и в ней же спала. Запах свидетельствовал о моей вчерашней активности.

Я мечтала о ванне, но потом все равно пришлось бы натягивать на себя ту же провонявшую одежду. Потому я села в «тойоту» и маневрируя неповоротливым рулем, двинулась к автостраде, ведущей в Беллерофон. Миссис Климзэк бросила на меня злобный взгляд из-за стола, но от критики воздержалась, из чего я заключила, что этой ночью никто в мою квартиру не вламывался.

Только после долгого отмокания в старой потрескавшейся ванне я поняла, насколько проголодалась. Высохнув и одевшись, я с трудом одолела четыре лестничных пролета.

Как отреагирует дон на то, что потерял Новика? Будет ли он мстить, или поймет, что Новика уже не спасти, и примирится с потерей? Одному только Богу известно. На всякий случай, если Паскуале кипит гневом праведным, я обошла конторку миссис Климзэк сзади, чтобы выйти из Бедлерофона с другой стороны. Холл в задней части здания вел в ее апартаменты. Шлепая тапочками, она квохтала вокруг меня как рассерженная курица.

– Мисс Варшавски! Мисс Варшавски! Что вы здесь делаете? Уходите. Убирайтесь, пока я не позвала мужа. Пока не вызвала полицию!

Отворилась дверь, и появился мифический мистер Климзэк, в майке и мешковатых брюках. Однодневная щетина несколько маскировала красные щеки алкоголика. Не похоже, что он сможет меня вышвырнуть, но вот вызвать полицию... На это у него храбрости хватит.

– Я просто ищу заднюю дверь, – непринужденно сообщила я ему, продолжая идти по коридору.

Когда я отодвигала задвижку, миссис Климзэк прошипела:

– С меня довольно. Вам придется поискать другую квартиру. Прежде, чем выйти, я взглянула на нее:

– Вполне с вами согласна, миссис Климзэк.

Меня не срезала автоматная очередь в переулке. И подозрительных машин поблизости не было видно. Я нашла польский ресторан и, если не с пользой для здоровья, то с удовольствием, съела овощной суп, цыпленка и яблочный пирог.

Теперь я почувствовала себя человеком. После второй чашки кофе в моем мозгу забрезжила кое-какая мысль. Довольно абсурдная. Она потребует содействия Мюррея. И дяди Стефана.

Телефонная компания, разоренная отколом от нее фирмы «Эй-Ти энд Ти», на четверть повысила плату за разговоры. Выискивая мелочь, я дозвонилась до Мюррея в «Геральд стар». Если я преподнесу ему потрясающую, великолепную сенсацию, сможет он придержать ее, пока дело не закончится?

– Варшавски, ты еще не умерла? И что я должен сделать в обмен на эту потрясающую, великолепную сенсацию?

– Просто поместить пару строк на первой странице вечернего и утреннего выпусков.

– Я не главный редактор и не я ставлю материал на первую полосу. И даже на шестьдесят вторую, в середине номера.

– Мюррей! Я шокирована. Ты же говорил, что ты самый главный газетчик. Неужели врал? Тогда мне придется пойти в «Трибюн» к Липинскому.

Ворча, он согласился встретиться со мной в «Голден глоу» около пяти вечера. Часы над прилавком показывали половину третьего. Есть время разобраться с дядей Стефаном.

Пятнадцать минут, потраченные на автоответчик, напомнили мне, что я не предупредила Филлис, что не буду у нее ночевать прошлой ночью. И не сказала Роджеру, что не смогу прийти на встречу с советом директоров. Бобби тоже хотел поговорить со мной – насчет Уолтера Новика.

– Тебя это не касается, – пробормотала я.

Кроме того, звонил доктор Пасиорек и оставил для меня свой номер телефона в больнице. Нахмурившись, я бросила в автомат еще один четвертак. На эти деньги можно позвонить трижды. Меня долго отсылали от одного секретаря к другому, но в конце концов я связалась с доктором.

– – Виктория! Я боялся, что ты не получишь мое сообщение. – Его обычно спокойный голос был резким и взволнованным. – Не могла бы ты приехать сегодня вечером к нам домой? Я знаю, что прошу о многом. Будет О'Фаолин, я хочу все выяснить.

Я потерла глаза свободной рукой. Как это отзовется на других моих планах? Пока я думала,

доктор нервно дышал мне в ухо. Поехать стоит: возможно, мне удастся слегка припугнуть архиепископа.

– Согласна. Но не раньше восьми.

– Прекрасно. Большое спасибо, Виктория.

– Не благодарите меня, доктор Пасиорек. У этой истории не будет счастливого конца.

Долгое молчание, затем:

– Понимаю. – И он повесил трубку.

У двери дяди Стефана меня встретил Джим Стритер:

– Врачи говорят, что старика можно отпустить завтра. Он связался со своей племянницей. По-моему, она собирается забрать его к себе. Что нам дальше делать?

Ну конечно, он поедет к Лотти, раздраженно подумала я. Попробую-ка с ним поговорить.

Дядя Стефан обрадовался моему приходу. Радовался он и тому, что его, наконец, отпускают.

– А почему моя маленькая племянница хмурится? Она недовольна дядей?

– Ну конечно, довольна. И даже очень. Как вы себя чувствуете?

– Прекрасно. Как огурчик. Да, как огурчик. – Он гордо улыбнулся, употребив это разговорное словечко. – Я каждый день прохожу физиотерапию и каждый день становлюсь все сильнее и могу ходить все дальше. Все, что мне сейчас нужно, это шоколад.

Я усмехнулась и присела на кровать.

– Хочу попросить вас об одном одолжении. Пожалуйста, скажите «нет», если не захотите этого сделать, потому что дело довольно опасное. Не очень, но все-таки.

Он лукаво посмотрел на меня и потребовал подробностей.

– Вместо того чтобы ехать к Лотти, не могли бы вы поехать ко мне? Мне нужно, чтобы вы умерли на двадцать четыре часа, а затем под гром фанфар восстали из могилы.

– Лотти будет в ярости, – просиял он.

– Без сомнения, если все произойдет так, как я думаю. Пусть вас утешит то, что убить она захочет меня.

Он успокаивающе похлопал меня по руке.

– Лотти крепкая девушка. Не беспокойся о ней.

– Вы не видели второго мужчину в своей квартире в тот день, когда на вас напали?

Он покачал головой:

– Только одного головореза.

– А вы не могли бы сказать, что видели его? Понимаете, он там был. Просто стоял в коридоре, когда тот бандит набросился на вас.

Если ты утверждаешь, что он там был, моя дорогая племяшка, значит, так оно и есть.

Глава 25

Конь бьет слона

Мюррей поворчал, но взяться за статью согласился.

– Но придется все рассказать Джилу, – предупредил он меня. Джил был ответственным за первую полосу.

Я описала ему ситуацию: «Аякс», банк Амброзиано, «Корпус Кристи».

Мюррей прикончил пиво и знаком велел официантке принести еще. Сэл была занята у стойки, укрощая подвыпивших клиентов.

– Знаешь, по-видимому, это О'Фаолин заставил ФБР отступить, – заметил он.

Я кивнула:

– И я так думаю. У него и у миссис Пасиорек достаточно денег и власти, чтобы придушить дюжину любопытных. Мне бы хотелось прихватить с собой завтра в монастырь Дерек, но он и в лучшие-то времена не очень ко мне прислушивался. И Бобби тоже. А сейчас времена отнюдь не самые хорошие.

Весь остаток дни я бесцельно висела на телефоне. Сначала долго разговаривала с Бобби, он возмущался, почему я раньше не прижала Новика к ногтю. Мой рассказ его не заинтересовал. Он отказался послать кого-нибудь в монастырь, чтобы допросить архиепископа или Пелли. Мои обвинения в адрес миссис Пасиорек ошеломили его. Бобби был истым католиком, он не мог поднять руку на отца церкви. И на мать тоже.

Дерек Хэтфилд был еще менее дружелюбен. Мое предложение задержать вылет О'Фаолина, по крайней мере, на сорок восемь часов, было встречено ледяным презрением. И как это часто бывает во время моих стычек с Дерек, я закончила разговор грубостью. То есть я нагрубила, а он повесил трубку. Что в общем-то одно и то же.

Разговор с моим адвокатом Фримэном Картером был более плодотворным. Он был настроен так же скептически, как Бобби и Дерек, но все же согласился поработать на меня и раздобыть кой-какие имена – за сто двадцать пять долларов в час.

– Я сам буду в монастыре, – пообещал Мюррей.

– Не хочу тебя обижать, но я бы предпочла дюжину ребят с револьверами.

– И все же запомните, мисс Варшавски: перо могущественнее карандаша, – важно сказал Мюррей.

Я невольно рассмеялась.

– Мы все запишем на пленку, – пообещал Мюррей, – и я прихвачу кого-нибудь с камерой.

– Должно сработать... Так ты берешь к себе дядю Стефана?

Мюррей поморщился:

– Только если оплатишь мои похороны, когда Лотти узнает об этом. (Он уже не раз встречался

с Лотти и знал, какой у нее характер. }

Я посмотрела на часы и извинилась. Было около шести, пора снова звонить Фримэну, а то он уйдет на обед.

Сэл разрешила мне воспользоваться телефоном в каморке, которую она называла офисом: помещение без единого окна прямо за баром. Фримэн был оживлен, но краток. Он сообщил мне два имени: адвоката и брокера миссис Пасиорек. Да, тот самый брокер, что перевел двенадцать миллионов долларов в «Корпус Кристи» для покупки акций «Аякса».

Я присвистнула, когда Фримэн положил трубку. За такую информацию стоило выложить сто двадцать пять монет. Я снова взглянула на часы. Успею сделать еще один звонок, на этот раз Ферранту в его офис.

Его голос был безнадежней обычного.

– Сегодня я говорил с директоратом, пытался убедить их подыскать мне замену. Нужно, чтобы кто-то занимался страховыми операциями, иначе все пойдет к черту, и тому, кто пытается нас перекупить, просто ничего не останется. Все мои силы уходят на встречи с правоведами-орлами и ужами-финансистами, и мне просто не хватает времени делать то единственное, что у меня хорошо получается, – брокерские страховые сделки.

– Роджер, возможно, я смогу разрешить твою проблему. Не буду пока говорить, в чем дело. Тебе пришлось бы тогда выложить все твоему лондонскому партнеру и совету директоров. А это – преждевременно. Если пойдут какие-нибудь слухи, моя затея сорвется.

Роджер поразмыслил. Когда он снова заговорил, его голос звучал куда энергичнее, чем раньше.

– Да, ты права. Не буду на тебя давить... Не могли бы мы увидеться сегодня вечером? Поужинать вместе?

– Только очень поздно... Скажем, в десять?

Это его как раз устраивало. Он еще несколько часов будет разговаривать с «орлами» и «ужами».

– Могу я сказать, что у нас появился просвет?

– Только не говори, от кого у тебя эта информация.

Когда я вернулась к столику, меня ждала на вырванном из записной книжки листке короткая записка Мюррея, гласившая, что он уехал убеждать Джила всунуть статью в последний выпуск.

Единственным преимуществом взятой напрокат «тойоты» перед моей «омегой» был работающий обогреватель. Январь перешел в февраль без сколько-нибудь заметной перемены погоды. На термометре была новогодняя температура, с тех пор так и не повысившаяся. Когда я выехала из подземного гаража и свернула на Лейк-Шор-Драйв, машина уже достаточно нагрелась, и я сняла куртку.

Двигаясь по Хаф-Дэй-роуд, я размышляла, насколько безопасно вот так прямо подъехать к парадному входу Пасиорексов. А вдруг доктор согласился с О'Фаолином, что меня надо убрать? Во имя спасения репутации жены. А что, если О'Фаолин ударит доктора распрятием и застрелит меня?

Доктор встретил меня у двери, его лицо было мрачным и решительным. Он выглядел так,

будто с тех пор, как я ушла от него прошлой ночью, он еще не ложился.

– Кэтрин и Ксавир в «семейной» комнате. Они не знают о твоём приезде. Не думаю, что Ксавир остался бы, знай он, что ты явишься.

– Возможно, что так.

Я шла за ним по знакомому коридору в знакомую, горячо натопленную гостиную.

Миссис Пасиорек, как всегда, сидела у камина. Рядом, на стуле с прямой спинкой, – О'Фаолин. Когда мы с доктором вошли, оба они побледнели и изумленно вздохнули.

О'Фаолин вскочил и сразу же оказался у двери. Пасиорек вытянул руку, достаточно сильную после стольких лет операций, и втолкнул его обратно в комнату.

– Нам надо поговорить. – Его голос обрел прежнюю твердость. – Вы с Кэтрин, по существу, ничего мне не рассказывали. Я подумал, что Виктория могла бы нам помочь.

О'Фаолин посмотрел на меня, так, что у меня все внутри перевернулось. Ненависть и смерть – вот что было в его взгляде. Я пыталась сдержать ярость, нахлынувшую на меня при виде человека, который хотел ослепить меня, который приказал поджечь мою квартиру. Хорошо бы придушить мерзавца, но время еще не пришло, хотя соблазн был велик.

– Добрый вечер, архиепископ. Добрый вечер, миссис Пасиорек. – Мне понравилось, как звучал мой голос. – Давайте поговорим об «Аяксе», «Корпусе Кристи» и Агнес.

О'Фаолин снова овладел собой.

– Обо всем этом я слишком мало знаю, мисс Варшавски. – В бесцветном голосе звучало презрение.

– Ксавир, думаю, у вашего исповедника неистощимый запас терпения.

Его глаза сузились – то ли из-за того, что я назвала его по имени, то ли из-за моих слов, не знаю.

– Как ты смеешь говорить с архиепископом в таком тоне? – выпалила миссис Пасиорек.

– Ты же меня знаешь, Кэтрин: моя наглость беспредельна. Все достигается практикой.

Доктор Пасиорек умоляюще поднял руки:

– После того как вы обменялись оскорблениями, мы можем перейти к делу? Виктория, вчера вечером ты сказала о связи между «Корпусом Кристи» и «Аяксом». У тебя есть доказательства?

Я порылась в бумажнике в поисках грязно-серой фотокопии письма Рауля Диаса Фигуэредо к О'Фаолину.

– Более того, у меня есть доказательство участия О'Фаолина в перекупке «Аякса». Вы читаете по-испански?

Доктор молча кивнул, и я передала ему фотокопию. Он несколько раз внимательно прочитал письмо, затем показал его О'Фаолину.

– Так это ты была там! – прошипел тот.

Я пожала плечами:

– Не знаю, где я была, но я знаю: письмо свидетельствует о том, что вам посоветовали нацелиться на «Аякс», так как это самая лучшая и самая легкая добыча. В панамских банках осел миллиард из банка Амброзиано. Использовать эти деньги вы не можете: стоит вам пустить их в оборот, как итальянский банк набросится на вас, как львы на ранних христиан. Припомнив историю с Майклом Синдоной и Национальным банком Фрэнклина, вы поняли, что вам нужна какая-нибудь американская финансовая компания, чтобы через нее отмывать деньги. Для такого дела страховая компания гораздо удобнее банка, так как позволяет играть во все эти игры с сокращением фондов и перемещением основных капиталов, при этом совершенно на законных основаниях. Фигуэредо нанял кого-то прощупать ситуацию на рынке ценных бумаг. Я догадываюсь, почему был выбран «Аякс». Из-за того, что фирма находится в Чикаго. Мальчики с деньгами близоруки, они плохо следят за тем, что происходит за пределами Нью-Йорка. Улавливаете мою мысль? Кэтрин была бледна как смерть. Губы ее превратились в тонкую линию. Однако О'Фаолин чувствовал себя непринужденно и даже презрительно улыбался.

– Очень красивая сказка. Мой друг пишет, что «Аякс» – подходящий объект для перекупки; в этом нет ничего незаконного. И не будет ничего незаконного в том, если я куплю компанию, другой вопрос – откуда у меня деньги? Но, насколько мне известно, я не собираюсь перекупать эту компанию.

Он снова опустился на стул, вытянув и скрестив ноги.

– Увы! До чего же продажны люди! – Я попыталась выдавить из себя любезную улыбку, но обходительность не мое амплуа. – Мой адвокат Фримэн Картер разговаривал сегодня с вашим, миссис Пасиорек. Фримэн состоит в том же клубе, что и Фуллер Гибсон, и Фуллер любезно рассказал ему, кто занимается капиталами Пасиорек. А после этого было нетрудно получить подтверждение записки, оставленной Агнес. «Корпус Кристи» истратил двенадцать миллионов долларов на покупку акций «Аякса» через корпорацию «Вуд-Сейдж».

Все с минуту молчали. Потом миссис Пасиорек издала слабый писк и упала в обморок, откинувшись на кушетке. Пасиорек подбежал к ней, а О'Фаолин встал и большими шагами направился к выходу. Я – стала в дверях, преградив ему путь. Он был выше меня на полфута и, наверное, на сорок фунтов тяжелее, но зато я была на двадцать лет моложе.

Он попытался отпихнуть меня в сторону левой рукой. Учитывая его весовое преимущество, я схватила его за руку и резко дернула на себя, так что он растянулся на полу лицом вниз. Этот маленький акт насилия дал выход ярости, которая кипела во мне. Слегка задышавшись, я ждала, когда он поднимется на ноги.

Он встал и опасливо отступил от меня. Я рассмеялась:

– Что, испугался, Ксавир?

Я сжала правую руку в кулак и заняла вторую позицию, всадив локоть левой руки ему в диафрагму. Его любительский удар скользнул по моему плечу, а я тем временем нацелила сжатые пальцы ему в глаза. Вцепившись левой рукой ему в затылок, я неутомимо работала правой, пока он пытался меня отпихнуть. Никудышный боец.

– Вот видишь, я могу ослепить тебя. Могу даже убить. Будешь сопротивляться, пеняй на себя.

Я почувствовала чью-то руку на своем левом плече, рука пыталась оттащить меня от О'Фаолина, я сбросила ее, но рука потянула меня более настойчиво. Я откачнулась, ловя ртом воздух, гнев красной пеленой застилал мне глаза.

– Отстань от меня. Отстань, отстань!..

– Виктория! – Это был доктор Пасиорек. Я почувствовала, как у меня загорелась щека, и поняла, что он дал мне пощечину. Я стала приходить в себя.

– Он хотел ослепить меня! – кричала я, задыхаясь. – Он пытался меня сжечь. Он, может быть, убил Агнес. Дай я убью его!

О'Фаолин был бледен, только кожа под глазами горела от моих ударов. Он поправил свой белый воротничок.

– Она сошла с ума, Томас. Вызови полицию.

Пасиорек отпустил мою руку, и я прислонилась к стене.

Придя в себя, я вспомнила о второй части плана.

– Ах да. Сегодня ночью умер Стефан Хершель. Ещё одно преступление этого посланца мира.

Пасиорек нахмурился:

– Кто такой Стефан Хершель?

– Старый хороший гравер, который попытался заинтересовать Ксавира поддельной акцией. Ксавир украл акцию, но перед этим его наемник, Уолтер Новик, напал на старика с ножом. Уолтер – это тот человек, что лежал вчера у вас на кушетке с простреленной ногой. Он подтвердит это.

– Это правда? – требовательно спросил Пасиорек.

– Томас эта женщина – сумасшедшая. Как ты можешь ей верить? Старик мертв, чем она подтвердит свои слова? Все это – только слухи: умирает старик, «Корпус Кристи» скупает акции «Аякса», Фигуэредо пишет о возможных вложениях в страховую компанию – в чем тут можно меня обвинить?

Пасиорек побледнел.

– Не знаю, есть в этом твоя вина или нет, но вот что касается Кэтрин... Именно благодаря тебе на ее деньги был создан «Корпус Кристи». На эти деньги скупались акции «Аякса». И теперь, может быть, потому что она вмешалась в это дело, погибла моя старшая дочь. Вот в чем я обвиняю тебя, О'Фаолин. Ты втянул Кэтрин во все это.

– Меня не удивляют твои обвинения, – высокомерно заметил О'Фаолин. – Ты всегда считал меня злым гением Кэтрин, ее Распутиным.

Он круто повернулся на каблуках и вышел. Ни Пасиорек, ни я не стали его останавливать. Вид у Пасиорека был измученный.

– Что из всего этого правда? – спросил он.

– Что из всего этого правда? – раздраженно переспросила я. – Вы хотите знать, стоит ли за спиной «Вуд-Сейдж» «Корпус Кристи»? Да, стоит. Перекупает ли «Вуд-Сейдж» «Аякс»? Да, в пятницу они сообщили об этом в комиссию. Убили ли Агнес из-за того, что она влезла во все это? Доказать никогда не удастся. Но, вероятно, да.

– Мне надо выпить, – пробормотал он. – Бывает, за несколько месяцев я выпиваю бокал вина, не больше. А сейчас пьянствую второй день.

Он повел меня через лабиринт в свой кабинет.

– Что с Кэтрин?

– С Кэтрин? – Казалось, это имя удивило меня. – А, с Кэтрин? С ней все в порядке. Просто шок. Во всяком случае, во мне она не нуждается. – Он посмотрел на свой бар. – Бренди мы ведь уже прикончили, да? Но у меня есть виски. Ты пьешь «Чивас»?

– А «Блэк лейбл» нет?

Он пошарил в баре. «Блэк лейбл» не было. Я согласилась на «Чивас» и уселась в кожаное кресло.

– Ну и что там этот старик? Гравер, кажется?

Я пожала плечами.

– Он умер. Когда Новик сделает свое признание, О'Фаолин станет соучастником преступления. Плохо только, что будет уже поздно. Завтра десятичасовым рейсом он улетает в Рим. И если никогда не заявится в Чикаго, у себя дома он свободен.

– А как насчет «Аякса»?

Он залпом прикончил виски и налил еще. Потом протянул бутылку мне, но я покачала головой: перед дорогой лучше не напиваться – мне предстояло возвращаться в Чикаго.

– Думаю, что смогу им помочь.

– Как?

Я покачала головой.

– В правилах Комиссии по ценным бумагам есть один маленький пунктик. Такой маленький, что Ксавир его, видимо, не заметил.

– Понимаю.

Он прикончил второй бокал и налил третий. Какой смысл смотреть, как он напивается? В дверях я на мгновение обернулась. Он сидел, уставясь в бокал, но почувствовал, что я ухожу, и, не поднимая головы, сказал:

– Говоришь, никогда не удастся узнать, почему погибла Агнес? Ты уверена?

– Нет доказательств, – беспомощно ответила я.

Он со стуком поставил бокал на стол.

– И не надо. Когда передо мной смертельно больной, я говорю ему... Я говорю ему, что заранее ничего нельзя сказать – как повезет, но сам-то я знаю, что произойдет. Как один профессионал другому, скажи, ты знаешь, из-за чего умерла Агнес?

Я встретила с его карими глазами и увидела, что в них стоят слезы.

– Как профессионал профессионалу – на сто процентов.

– Понятно... Это все, что я хотел узнать. Спасибо, что пришла, Виктория.

Мне не хотелось оставлять его одного в таком состоянии. Но что было делать? Не заметив моей протянутой руки, он взял со стола журнал и внимательно начал изучать его. Я не стала говорить, что он держит журнал вверх ногами.

Нацеленное ружье

Роджер ждал меня в «Гриллонс» – ресторане со старыми чикагскими традициями, где официанты оставляют тебя в покое, а не появляются каждые пять минут возле твоего столика, вопрошая, что тебе еще принести. Они подкатили к нашему столику огромный кусок говядины и отрезали две превосходные порции. Сыр «стилтон», специально привезенный из Мелтон-Моубрея, прекрасно сочетался с портвейном 1964 года. Несмотря на все свои тревоги и схватку с О'Фаолином, чувствовала я себя очень неплохо.

Роджер тоже был настроен бодро.

– Ты дала мне надежду, Ви. Ай. Я сказал директорату, что у меня есть знакомый детектив, который взялся за наше дело и полагает, что нашел выход. Они, конечно, очень заинтересовались, но так как у меня нет никакой информации, то и сказать я им больше ничего не мог.

Я устало улыбнулась и похлопала его по руке. Мы допили портвейн, и официант принес нам счет. Было около полуночи. Поколебавшись, Роджер спросил, не может ли он пойти ко мне. Я с сожалением покачала головой:

– Не то чтобы я не хочу – твоя компания мне всегда по душе. Но это не то место, куда можно кого-нибудь пригласить, – там сейчас настоящий кавардак. Кто-то искал одну бумагу и перерыл всю квартиру. А мне сейчас не до того, чтобы наводить порядок.

– А может, таким образом американка посылает мужчину к черту?

Я подалась вперед и поцеловала его.

– Когда я пошлю тебя к черту, не сомневайся, ты будешь уверен, что не ослышался. Сейчас я хочу сказать, что у меня нет дома и что мне это не нравится. Я чувствую себя потерянной и хочу сама в этом разобраться.

Он понимающе кивнул:

– Мои подчиненные здесь всегда говорят: «Я с этим справлюсь». Мне кажется, это американизм, но, как бы то ни было, я с этим справлюсь.

Когда он предложил подвезти меня, я с благодарностью согласилась и оставила «тойоту» в подземном гараже. Не велика беда, если утром ее не окажется на месте.

Была половина второго ночи, когда он высадил меня перед Беллерофоном. Вежливо подождал, пока я войду, махнул на прощание рукой и уехал.

Передо мной восседала миссис Климзэк. Как только я вошла, она вскочила и в ярости набросилась на меня, ее лицо напоминало рассерженный красный пион.

– Вы должны были уехать, мисс Варшавски, или как там вас зовут.

– Я бы с удовольствием, миссис Климзэк. Беллерофон мне нравится не больше, чем я ему. Но нам обеим придется отложить это до конца недели.

– Не вижу ничего смешного! – Она топнула ногой. Я испугалась, что обвалится штукатурка. –

Вы сорвали квартиру. Всю ночь у вас какие-то странные мужчины.

– Не сорвала, миссис Климзэк. Должно быть, вы хотели сказать, что ко мне в квартиру ворвались. Срывают только встречи, а не квартиры.

– Не пытайтесь переменить тему: Сегодня вечером сюда вломились двое мужчин и до смерти напугали моего мужа.

– Что они сделали? Показали ему удостоверение налоговой службы?

– К восьми утра чтоб духу вашего здесь не было! И заберите с собой этих мужчин.

– Каких мужчин? – начала было я, но тут до меня дошло, о чем она говорит.

Сердце застучало сильнее. Жаль, что я так напилась за ужином, но «смит-и-вессон», нежно прижимающийся к боку, несколько успокоил меня.

– Они еще в квартире? Почему вы не вызвали полицию?

– Зачем мне это нужно? – торжествующе сказала она. – Я думаю, это ваша проблема, не моя.

– Спасибо, миссис Климзэк. Не звоните в мэрию, чтобы получить медаль благонадежного гражданина, – они сами вам позвонят.

Обойдя ее, я зашла за конторку, сняла телефонную трубку и набрала номер своей квартиры. Она вопила и оттаскивала меня от телефона, но я ее проигнорировала: сегодня у меня уже была драка с архиепископом. На старую каргу мне плевать.

После пятнадцати сигналов очень знакомый хриплый голос ответил.

– Эрнесто, это Ви. Ай. Варшавски. Вы не пристрелите меня, если я поднимусь?

– Где вы пропадаете, Варшавски? Мы ждем здесь с восьми часов.

– Извини. Я ездила помолиться.

Он снова спросил, где я нахожусь, и сказал, чтобы я подождала в холле. Когда я повесила трубку, миссис Климзэк завизжала, что, если я еще раз дотронусь до телефона, она велит мужу вызвать полицию.

Я наклонилась и поцеловала ее.

– Правда? Эта парочка – гангстеры, они приехали, чтобы забрать меня. Если вы прямо сейчас позвоните в полицию, то, может, еще успеете меня спасти.

Она в ужасе взглянула на меня и скрылась в задней части дома.

Эрнесто, с видом важного государственного мужа, вошел в холл, за ним – худой, нездорового вида мужчина в потрепанной шоферской форме.

Конечно, если бы они хотели убрать меня, то спрятались бы где-нибудь снаружи и не стали бы демонстрировать всему миру свои физиономии. Это уж точно. И все же мои руки этому не верили. Они начали потеть и даже собирались задрожать, поэтому я сунула их в карманы.

– Ваша квартира перевернута вверх дном, Варшавски.

– Если б я знала о вашем приходе, то прибралась бы. Он игнорировал мой сарказм.

– Кто-то ее обыскал. Дерьмовая работа. Вы об этом знаете?

Я ответила, что знаю, и вышла за ним в лунную ночь. Лимузин стоял за углом. Мы с Эрнесто сели сзади, на этот раз он не завязывал мне глаза. Я откинулась на удобном сиденье, но заснуть не могла. Должно сработать, говорила я себе. Должно. Не для того же меня вызывают, чтобы застрелить в отместку за раненого Уолтера Новика? Они могли бы уложить меня прямо на улице.

К этой мешанине мыслей примешивались воспоминания об отчаянии Пасиорека, об О'Фаолине – я снова видела его презрительную улыбку, когда он уходил сегодня вечером. Тревожила и еще одна мысль; разъяренная Лотти узнает, что дядя Стефан собирается ехать к Мюррею, чтобы по моей просьбе сыграть роль подсадной утки.

На Северной авеню мы въехали на парковочную стоянку у огромного ресторана. Неудивительно, что они не завязали мне глаза: в этом месте не было ничего секретного. Наверху сияла огромная неоновая вывеска – пенящийся бокал шампанского, под которым мигающие огоньки составлялись в слова: «Ресторан Торфино. Итальянские вина и блюда».

Лимузин затормозил перед входом, откуда-то выскочил швейцар и открыл дверцу перед Эрнесто и мной. Водитель тоже вышел и шепотом прохрипел:

– Позвони, когда понадобится. – Первые слова, которые я от него услышала.

Я проследовала за Эрнесто через пустой ресторан и оказалась в коридоре за кухней. Простой линолеум и зеленые в сальных пятнах стены – обыкновенное казенное учреждение. У закрытой двери стоял скучающий молодой страж. Увидав Эрнесто, он чуть отодвинулся. За дверью находился офис, где дон разговаривал по телефону, лениво покуривая длинную сигару. Он кивнул Эрнесто и жестом пригласил меня войти.

Как и библиотека Паскуале, офис был выдержан в красных тонах. Но впечатление производил самое убогое: портьеры из вискозы, обивка из искусственного бархата, стол – обыкновенный ящик на четырех ножках.

Паскуале положил трубку и спросил Эрнесто, почему тот задержался. Эрнесто по-итальянски объяснил, что меня долго не было.

– И еще, – добавил он, – кто-то интересуется синьориной Варшавски. Ее квартиру перевернули вверх дном.

– И кто бы это мог быть, мисс Варшавски? – с мрачной вежливостью спросил Паскуале.

Я помолчала, как бы привыкая к этой притворной вежливости.

– Я решила, что вы знаете лучше, дон Паскуале. Мне подумалось, что это сделал ваш человек, Уолтер Новик, по просьбе миссис Пасиорек.

Дон посмотрел на сигару, измеряя длину пепла, затем повернулся к Эрнесто:

– Разве мы знаем Уолтера Новика, а, Эрнесто?

Тот презрительно пожал плечами:

– Он делал для вас кое-что, дон. Такие типы, как он, любят цепляться за полы тех, кто сильнее их.

Паскуале величественно кивнул:

– Я сожалею, что у вас сложилось впечатление, будто Новик под моей защитой. Как сказал Эрнесто, он много о себе воображает. И потому позволил себе использовать мое имя. – Он снова посмотрел на сигару. Стряхивать пепел было рано. – Этот Новик знаком со многими отпетыми преступниками. И готов влезть в любую авантюру, лишь бы произвести впечатление на такого человека, как я.

Паскуале с видом мировой скорби пожал плечами. И я и он, говорил весь его вид, мы оба понимаем, что это ребячество. Но что поделаешь? Пепел наконец-таки дорос до нужной длины, теперь его можно осторожно стряхнуть.

– Среди этих преступников были и фальшивомонетчики. Новик выкинул еще одну глупость: заказал своим приятелям изготовить поддельные акции и подложил их в сейф в монастыре.

Он помолчал, ожидая, как я прокомментирую столь поразительное тупоумие.

– Но как, дон, эти фальшивомонетчики узнали, акции каких компаний и какого достоинства нужно изготовить?

Паскуале нетерпеливо дернул плечом:

– Священники – простодушные люди. Они много говорят. Кто-то, без сомнения, их подслушал. Такие вещи случались и раньше.

– Вы не будете возражать, если я так все и изложу Дереку Хэтфилду?

Он мягко улыбнулся:

– Ничуть. Хотя это только слухи, я не вижу пользы от моего разговора с ним.

– И вы не знаете имен этих фальшивомонетчиков, не так ли?

– К сожалению, нет, моя дорогая мисс Варшавски.

– И вы также не знаете, почему они связались именно с монастырем, не так ли?

– Полагаю, мисс Варшавски, потому, что для них это было легче. Но меня это мало интересует.

Я почувствовала, что ладони начали потеть. Во рту пересохло. Но я не могла упустить этот шанс и лишь надеялась, что Паскуале, знающий, какой ужас он внушает, не заметит, как я нервничаю.

– К сожалению, дон, вам придется заинтересоваться.

Паскуале не шелохнулся, его взгляд по-прежнему выражал вежливое внимание. Но черты его лица как-то застыли и глаза сверкнули так, что у меня на лбу выступила испарина. Когда он заговорил, холод пробежал у меня по спине.

– Это угроза, мисс Варшавски?

Боковым зрением я увидела, как Эрнесто, сидя в виниловом кресле, напрягся и превратился в слух.

– Не угроза, дон Паскуале. Просто информация к размышлению. Новик в больнице и собирается говорить. А архиепископ О'Фаолин скажет, что подложные акции, нападение на меня и все остальное – целиком ваша идея. Он знать ничего не знает.

Паскуале слегка расслабился. Я тоже задышала спокойнее. Эрнесто снова развалился в

кресле и стал просматривать свою записную книжку.

– Как вы знаете, дон, Комиссия по ценным бумагам не разрешает владеть страховой компанией или банком тем, кто связан с мафиозными структурами. Поэтому О'Фаолин откредитится от Новика так быстро, как только сможет. Завтра в десять он улетает в Рим и во всем придется разбираться вам.

Дон кивнул со своей обычной мрачной вежливостью.

– Ваша осведомленность, как всегда, потрясает, мисс Варшавски. Если бы я знал этого О'Фаолина... – Он недоумевающе развел руками. – Тем не менее я сожалею, что Уолтер Новик внес в вашу жизнь столько неприятностей. – Он взглянул на Эрнесто, и тут же появилась чековая книжка в красном переплете. – Двадцать пять тысяч покроют потерю вашей квартиры?

Я проглотила язык. За такие деньги можно приобрести свою собственную квартиру, купить новое пианино вместо маминого или провести остаток зимы на Карибском море. Однако захочу ли я иметь все это за такие деньги?

– Вы сказочно щедры, дон Паскуале. Я не заслужила этого.

Он вежливо настаивал. Не отрывая глаз от репродукции Гарибальди над столом, я твердо отказывалась. В конце концов Паскуале смерил меня взглядом и велел Эрнесто проследить, чтобы я благополучно добралась до дома.

Глава 27

Счастье архиепископа

В половине пятого в начале февраля небо уже темнеет. В часовне Божией Матери свечи образовывали теплые круги света. За резной деревянной перегородкой, отделявшей монашеский хор от толпы мирян, царил полумрак. Я едва различала черты лица дяди Стефана, время от времени он дружески похлопывал по моей руке. Мюррей стоял слева от меня. За ним – Корделия Холл, фотограф из газеты.

Когда отец Кэрролл запел своим чистым высоким тенором, я почувствовала себя еще более подавленной. Не надо мне было приходить сюда. После того как я всеми возможными способами сделала из себя полную дуру, следовало вернуться в Беллорофон и целый месяц пролежать под одеялом.

День начался плохо. Прочитав в «Геральд стар» четыре абзаца о неожиданной смерти дяди, Лотти пришла в ярость; не вызвало у нее восторга и его решение поехать к Мюррею. По словам Мюррея, спор был кратким. Подтрунивания дяди Стефана и то, что он называл ее упрямой девчонкой, не доставили Лотти удовольствия, и, чтобы дать выход своей злости, она перешла на немецкий. Дядя Стефан сказал ей, что она вмешивается не в свое дело, после чего Лотти бросилась к своему зеленому «датсуну», чтобы разыскать меня. Мне не повезло: я не знала Лотти маленькой упрямой девочкой, когда она вскакивала на своего пони со ступенек замка Клайнзее. К тому же ее обвинения ложились слишком близко от моих нервных центров. Эгоистка, думаю только о себе, готова пожертвовать дядей Стефаном, пытаюсь разрешить проблему, от которой отступились ФБР и комиссия.

– Но, Лотти, я и сама подставляюсь, этот пожар у меня в квартире...

Она с презрением отмахнулась от меня. Разве полиция не просила меня дать полную информацию? И разве я со свойственным мне высокомерием не утаила ее? А теперь все должны рыдать над последствиями моей глупости.

Когда я попыталась предложить дяде Стефану отказаться от задуманного плана, он принял мою сторону:

– Послушай, Виктория. Ты должна знать: не нужно обращать на Лотти внимание, когда она в такой ярости. Если ты позволишь взять над собой верх, значит, ты очень устала.

Он похлопал меня по руке и настоял на том, чтобы Мюррей сходил в кондитерскую и купил шоколадный кекс.

– И не этот, типа «Сары Ли» или «Дэвидсона». Я имею в виду настоящий выпеченный кекс, молодой человек. В вашем районе должны быть такие.

Мюррей принес шоколадный кекс с лесными орехами и взбитые сливки. Дядя Стефан отрезал мне большой кусок, полил его взбитыми сливками и заботливо наблюдал, как я ем.

– Ну что, племяшка, теперь тебе лучше?

Честно говоря, лучше мне не стало. Во мне уже не было того страха, который я испытывала раньше, встречаясь с О'Фаолином. Но я не могла не думать, как отреагирует отец Кэрролл на тот спектакль, который я собираюсь устроить в церкви. Тем не менее в половине четвертого я уселась вместе с дядей Стефаном на заднее сиденье мюрреевского «понтака».

Мы приехали рано и смогли занять места в первом ряду за деревянной перегородкой. Я подумала, что Роза, трудясь во славу монастырских финансов, вероятно, тоже придет на службу и, оглядевшись, узнает меня даже в сумеречном полусвете. А это было бы ой как нежелательно.

Стоявшие вокруг нас присоединились к службе, они знали, какие псалмы надо петь хором, а какие будут исполнены соло. Мы четверо сидели молча.

Когда дошла очередь до причастия, мое сердце забилося сильнее. Стыд, страх, ожидание – все смешалось вместе. Дядя Стефан рядом со мной дышал все так же спокойно, тогда как мои ладони вспотели и дыхание сбилось.

Поверх перегородки я видела, как священники образовали вокруг алтаря большой полукруг. Пелли и О'Фаолин стояли рядом. Пелли – маленький, погруженный в свои мысли, и О'Фаолин – высокий, самоуверенный, главный распорядитель на официальном торжестве. Он не принадлежал к ордену, и поэтому на нем была черная сутана, а не белая доминиканская мантия.

Верующие потянулись к причастию. Когда прямая спина Розы и ее чугунного цвета волосы проследовали мимо нас, я тихонько толкнула дядю Стефана в бок. Мы встали и присоединились к процессии.

Около полудюжины священников раздавали облатки. У алтаря процессия разделилась, медленно люди направились к человеку, перед которым было меньше причащающихся. Мы с дядей Стефаном двинулись за Розой к архиепископу О'Фаолину. Архиепископ не смотрел на лица. Это был привычный ритуал, мысли его бродили далеко, хотя лицо сохраняло выражение доброжелательной снисходительности. Причастившись, Роза повернулась, чтобы вернуться на свое место. Я преградила ей путь. Увидев меня, она приглушенно вскрикнула. Это вернуло О'Фаолина к действительности. Его ошеломленный взгляд переходил с меня на дядю Стефана и обратно. Гравер схватил меня за рукав и громко сказал:

– Виктория! Этот человек помогал убивать меня!

Дароносица выпала из рук архиепископа. Его глаза сверкнули.

– Ты мертв. Господи спаси, ты же умер!

Щелкнул фотоаппарат. Корделия Холл принялась за работу. Мюррей, усмехаясь, вытащил микрофон:

– Будут еще комментарии для потомства, архиепископ?

Теперь служба окончательно остановилась. Один из наиболее сообразительных молодых братьев бросился вытирать с пола святую жидкость, пока ее не затоптали. Несколько не успевших причаститься прихожан замерли на месте, открыв рты. Около меня оказался Кэрролл:

– В чем дело, мисс Варшавски? Это церковь, а не гладиаторская арена. Уберите этих газетчиков, чтобы мы могли закончить мессу. А потом я хотел бы видеть вас у себя в кабинете.

– Конечно, настоятель. – Я говорила спокойно, хотя лицо мое пылало. – Буду очень благодарна, если вы приведете с собой отца Пелли. Роза тоже там будет.

Моя тетушка, застывшая возле меня, попыталась улизнуть. Я сжала ее тощую руку так, что она поморщилась.

– Нам надо поговорить, Роза. Так что не пытайся сбежать.

О'Фаолин начал оправдываться перед Кэрроллом:

– Она сумасшедшая, настоятель. Откопала какого-то старика и обрушила на меня град обвинений. Она думает, что я пытался убить ее, и преследует меня с тех пор, как я появился в монастыре.

– Это ложь, – выдохнул дядя Стефан. – Не знаю, кто этот человек, архиепископ или нет, но то, что он украл мои акции и смотрел, как бандит пытался меня зарезать, это я знаю. Послушайте-ка его теперь!

Настоятель поднял руку:

– Хватит!

Я не думала, что мягкий голос может быть таким властным.

– Мы собрались здесь, чтобы славить Господа. Эти обвинения превращают службу в насмешку. Архиепископ, вам будет дано слово. Позже.

Он призвал прихожан к порядку и прочитал короткую проповедь о том, насколько силен дьявол, если он искушает нас даже у врат небесных. Все еще держа Розу за руку, я отошла из центра зала в сторону. Пока все молились, я заметила голову О'Фаолина у выхода за алтарем. Пелли, стоявший рядом с ним, был в замешательстве. Если он уйдет вместе с О'Фаолином, это будет равно публичному признанию своей вины. Но если останется, архиепископ никогда его не простит. Все сомнения прочитывались на его напряженном лице с такой же ясностью, как цифры на электронном счетчике. Наконец он присоединился к братьям в последней молитве и тихонько вышел вместе с ними из часовни, его лицо покраснело от мучительных раздумий.

Как только Кэрролл скрылся из вида, прихожане разразились бурными комментариями. Я вслушивалась, надеясь уловить в общей разноголосице совсем другой звук. Но его не было.

Роза довольно громко начала говорить всякие слова в мой адрес.

– Не сейчас, дорогая тетушка, – прервала я ее. – Прибереги это для кабинета настоятеля.

Сопровождаемая Стефаном и Мюрреем, я решительно повлекла тетю сквозь изумленную, немолкающую толпу к выходу. Корделия осталась, чтобы сделать несколько групповых фотографий.

Пелли сидел с Кэрроллом и Яблонски. Увидев последнего, Роза начала было что-то говорить, но он покачал головой, и она заткнулась. Великая сила власти! Если к концу этого собрания мы останемся живы, попытаюсь нанять его как ее укротителя.

Когда мы расселись, Кэрролл пожелал узнать, кто такие Мюррей и дядя Стефан. Он сказал, что Мюррей может остаться только при условии, что ни одно слово из нашего разговора не будет записано или передано в средства массовой информации. Мюррей пожал плечами:

– Какой тогда смысл оставаться?

Но Кэрролл был тверд, как алмаз, и Мюррей неохотно согласился.

– Я пытался уговорить Ксавира присоединиться к нам, но он собирается в аэропорт и отказывается что-либо говорить. Мне нужно четкое объяснение от вас, здесь присутствующих. Начнем с мисс Варшавски.

Я глубоко вздохнула. Роза сказала:

– Не слушайте ее, отец. Она просто злобная...

– Дойдет очередь и до вас, миссис Вигнелли.

Кэрролл говорил с такой твердостью, что Роза, должно быть, сама удивившись, снова закрыла рот.

– Эта история началась тридцать пять лет назад в Панаме, – начала я. – В то время Ксавир О'Фаолин был священником, работал в Баррио. Он был членом «Корпуса Кристи» и обладал колоссальным честолюбием. Кэтрин Сэвидж, молодая идеалистка с громадным состоянием, подпав под его влияние, вступила в «Корпус Кристи» и предоставила почти все свои деньги в распоряжение этой организации. Там она встретила Томаса Пасиорека, молодого врача, служившего в армии, и вышла за него замуж. Она провела в Панаме четыре года, за это время у нее установились крепкие связи с доминиканской духовной семинарией. Она считала, что после ее отъезда семинаристы смогут продолжить ту работу среди бедных, которую она вела вместе с О'Фаолином.

Я втянулась в рассказ и немного расслабилась. Голос не дрожал, дыхание стало спокойнее. Время от времени я поглядывала на Розу.

– К концу ее пребывания в Панаме в монастырь Сан-Томас приехал молодой человек, который разделял ее взгляды и ее идеализм. Чтобы не томить вас, сразу скажу, это был Августин Пелли. Он также вступил в «Корпус Кристи». И тоже попал под влияние Ксавира О'Фаолина. Когда энергия О'Фаолина и его честолюбие принесли ему долгожданное место в Риме, Пелли поехал с ним и в течение нескольких лет был его секретарем – нетипичное занятие для доминиканского монаха. Когда он снова присоединился к своим братьям здесь, в Чикаго, то познакомился с миссис Вигнелли, еще одним страстным, но злым по натуре приверженцем. Она также вступила в «Корпус Кристи». Это привнесло смысл в ее одинокую

горькую жизнь.

Роза сделала возмущенный жест:

– А если она и горькая, чья это вина?

– Мы скоро к этому подойдем, – холодно сказала я. – Следующий важный инцидент в этой истории произошел три года назад, когда Роберт Кальви, подстрекаемый своими собственными дьявольскими планами, основал в Панаме несколько филиалов банка Амброзиано, вложив в это миллиард долларов банковского уставного капитала. Когда он умер, деньги куда-то исчезли. Мы, наверное, никогда не узнаем, на что он хотел их потратить. Но мы знаем точно, где сейчас находится их большая часть.

Описывая сделку между Фигуэредо и О'Фаолином и их попытку перекупить «Аякс», я продолжала напрягать слух в ожидании определенного звука. Украдкой взглянула на часы. Шесть. Скоро...

– Это вывело меня на подложные акции, настоятель. Я чувствовала, что они должны играть какую-то роль в перекупке страховой фирмы. Ведь не зря же О'Фаолин нанял головореза по имени Уолтер Новик, чтобы прекратить мое расследование.

Он приказал ему плеснуть в меня кислотой и сжечь мою квартиру. Семеро людей чуть было не поплатились жизнью из-за его маниакального стремления остановить расследование дела о фальшивых акциях. Что меня интересует, так это роль Розы и ее сына Альберта в этой истории. Могу только предположить: сначала Роза не знала, что поддельные акции положены в сейф по указке «Корпуса Кристи». Поэтому она и обратилась ко мне за помощью. И вдруг неожиданно, руководствуясь совсем несвойственным ей мотивом – самоуничижением, она пытается выбросить меня из дела.

Роза не могла больше сдерживаться.

– И зачем только я попросила тебя о помощи? Мало натерпелась от той шлюхи, которая называла себя твоей матерью!

– Роза, – это был Пелли, – Роза, успокойся. Эти обвинения не делают чести нашей церкви.

Но Роза уже не поддавалась его влиянию. Демон, лишивший ее здравого смысла две недели назад, снова встал с ней рядом.

– Я взяла ее к себе. О, как меня предали! Добрая Габриела! Прекрасная Габриела! Талантливая Габриела! – Ее лицо исказилось от злости. – О да, любимица семьи. Ты знаешь, что сделала твоя драгоценная Габриела? У нее хватило смелости сказать тебе? Нет, она промолчала, эта лживая шлюха. Она пришла ко мне. Я приняла ее с открытым сердцем. И как она отблагодарила меня? Пока я в поте лица работала на нее, она совратила моего мужа. Если я разведусь с ним, он заберет ребенка... Он будет помогать мне деньгами. Только позволь ему жить с его очаровательной, талантливой Габриелой!

Она брызгала слюной. Мы все сидели пораженные, не в силах остановить этот поток.

– Я выбросила ее на улицу. А кто бы поступил иначе? Я заставила ее пообещать, что она исчезнет без следа. Хоть на это-то у нее хватило совести. А что сделал Карл? Он застрелился. Застрелился из-за уличной девки. Оставил меня одну с Альбертом. Из-за этой бесстыжей шлюхи!

Она кричала все громче и громче, постоянно повторяясь. Я, спотыкаясь, выбежала в коридор в поисках ванной комнаты. Остановившись в нерешительности, я почувствовала на плече руку Кэрролла, он провел меня в маленькую темную комнату с умывальником. Я не могла ни

говорить, ни думать. Рыдая, задыхаясь, я вспоминала свою мать, ее прекрасное, любимое лицо. Как она могла подумать, что мы с отцом не простим ее?

Кэрролл вытер мне лицо холодным полотенцем. Он исчез на несколько минут, потом появился с чашкой зеленого чая. Я с благодарностью проглотила его.

– Мне нужно закончить разговор, – сказал он. – Я должен знать, почему Августин сделал то, что он сделал. Очевидно, это он положил в сейф фальшивые акции. Ваша тетя – жалкое создание. Могли бы вы собраться с силами и помочь мне как можно быстрее завершить эту историю?

– Да, – мой голос был хриплым от слез, – да.

Моя слабость поразила меня. Скорей бы прошел этот день... Чем быстрее он пройдет, тем скорее все забудется. Я поплелась за Кэрроллом в кабинет, отклонив его помощь.

Пелли, Мюррей и Стефан все еще были там. Откуда-то из закрытого внутреннего помещения доносились сводящие меня с ума крики Розы.

Дядя Стефан, бледный и трясущийся, бросился ко мне и начал бормотать что-то утешительное на немецком. Мне показалось, что он упомянул о шоколаде, и я невольно улыбнулась.

– Там с ней Яблонски. Он вызвал врача, – сказал Мюррей Кэрроллу.

– Правильно.

Кэрролл привел нас в ту маленькую комнату, где только что поил меня чаем. Пелли еле передвигал ноги. Его обычно загорелое лицо побледнело, а губы беззвучно двигались. Дикая вспышка Розы вконец расшатала его нервы. То, что он рассказал Кэрроллу, подтвердило мои предположения.

Прошлой зимой О'Фаолин встретил Пелли в Сан-Томасе и сказал: нужно, чтобы «Корпус Кристи» начал покупку акций «Аякса». Для чего – Пелли не знал: он привык во всем полагаться на архиепископа. Осенью О'Фаолин сообщил, что покупка идет медленно, и привлек к этому делу миссис Пасиорек. Пелли, желая доказать свою преданность, подумал об акциях в монастырском сейфе. Он написал О'Фаолину, преувеличив их стоимость, и добавил, что потребуются прикрытие для кражи. Через несколько недель ему позвонил человек от дона Паскуале и принес поддельные акции. Пелли положил их вместо настоящих. В конце концов акции пролежали в сейфе лет десять, а то и больше. Когда обман обнаружится, покупка «Аякса» уже – станет историей.

К несчастью, Пелли был в отъезде, когда церковный совет решил продать акции, чтобы отремонтировать крышу. Когда он вернулся из Панамы, то обнаружил, что монастырь в панике, а Роза уволена. Он позвонил ей и велел ей отделаться от меня, так как «Корпус Кристи» в курсе дела и защитит ее.

– Через несколько дней в Чикаго приехал Ксавир, – печально бормотал Пелли, не глядя ни на меня, ни на Кэрролла. – Он... он сразу взял инициативу в свои руки. Он был в ярости, что из-за меня поднялось столько шума вокруг акций, тем более, сказал он, это пустяк по сравнению с тем, что нам требуется. Его рассердило также, что... что Варшавски все еще занималась этим делом. Он сказал, что примет меры и постарается ее остановить. Я подумал – понимаете? – что Варшавски католичка и архиепископ сумеет ее убедить. Я не знал о кислоте. И о пожаре. По крайней мере, до последнего времени.

– А ФБР? – прохрипела я. – Как О'Фаолину удалось затормозить расследование?

Пелли выдавил из себя жалкую улыбку:

– Они с Джеромом Фарбером хорошие друзья. И миссис Пасиорек, конечно. Все трое обладают большим влиянием в Чикаго.

Все молчали. В тишине раздался вой сирены «Скорой помощи», которая спешила к Розе.

Выражение лица Кэрролла – измученное, печальное – было красноречивее всяких слов.

– Августин, поговорим позже. Сейчас иди в свою комнату и подумай. Тебе придется рассказать все ФБР. Что – будет дальше, я не знаю.

После того как Пелли, стараясь сохранить достоинство, удалился, я наконец услышала то, что ожидала: взрыв, приглушенный каменными стенами и расстоянием.

Мюррей резко повернулся ко мне.

– Что это?

Они с Кэрроллом встали и обеспокоенно уставились на дверь. Я осталась сидеть на месте. Несколько минут спустя в комнату ворвался молодой рыжеволосый монах, запыхавшийся от волнения. Перед его обычно белого одеяния был испачкан.

– Настоятель! – выпалил он. – Настоятель! Лучше посмотрите сами... Там у ворот... Быстрее!

Мюррей последовал за Кэрроллом. Уж об этом-то он напишет! Я не знала, где Корделия Холл с камерой, но не сомневалась – где-то поблизости.

Дядя Стефан вопросительно взглянул на меня:

– Мы тоже должны идти, Виктория?

Я покачала головой:

– Только если вас привлекают взрывы. Кто-то подложил дистанционно управляемую бомбу в машину О'Фаолина.

Я молила Бога, чтобы он был один, без братьев. Да, архиепископ, счастье невечно.

Глава 28

Легенда об Ифигении

В первый день оттепели Феррант улетел в Англию. Он пробыл здесь достаточно долго и нашел подходящего вице-президента по чрезвычайным ситуациям в «Аякс». И успел помочь мне обставить новую квартиру.

Плата за спасение фирмы была самым большим гонораром, который я когда-либо получала. Его с избытком хватило на покупку «Стейнвея» взамен Габриелиного пианино. А вот на собственную квартиру не хватало. Но через несколько дней после смерти О'Фаолина я нашла в моей почте конверт с двадцатью пятью хрустящими тысячами. Ни записки, ни обратного адреса. Пытаться выследить, откуда они пришли, было бы неблагодарным занятием. И в конце концов мне же всегда хотелось иметь свой собственный дом. Роджер помог мне найти подходящую квартиру на Расина около Линкольна в чистом спокойном маленьком доме, где

было еще четыре квартиры и аккуратно прибранный холл.

После взрыва я примерно неделю проводила, большую часть времени в здании федерального суда. Разговаривала с ФБР, с Комиссией по ценным бумагам. А в промежутках – с Мэллори. Его гордость была задета. Чтобы отомстить за нее, он хотел аннулировать мою лицензию, но Фримэн Картер легко это уладил. Но больше всего Бобби задело письмо от доктора Пасиорека, изливавшего свое горе по поводу жены и дочери. У миссис Пасиорек инсульт. Ненависть к мужу – единственный признак жизни, который в ней еще оставался. Он бросил свою практику на северном побережье и улетел в Панаму, чтобы работать там среди бедных. Бобби, он написал уже из Сиу-дад-Изабеллы. Мюррей рассказал мне обо всем слишком много, больше, чем я хотела бы знать. После всех этих событий мне ничего не оставалось делать, как только спать, есть и обставлять новую квартиру. Думать не хотелось. Ни о Розе, ни о маме, ни о жестокости, которую я обнаружила в себе в тот вечер, когда Уолтер Новик лежал в снегу. Роджер помогал отгонять эти мысли. По крайней мере, днем. Но он ничего не мог поделать с моими снами.

Забросив его в аэропорт, я почувствовала себя опустошенной и одинокой. И испуганной. Роджер отгонял от меня демонов. Теперь мне самой приходилось укрощать их. Может, лучше заниматься этим где-нибудь в другом месте? Слетать на недельку на Багамские острова, как советует дядя Стефан. Или в Аризону – посмотреть, как тренируется моя любимая команда.

Некоторое время я сидела в машине перед домом, играя ключами зажигания. На другой стороне улицы открылась дверца зеленого «датсуна», знакомая машина – помятое крыло, поцарапанная краска. Лотти пересекла дорогу и остановилась перед «омегой», не похожая на себя, маленькая, как и полагается быть женщине пяти футов ростом. Я вылезла из «омеги» и закрыла дверцу.

– Мы можем поговорить, Вик?

Я молча кивнула и повела ее в дом. Она молчала, пока мы не вошли в квартиру. Я повесила ее пальто на вешалку в маленькой прихожей и провела в гостиную, где среди новой мебели уже поселился уютный беспорядок.

– Стефан сказал мне, что Роджер сегодня улетает... Я хотела, чтобы он уехал, прежде чем встретиться с тобой. Мне надо тебе многое сказать. И многие слова забрать обратно. Могла бы ты... – Ее умное, некрасивое лицо исказилось, но она овладела собой и продолжала: – Ты была дочерью, которой у меня нет, Ви. Ай. И лучшей подругой, которую может пожелать себе женщина. И я обидела тебя. Я хочу, чтобы ты простила меня. Я хочу... Нет, не надо возвращаться к прошлому. Я хочу, чтобы наша дружба началась снова, прямо с этой минуты. Позволь мне объяснить – нет, не оправдаться, а объяснить... Я никогда не говорила о своей семье и о войне. Это слишком больно. Родители отправили меня и моего брата Хьюго в Лондон в 1938 году. Они собирались приехать позже, но так и не смогли выбраться из Вены. Мы с Хьюго ждали их всю войну. Позже мы узнали, что они погибли в Бухенвальде в 1941 году. Бабушка, все дяди, двоюродные братья и сестры... Из всей большой семьи остались только Хьюго и я. Стефан... Стефан – милый мошенник. Даже если бы он был таким же мерзким, как твоя тетя, мне все равно пришлось бы его защищать. Мы с Хьюго да он – все, что осталось от тех идиллических времен. Когда его ранили, я чуть с ума не сошла. Я не могла допустить, чтобы он сам выбирал свою судьбу. Мне не приходило в голову, что у него есть на это все права.

У меня перехватило горло и, когда я попыталась заговорить, изо рта вырвался хриплый шепот:

– Лотти, Лотти... Мне было так одиноко этой зимой. Знаешь ли ты, через какие мучения я прошла? Я втянула Агнес в свои интриги, и она погибла. У ее матери инсульт. Тетя сошла с

ума. И все потому, что я действовала как тупоголовая упрямая эгоистка, которая лезет туда, куда не решаются ступить ни ФБР, ни комиссия.

Лотти вздрогнула:

– Вик, не мучай меня, повторяя мои же слова, я все время казню себя за это. Стефан... Стефан рассказал мне, что произошло в монастыре. О Розе и Габриеле. О дорогая, я понимала, что нужна тебе, и я виновата в том, что пришла к тебе только сейчас.

– А знаешь, у меня есть еще одно имя, – вдруг сказала я. – Помнишь миф про Ифигению? Агамемнон принес ее в жертву, чтобы взамен получить попутный ветер и добраться до Трои. С того ужасного дня в монастыре я не могу избавиться от этих мыслей. И в них всегда присутствует Габриела. Это она все время кладет меня на жертвенный очаг, подносит к нему факел и оплакивает меня. О Лотти! Почему она мне не сказала? Зачем заставила меня дать это ужасное обещание? Зачем она это сделала?

И внезапно скорбь по Габриеле, жалость к себе захлестнули меня, и я разрыдалась. Слезы, которые копились во мне долгие годы, никак не хотели останавливаться. Лотти обняла меня и прижала к себе.

– Да, да, моя дорогая, поплачь, тебе станет легче. Виктория Ифигения... Разве ты не знаешь, что в греческой мифологии этим именем иногда называли Артемиду, богиню охоты?

Примечания

1

Торквемада Томас (около 1420—1498) – глава испанской инквизиции.

2

Скотч – шотландское виски.

3

«Руффино» – сорт бренди.

4

К о л д е р Александр (1898—1976) – известный американский скульптор-абстракционист.

5

Друг заботливый (лат.).

6

Гериатрия – раздел медицины, занимающейся изучением заболеваний старческого возраста.

7

Гувер Джон Эдгар (1895—1972) – директор Федерального бюро расследований (ФБР) с 1924 года.

8

Питер Уимзи – герой произведений английской писательницы Дороти Сейерс (1893 – 1957).

9

Кларенс Дэрроу Стьюард – известный американский адвокат, прославившийся в первом «обезьяньем процессе», где защищал учителя Скоупса, преподававшего ученикам дарвинизм, опровергающий догматы Библии.

10

Брумел Бо (1778—1840) – известный лондонский щеголь, законодатель светской моды в начале XIX века, которого Байрон считал самым великим человеком мира, выше Себя и Наполеона.

11

Аналогия со швейцарской гвардией Людовика XIII и Людовика XIV.

12

Стонхендж – крупнейшее культовое сооружение II в. до н. э. в Великобритании.

13

Дороти – героиня известной сказочной повести американского писателя Фрэнка Баума «Волшебник из страны Оз».

14

Пруст Марсель (1871—1922) – французский писатель, автор известного цикла романов «В поисках утраченного времени».

15

Фуллер Маргарет – американская писательница, литературный критик, одна из пионеров феминистского движения, погибла в 1850 г. вместе с семьей в кораблекрушении.